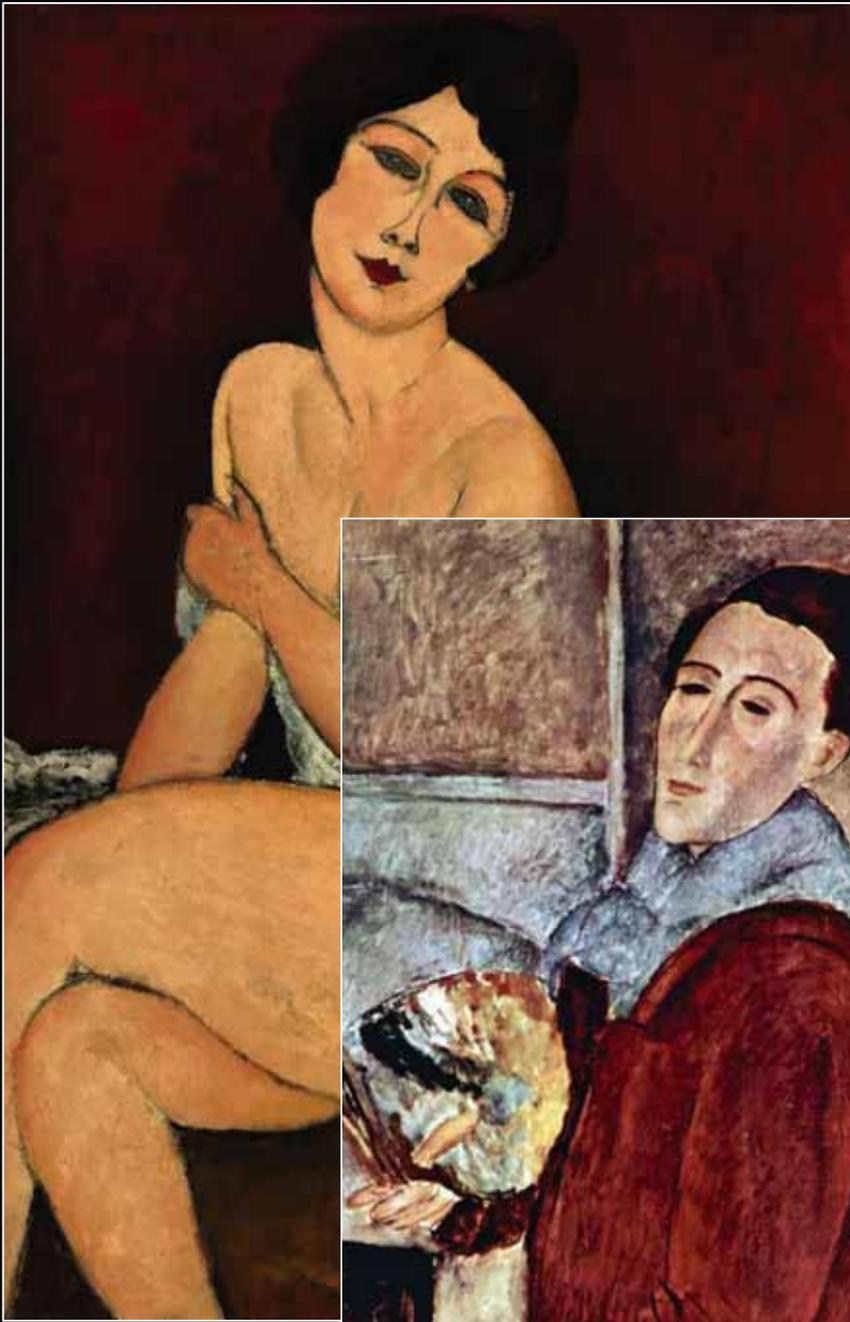

СЕРГЕЙ ВОЛЧКОВ:

*«Я стараюсь не свернуть со своего пути,
которым иду»*

О жизни и творчестве художника Амедео Модильяни читайте на стр. 28

Из российской истории		
<i>Александр Ралот</i>	Классический «сатрап»	4
Неизвестное об известном		
<i>Светлана Марлинская</i>	Слишком много меня...	10
<i>Евгения Гордиенко</i>	Михаил Пришвин. 18 томов жизни	112
Штрихи к портретам		
<i>Дарья Матвеевко</i>	Красавицы пушкинской эпохи	21
Это интересно		
<i>Александр Абакумов</i>	Происшествие на улице Тетбу	28
Ретро-рассказ		
<i>Андрей Петлин</i>	Марафонец	52
Уголки России		
<i>Дмитрий Зелов</i>	Себеж в Себеж	60
Минувшее		
<i>Ирина Опимах</i>	Эдгар Дега и его герой Жюль Перро (блестящий хореограф, создатель «Жизели»)	65
Первые шаги в профессию		
<i>Денис Логинов</i>	Марина Федун: «В хирургии женщинам тяжелее, чем мужчинам. Нужны сильное желание и упертость, а еще желание помогать людям»	76
Звезды не гаснут		
<i>Юрий Осипов</i>	Трудные миры Алексея Германа	84
Житейские истории		
<i>Сергей Петров</i>	Когда идет дождь, ищите радугу	95
Замечательные современники		
<i>Дарья Парчинская</i>	Сергей Волчков: «Я считаю, что песни и музыка должны жить вечно...»	100
Посмеемся вместе		
<i>Александр Пономарев</i>	Не тревожь мне душу, скрипка!	118
Поэзия		
<i>Любовь Сердечная</i>	Стихи	124
Детектив		
<i>Лариса Королева</i>	Шоу толстухек	130
Кроссворд. Эрудит		188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Заслуженный артист России,
певец Сергей Волчков.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

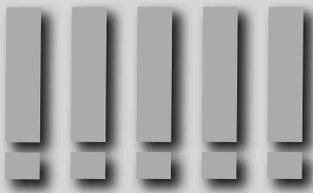
Тираж —
Зак. №

Цена свободная

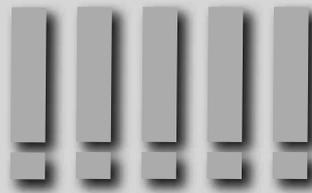
Номер подписан в печать: 19.08.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастливы тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

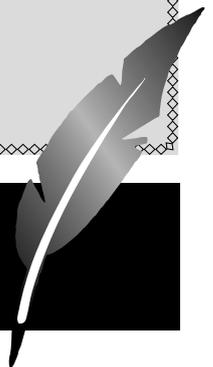
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

«КЛАССИЧЕСКИЙ «САТРАП»»

Едет в Санях Повелитель Московский,
Верный Слуга Вышней Воли Петровской,
толстый, осанистый, важный Усач.

Князь Федор Юрьич,
Алкаш и Палач.

Преображенского страшна Приказа —
Шеф каждодневный,
повыжечь Заразу — Инакомыслия
велено — жгет!

Мерно колыхается тяжкий живот...

«Скудный в своих рассудках человек, но великомочный в своем правлении». (Из воспоминаний современников.)

«Самого истинного сатаны сын и друг дьяволов во всей невиданной спеси и строптивости...»

Из высказываний царя Алексея Михайловича об одном из князей рода Ромодановских!

Сей князь... был собою видом как монстр, а... нравом злой тиран... превеликий нежелатель добра нико-

му... Пьян во все дни, но верный Его Величеству, верный так был, что никто другой... Князь-кесарь — всепьянейшего собора Боярин князь Федор Юрьевич Ромодановский!

Ромодановский — рюрикович аж в двадцать третьем колене! Полагаю, что более чистокровных и родовитых князей (родоначальником считался сам Всеволод Юрьевич — «Большое гнездо») в то время на Руси и не было!

Князь Куракин о Федоре Ромодановском.

15 МАЯ 1682 ГОДА

Стрелецкие отряды, вот уже много месяцев кряду не получавшие жалования из царской казны, перекрикивая друг друга, двинулись к Кремлю.

— Слыхали, братцы, Нарышкины злыдни — лишили жизни сводного брата Петра!

— Точно, говорю вам! Сына Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской Ивана совсем насмерть порешили! Вот те крест!

Пройдя через всю Москву, подошли к царским палатам.

— Прямо сейчас кажите нам царевича Ивана живым и невредимым.

— Иначе все, как один, смерть примите!

— Лютую!

— Всех Нарышкиных разом порешим! Ишь, чего удумали!

Бледная, с трясущими руками, царица вывела на крыльцо и предъявила беснующейся толпе двух хнычущих мальчиков.

Увидев наследников престола, горланившие до этого времени стрельцы разом стихли.

На миг показалось, что бунт прекратится и «краснокафтаники» разойдутся по домам.

Но не тут-то было.

Князь Михаил Долгоруков выскочил вперед и стал с остервенением плеткой отгонять разгоряченных воинов.

Те этакую вольность терпеть не стали. Разом припомнили все телесные наказания и прочие унижения.

Притихшая толпа вмиг превратилась в неуправляемое стадо.

Долгорукова скрутили и тут же, на глазах у мальчишек, изрубили на мелкие кусочки.

К вечеру, вдоволь накуролесив, стрельцы убрались восвояси.

Но юный Петр запечатлел в своей памяти этот день на всю жизнь.

Поэтому, или по какой другой причине, князь Ромодановский получил знатную должность спальника, то есть — ночного охранителя юного царевича Петра...

Придя к власти, будущий император Всероссийский своего бывшего спальника не забыл и назначил главой Преображенского приказа — прообраза будущей тайной полиции страны.

Отныне и до конца своих дней князь стал обладать не только огромной властью, но и полным доверием самодержца.

Каждый раз, покидая Москву, отправляясь в Европу, с великим посольством или в военные походы, царь всегда оставлял его за себя царствовать, для чего даже придумал и утвердил специальный титул: князь-кесарь. Петр знал, что на Ромодановского можно положиться. Он не предаст!

Князь-кесарь получил исключительное право в отсутствие государя по своему усмотрению, решать судьбу всех нарушителей закона. Лично часами находился в пыточных избах, визнавая крамолу. Его име-

*В.И. Суриков.
Маскарад
с участием
Петра I
и князя
Ромодановского*

нем пугали и детей. А его Преображенский приказ только при одном упоминании наводил ужас на всех жителей страны, не говоря уже о всякого рода преступниках!

ИЮНЬ 1698 ГОДА

Выполняя царский указ, вооруженные стрельцы были обязаны покинуть Москву и убыть к новому месту службы.

Такое распоряжение не всем пришлось по нраву. Через некоторое время часть из них решила: «коль царя в столице нет, значит, и приказы его выполнять нет необходимости, а посему — айда, ребята, назад. Возвращаемся до своих домов да жен!»

Верные люди донесли о дезертирах князю-кесарю. По дороге, неподалеку от Новоиерусалимского монастыря отступников во всеоружии встретили войска под командовани-

ем Федора Юрьевича и полководцев Шеина и Гордона.

Видя, что дело плохо, стрельцы бой принимать не стали и рванули кто куда.

Их ловили и тут же на месте чинили следствие и суд. Лишь за один день на оглоблях от телег повесили пятьдесят семь зачинщиков...

Вернувшись в Москву, царь велел возобновить следствие, и начать его следовало со старшей сестры. Допрос вел, конечно же, Ромодановский.

Страшные пытки, через которые прошли остальные участники бунта, к особе царских кровей применены не были. Петр просто приказал постричь ее в монахини на всю оставшуюся жизнь. Шесть лет спустя она тихо скончалась и была предана земле под именем инокини Сусанны. (В память о тех кровавых событиях была написана знаменитая картина

Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни».)

— Яков, ты ли это? — урядник Преображенского полка Петр Михайлов (он же по совместительству самодержец Российский Петр I) обнял своего любимца Брюса, спешно вызванного в Голландию для участия в Великом посольстве — дипломатической миссии царя в страны Западной Европы.

— Потише, государь, рука болит, твой князь-кесарь самолично огнем пытал. Все крамолу в моих научных деяниях сыскать пытался, — при этих словах Брюс продемонстрировал еще не заживший ожог.

В тот же день в Москву отправился гонец с письмом следующего содержания:

«Зверь, долго ли тебе людей жечь? Аж сюда раненые от тебя приехали! Перестань знаться с Ивашкой быть от него рожу драной».

Некоторое время спустя ответ от князя-кесаря дошел до царских очей:

«...В твоём письме, господине, написано ко мне, будто я знаюсь с Ивашкою Хмельницким, и то, господин, неправда... Яков к вам приехал прямой московской пьяной, да и сказал в беспамятстве своем... Неколи мне с Ивашкой знаться, — всегда в ругательстве и лае, всегда в кровях омываемся... Ваше дело на досуге держать знакомство с Ивашкою, а нам недосуг... А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня!»

Прочитав это, Петр буркнул недовольно:

— Черт вас всех разберет. Оба почитатели Бахуса изрядные. Слово Брюса против слова Ромодановского. Пили вместе, поссорились, подрались, а мне теперь разбирайся. И, увлекшись другими делами, о данном происшествии более никогда не вспоминал.

1700 ГОД

Вернувшись домой после поражения под Нарвой, царь не находил себе места.

На пол летело все, что попадалось ему под руку. Дворцовая челядь пряталась по углам, боясь показаться самодержцу на глаза.

Лишь Ромодановский, громыхая сапожищами, без всякого страха проследовал к нему в кабинет:

— Ну и чего кручинишься? Битву проиграл?! Так ведь не войну! Шведы что, у тебя перед дворцом стоят?! Земель да дани требуют?

Петр зыркнул на него и махнул рукой, мол, уходи, не до тебя, но Федор Юрьевич сделал вид, что этого не заметил, и продолжил:

— Ступай за мной и помолчи, покамест я тебе кое-чего не покажу.

— Это ты мне, помазаннику божьему, приказываешь молчать?! — в гневе топнул ногой царь. — Денег нет! Вся наша артиллерия либо разбита, либо шведу треклятому досталась! Я вот думаю, коли отдам приказ немедля переплавить на пушки все

*Царица
Наталья
Кирилловна
показывает
Ивана V
стрельцам*

церковные колокола, взбунтуется народ аль поймет меня и простит?

— Во второй раз прошу — успокойся!.. Я помощь государству в такой крайности учинить должен... Пойдем теперь, но не бери с собой никого...

Дождавшись ночи, они вдвоем, словно воры, прокрались в палату Тайного приказа.

— Там, — подвел Петра к обитой кованым железом двери Ромадановский.. Долго возился с заржавевшим от времени замком, после чего пропустил правителя внутрь...

Как позже поведал панегерист Петра Андрей Нартов: «К несказанному удивлению, увидел Его Величество наваленные груды серебряной и позолоченной посуды и сбруи, мелких серебряных денег и голландских ефимков... множество соболей, прочей мягкой рухляди, бархатов и шелковых материй. Растроганный царь благодарил верного

слугу и недоумевал, откуда сии сокровища.

— Когда родитель твой, царь Алексей Михайлович, в разные времена отъезжал в походы, — отвечивал «дедушка» (так Петр иногда называл Ромадановского, так как тот был намного старше молодого царя), — то по доверенности своей ко мне лишние деньги и сокровища отдавал на сохранение мне. При конце жизни своей, призвав меня к себе, завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве воспоследует в деньгах при войне крайняя нужда. Сие его повеление наблюдая свято и видя ныне твою нужду, вручаю столько, сколько надобно...»

— Ну, Федор Юрьевич, ну, порадовал! Слов нет! Отныне ты есть и будешь — спаситель, и не токмо мой, а и всей державы Российской! Скажи, только честно, сколь раз ты

тут бывал? И не было искушения в карман что-то положить?

— Чего греха таить. Было дело, захаживал пяток лет назад. Токмо не денег ради. Библиотеку Ивана Грозного искал. Где же ей еще быть, коли как не здесь...

— Ну и что, нашел? — бесцеремонно перебил его царь? И в его глазах запрыгали озорные чертенята.

— Да ежели бы сыскал, то разве не поделился бы с тобой?! Нету туточки ее совсем. Мыши да крысы съели, всю... дочиста.

— Это как же? — Царь уже не смотрел на сокровища, его полностью увлекла загадка исчезнувших фолиантов.

— А так. Переплеты старинных книг из натуральной кожи деланы. Опять же пергамены, не чета нынешним. Вот тебе и весь сказ. Нетути тут библиотеки. А была или нет, у этих тварей не спросишь.

Всегда, подъезжая к усадьбе Ромодановских (на Маховой, непода-

леку от каменного моста), Петр вылезал из кареты, оставлял экипаж на улице, входил в поместье и подходил к крыльцу только пешком.

Ему и в голову не могло прийти побить Федора Юрьевича палкой или хотя бы замахнуться на него рукой, или, упаси бог, дернуть своего бывшего спальника за бороду!

А когда Федор Юрьевич входил в какое-нибудь присутственное помещение, все (включая самого царя!) обязательно вставали!

ИЗ УКАЗА ПЕТРА ПЕРВОГО:

«Править Москву, и всем боярам и судьям прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать, когда он чего похочет...»

И каждый из нас, посещая Александро-Невскую лавру, может поклониться могиле этого неоднозначного, но все же бесконечно преданного своей родине человека. □

Светлана Марлинская

Слишком много меня...

Судьба почти всех русских поэтесс — загадочное непризнание или трагедия. До конца девятнадцатого века в России признанной женской поэзии не было вообще — хотя каждая образованная барышня могла написать стихотворение в альбом подруге. И вдруг — в Серебряном веке русской поэзии появляется достаточно много женских имен, из которых сохранилось очень и очень немного.

Хотя... В 2000 году вышла антология «Сто одна поэтесса Серебряного века». Сто одна! А вспомнить могут, от силы, троих — Цветаеву, Ахматову и Гиппиус. Почему? Внятного ответа на этот вопрос до сих пор нет. Женщинам, писавшим стихи, приходилось пробиваться к признанию куда более мучительно, чем мужчинам (впрочем, в прозе было то же самое). Но и позже, когда выросло новое поколение талантливых поэтов и поэтесс, женщин опять же можно было пересчитать по пальцам. И лавры далеко не всегда доставались тем, кто был этого действительно достоин.

Я хочу рассказать о женщине с обычной судьбой, но наделенной даром Высокой Поэзии. О женщине, которую можно смело ставить в один ряд с Цветаевой и Ахматовой, потому что ее стихи, как и их, будут всегда. И еще потому, что почти каждое ее стихотворение мгновенно западает в сердце и остается там.

Я говорю о Веронике Тушновой...

Она родилась в Казани 27 марта 1915 года в семье профессора медицины Михаила Тушнова и его же-

ны, Александры, выпускницы высших женских Бестужевских курсов в Москве. В семье царил жесткий

патриархальный уклад: слово отца было законом для всех, и вопреки его воле ничего не могло произойти. Но...

Отец не одобрял «литературных фокусов», никогда бы не потерпел ничего подобного в своей семье. И все-таки Вероника с детства писала стихи, никому в этом не признаваясь. Наверное, это были обычные «правильные строки», но без них она жить не могла. А чуть позже так вспоминала свое детство:

*« ... перед глазами
Старинный пыльный пригород
Казани,
Дом в три окошка, где отец
мой рос,
А в окнах — шапки огненной
герани
(В слободке не выращивали роз)».*

Это об Адмиралтейской слободе — одном из старинных уголков города.

«Не знаю, была ли она счастлива в жизни хотя бы час, — сказала, вспоминая о Тушновой, ее близкая подруга Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. — О Веронике нужно писать с позиции ее сияющего света любви ко всему. Она из всего делала счастье...»

Как это понимать — ни минуты счастья в жизни, каждую минуту которой она превращала в счастье? Но в этом удивительном даре — исступленно любить жизнь во всех ее проявлениях и радоваться даже пустяку — вся Вероника Тушнова. Возможно, она предчувствова-

ла, что недолго пробудет на этой земле...

До революции семья жила вполне благополучно, а затем мир рухнул... Первые детские воспоминания Вероники:

«... мама укрывается со мной в подвале от обстрела, а вокруг все грохочет и горит. Гражданская война, тиф, кругом разруха и смерть, холод, на улице куда теплей, чем дома, голод, о корке хлеба — первая мечта. А далее весьма скромная жизнь на одну папину зарплату, что нашего счастья отнюдь не губило.

*«Я помню все мамины новые
платья,
и я понимаю, как мало их было.
Я помню в рассохшемся старом
буфете
набор разношерстных тарелок
и чашек,
мне дороги вещи почтенные эти
и жизнь, не терпящая барских
замашек».*

Редкие люди способны безропотно переносить подобные тяготы. Не счесть воспоминаний о «невыносимых днях», «беспросветно-тяжелой работе», «адовых условиях жизни в перенаселенной коммуналке». Но Вероника воспринимала жизнь по-другому:

*Люблю я все, что плещется, струится,
рождается, меняется, растет,
и старится,
и смерти не боится...
Не выношу безжизненных красот!*

Одаренная во всех отношениях, она посещала курсы живописи, училась в школе с углубленным изучением иностранных языков и, конечно же, писала стихи. То, что девочка невероятно талантлива, отмечали абсолютно все. Но по совету, вернее, по приказанию отца Вероника поступила на медицинский факультет Казанского университета. Профессию врача отец считал единственным достойным занятием для человека.

Почему-то считается, что институт Вероника не закончила — ушла после четвертого курса. Но в автобиографии черным по белому написано:

«В 1936 году переехала в Ленинград, получила диплом врача, по специальности не работала...»

Не работала не потому, что «всцело отдалась литературному творчеству», а потому, что примерно в это самое время вышла замуж и родила дочь Наташу. Избранником Вероники стал известный врач Юрий Розинский. Но семейной жизни, как и литературному творчеству — в 1941 году она все-таки поступила в Литературный институт — помешала война. Вероника эвакуировалась с маленькой дочерью и больной матерью (отец к тому времени уже скончался) в Казань, ее муж ушел на фронт.

Неустроенный военный быт, ночные дежурства, «ни весточки о милом человеке»... Но Вероника Михайловна была не просто врачом, она душу вкладывала в каждого своего пациента, не думала о себе, обостренно ощущала чужую боль и... писала:

Он жить не будет.

Так сказал хирург.

*Но нам нельзя не верить в чудеса,
и я отогреваю пальцы рук...*

Минута... десять... двадцать...

полчаса...

корыстно помогала всем, чем могла. Мы по возможности старались освободить ее от работы, потому что в ней очень нуждались раненые. Вероника просто жила человеческой судьбой.

Из всего пережитого рождались стихи...

Я за годы войны

побывала во всех городах,

потому что вот тот

из Тбилиси, а тот из Орла,

потому что у этого мать

в Бухаре умерла.

Одаренная во всех отношениях, Вероника посещала курсы живописи, училась в школе с углубленным изучением иностранных языков и, конечно, писала стихи. То, что девочка невероятно талантлива, отмечали абсолютно все

Через какое-то время Вероника Михайловна с матерью и дочерью переехала в Москву, но это мало что изменило в ее жизни: работа в госпитале, дежурства, полуголодный и холодный военный быт, полная неизвестность о судьбе мужа...

Именно в Москве она познакомилась и на всю жизнь подружилась с Надеждой Ивановной Катаевой-Лыткиной, которая была начинающим хирургом.

Надежда Ивановна вспоминала:

«Вероника была потрясающе красива! Все мгновенно влюблялись в нее. В госпитале слыла главной утешительницей. Могла вдохнуть жизнь даже в безнадежных больных. Бес-

Кто-то пишет в Москву.

У кого-то в Армении дочь.

И чужую тоску

я баюкаю каждую ночь...

«Каждую минуту она что-то сочиняла. Часто ее находили пишущей в какой-нибудь маленькой комнатушке. Привозили раненых, нужно было идти. Но, едва выпадало свободное время, она снова погружалась в свой поэтический мир. Тем не менее, позже, спустя годы, она долго не решалась выбрать дорогу в литературу как единственную».

Но жажда творчества была сильнее ее. Вопреки всем доводам рассудка, дальнейшая жизнь Вероники Тушновой оказалась неразрыв-

С мужем Ю.Б. Розинским

но связанной с поэзией. И стихи ее — предельно искренни, лишены надуманности, красоты, лишнего пафоса — всего того, чем грешила почти вся послевоенная советская литература.

Порой стихи Тушновой больше похожи на дневниковые записи. Только из них становится известно, что муж не вернулся к ней с фронта — оставил семью. Но подрастала похожая на него дочь, и из-под пера поэтессы лились грустные строки, перемешанные с надеждой:

«Ты придешь, конечно, ты придешь, в этот дом, где наш ребенок вырос».

И самое, пожалуй, известное стихотворение Вероники «Не отрекаются, любя».

*«Не отрекаются, любя,
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,
когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.
И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трех человек у автомата.
И будет, как назло, ползти
трамвай, метро — не знаю,
что там.*

*И вьюга заметет пути
на дальних подступах к воротам.
А в доме будет грусть и тишь,
хрип счетчика и шорох книжки,
когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.
За это можно все отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день не отходя от двери».*

Он вернулся, но совсем не так, как ей мечталось все эти годы. Просто пришел больным, почти умирающим человеком. Ни о какой любви и речи не было, но она не отреклась, приняла, выхаживала...

«Здесь меня все осуждают, но я не могу иначе... Все же он — отец моей дочери», — сказала она как-то Е. Ольшанской, одной из своих приятельниц.

Отец ее дочери поступка жены не оценил и снова ушел. На сей раз — окончательно. Конечно же она переживала и... укоряла во всем себя:

Я не люблю себя такой.

Не нравлюсь я себе, не нравлюсь.

Я потеряла свой покой,

С обидою никак не справлюсь...

Несколько лет спустя Вероника Михайловна вторично вышла замуж — за физика Юрия Тимофеева. Но тут уже — глухая стена: ни стихов, ни воспоминаний, родственники не желают открывать семейные тайны — и это их святое право. Тем более, что и этот брак завершился разводом: союз с талантливой женщиной — тяжкое испытание для любого мужчины, исключений из этого правила почти не бывает.

Друзья были менее сдержаны.

«У Вероники — красота жгуче-южная, азиатская, (скорее персидского, чем татарского типа)». (Лев Аннинский)

«Ошеломляюще красива». (Марк Соболев)

«Вероника была потрясающе красива! Все мгновенно влюблялись в нее... О Веронике нужно писать с позиции ее сияющего света любви ко всему». (Надежда Ивановна Катаева-Лыткина)

Но это — только фасад, а что за ним скрывалось, так и оставалось до последнего времени тайной за семью печатями. О Тушновой не сохранилось столько воспоминаний, сколько об Ахматовой и Цветаевой,

она не стала классиком при жизни, у нее не было мужа — гениального поэта, расстрелянного большевиками, не было сына, долгие годы проведенного в страшных сталинских лагерях только за свою фамилию. Она не эмигрировала из России и не возвращалась в нее, она не покончила с собой...

Она была просто очень красивой и очень талантливой женщиной с самой обычной судьбой. Ее не травили, как Пастернака или ту же Ахматову. Ее просто не замечали — или замечали со снисходительным сожалением. В 1945 году издательство «Молодая гвардия» выпустило поэтический сборник Тушновой «Первая книга». Критика встретила ее гробовым молчанием. Немудрено, что второй сборник — «Пути-дороги» — появился лишь через десять лет, в 1954 году, и только под сильным нажимом друзей.

Вероника Тушнова вообще все это «десятилетие молчания» много и упорно работала: рецензентом в издательстве «Художественная литература», очеркистом в газете, переводила с подстрочников Рабиндраната Тагора, причем великолепно делала это, поскольку была лириком, «по самой своей строчечной сути», как говорила она сама. Но приговор сборнику «Пути-дороги» был настолько же суров, насколько несправедлив: «Автор не приобрел своего творческого лица, не нашел своего голоса». В переводе с эзоповского языка тогдашних литературных критиков это означало, что

Тушнова вместо того, чтобы «петь про паровоз», тяготела к интимной, лирической поэзии. А такие «упадническо-салонные» настроения в советской литературе, мягко говоря, не поощрялись.

Тушнова окончательно отказалась от медицины, работала «в литературе». Но она была, как бы сей-

жизни, переживавший яростные нападки после публикации вполне невинного рассказа «Рычаги», о котором сейчас вообще мало кто знает. И Вероника привычно рванулась помогать: отогревать, поддерживать, согреть его «пасмурную душу», возвращать к жизни. О любви вначале и речи не было.

Подруга Тушновой Надежда Ивановна Катаева-Лыткина так вспоминала о ней: **«Вероника была потрясающе красива! Все мгновенно влюблялись в нее. В госпитале она слыла главной утешительницей и бескорыстно помогала всем, чем могла. Она просто жила человеческой судьбой. И от всего пережитого рождались ее стихи...»**

час сказали, «нетусовочной» поэтессой — кого в те нелегкие пятидесятые интересовали любовные переживания? Тем более, что их тогда у Вероники и не было: она по-прежнему заботилась о больной матери, одна растила дочь...

*Вокруг меня как будто бы ограда
чужих надежд, любви, чужого
счастья...*

*Как странно — все без моего
участья.*

*Как странно — никому меня
не надо...*

*Как странно — я со всем живым
в разлуке...*

Любовь пришла к ней тогда, когда она уже ее и не ждала. Писатель и поэт Александр Яшин, женатый, не слишком удачливый в личной

*Помнишь первую осень,
Когда ты ко мне постучал?
Обнимал мои плечи,
Гладил волосы мне
И... молчал.*

*Я боялась тебя,
Я к тебе привыкала с трудом...*

Немудрено: Яшин панически боялся огласки, боялся, что обо всем узнает жена, боялся осуждения окружающих. Не говоря о том, что характер у него был очень тяжелый. Когда ему и Веронике удавалось выкроить немного времени, они ездили в лес, бродили там целыми днями, ночевали в охотничьих сторожках. Но когда возвращались в Москву, Яшин просил свою возлюбленную выйти за две-три остановки. Не сам выходил — ее просил. И она — подчинялась. Как всегда и во всем...

Горше всего было то, что Яшин — поэт! — был патологически скуп на нежные слова. А без них Вероника задыхалась в полном смысле этого слова.

«Как тревожно, милый, как страшно, как боюсь твоей немоты...»

Оставались ее собственные стихи, в которых она говорила со своим любимым, ничего не тая. Выпущенная в 1958 году книга «Память сердца» была уже чисто лирической. И замечания критиков уже мало волновали Веронику Михайловну — ей достаточно было возможности выплеснуть свое взаимное, но все-таки не до конца разделенное чувство.

В 1961 году вышел сборник «Второе дыхание» — тоже любовная лирика. Запретить это было невозможно, не заметить — нельзя. Можно было только сделать вид, что это — не поэзия, а способ самовыражения, утоление тщеславия. Что ж, каждый, как правило, судит по себе...

Любовь на свете есть!

Единственная — в счастье

и в печали,

В болезни и здравии — одна,

Такая же в конце, как и в начале,

Которой даже старость

не страшна.

Не на песке построенное зданье,

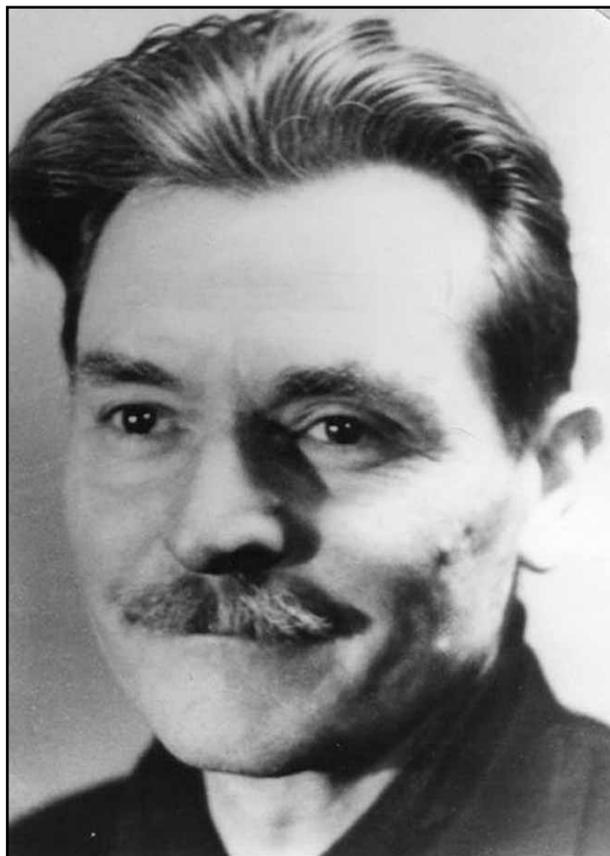
Не выдумка досужая, она

Пожизненное первое свиданье,

Безветрие и гроз чередование!

Сто тысяч раз встающая волна!

Но нет ничего тайного, что не стало бы явным, да и литературный круг,

Александр Яшин

к которому они оба принадлежали, был слишком узок. Сохранить отношения втайне не получилось. Друзья осуждали обоих, Тушновой в спину шипели «разлучница», в семье Яшина происходила самая настоящая трагедия. Разрыв был предопределен и неизбежен.

Вот тогда-то и появились строки, которые до сих пор вызывают слезы:

Знаешь ли ты, что такое горе?

Когда тугою петлею на горле...

Когда на сердце — глыбою в тонну,

Когда нельзя — ни слезы,

ни стоны...

Но уже в последней книге «Сто часов счастья» поэтесса позволила себе выплеснуть всю боль, все отчаяние, потому что знала:

Умерла Вероника Тушнова 7 июля 1965 года. Ей едва исполнилось 50 лет...

Ее смерть по-настоящему потрясла Александра Яшина, который, как и большинство мужчин, старался не думать о плохом, уговаривал себя, что все обойдется. Не обошлось.

*Думалось, все навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры ее беспечной,
Силы ее сердечной
Хватит на сотню лет.
С горем не в силах справиться,
В голос реву,
Зову...*

Мало кто знает, что стихотворение Булата Окуджавы «Эта женщина в окне...» посвящено Веронике Тушновой и ее горькой и прекрасной любви:

*« Не сольются никогда зимы
долгие и лета:
у них разные привычки и совсем
несхожий вид.
Не случайны на земле две
дороги — та и эта,
та натруживает ноги, эта душу
бередит.
Эта женщина в окне в платье
розового цвета
утверждает, что в разлуке
невозможно жить без слез,*

Красавицы пушкинской эпохи

Они вдохновляли великих поэтов, музыкантов и художников, а те, в свою очередь, увековечивали их в своих произведениях искусства. Но некоторым из этих женщин было мало «вторых ролей», и они сами принимали участие в истории Отечества. Без них картина пушкинской эпохи лишается главного своего украшения...

Эпоха романтизма — время, когда женщина входила в культуру и общественную жизнь как полноправная участница. Да, она продолжала быть идеалом и музой, но это уже не безмолвная, условная фигура Прекрасной Дамы, которая была только лишь предметом восхищения и преданности. Она становилась спутником и собеседником мужчины, хозяйкой не только дома, но и культурной гостиной, где нередко происходили значимые события в искусстве и общественной жизни. Светские красавицы, фрейлины императорского двора, жены и возлюбленные знаменитых деятелей эпохи, воспетые в стихах, и сами поэтессы — их жизнь проходила во время становления «золотого века» русской литературы в двух столицах того времени, Петербурге и Москве...

СЕВЕРНАЯ КОРИННА

Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) была рождена в семье известного в то время мецената и собирателя произведений искусства, князя Белосельского-Белозерского.

Детство княжны прошло в Европе, она получила традиционное дворянское домашнее воспитание и стала фрейлиной. Но неординарная судьба придворной ждала одаренную девушку. Уже в период Венского конгресса, одного из значитель-

Зинаида Волконская

ных исторических событий «дней Александровых», Зинаида стала знаменитой своим исполнительским талантом, выступая с ариями из опер. Также там она сблизилась с императором Александром, дружба и переписка с которым будет продолжаться многие годы.

Жизнь при дворе, однообразная и скучная, быстро приелась княгине (с 1811 года Зинаида — уже Волконская, жена и мать), и она решила поселиться в Москве. Ее дом на Тверской стал одним из центров культурной жизни старой столицы (здание сохранилось, в нем был расположен известный Елисейевский магазин).

Многие поэты восхищались талантливой и привлекательной хозяй-

кой гостиной, в их числе был и Пушкин, а также Мицкевич, Вяземский. Но самая яркая и печальная история была связана с юным поэтом Дмитрием Веневитиновым. Поэт, будучи намного младше княгини, был безнадежно влюблен в Волконскую, но жизнь его оборвалась на 22-м году жизни. По легенде, она подарила юноше перстень, с которым он, по его завещанию, и был похоронен.

Несмотря на богатство и блестящую известность, жизнь Зинаиды Александровны не была безмятежной. Устроив проводы в Сибирь своей родственницы Марии Волконской и ее подруги Екатерины Трубецкой, княгиня попала под подозрение полиции. Вскоре было принято решение ехать в Европу. Волконская, которая еще в России приняла католичество, выбрала Италию. Остаток жизни Зинаида Александровна провела, занимаясь благотворительностью, к чему всегда лежала ее душа...

В ТРЕВОГЕ ПЕСТРОЙ И БЕСПЛОДНОЙ

Александра Осиповна Смирнова (1809–1882) прославилась в русской истории и литературе как Россети (девичья ее фамилия была — Россет), и нередко этому имени сопутствовал эпитет «черноокая». Родившись в большой семье, Александра провела детство в одном из закрытых женских учебных заведений — Екатерининском институте, и по окончании стала одной из фрейлин императрицы Александры Фе-

доровны. Придворная жизнь воистину была ее стихией. Россет владела искусством беседы, была очень остроумной и любознательной и умела оживить любую компанию. В отличие от многих девушек при дворе, она не увлекалась только лишь балами и нарядами, а серьезно интересовалась литературой и могла быть равной собеседницей для таких писателей, как Крылов, Вяземский, Плетнев, Жуковский, Гоголь и Пушкин. Из посвященных ей в разное время и разными поэтами стихов можно было бы составить небольшой сборник. Вот, например, как иронично восхищался ею Пушкин:

*Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.*

Было место и дружбе, и интеллектуальной близости в своем кругу знакомых. Есть мнение, что Жуковский, с которым Россети сблизил и двор (он был наставником молодого великого князя, будущего императора Александра Второго), был долго и безнадежно влюблен в нее, встречая в ответ лишь дружеское приятие.

Несмотря на яркую внешность и блестящие возможности фрейлины, Россет признавалась, что брак ее был несчастлив. Будучи замужем, она по-прежнему жила литературой и дружеской средой. Уже в конце жизни, поселившись за границей, Смирнова создала ценный памятник эпохи и блестящее литературное произведение — свои «Записки».

Александра Смирнова

МИЛАЯ СВЕТЛАНА

Александра Андреевна Воейкова (1795–1829) уже по рождению стала причастна к русской литературе — крестным отцом ее был В.А. Жуковский, родственник семьи. Самый обыкновенный, провинциальный помещичий уклад, казалось, не способствовал развитию творческой личности. Но с детства, будучи ученицей талантливого и образованного Жуковского, юная Саша тянулась к миру искусства. Правда, замужество ее было самым ординарным — по расчету — и совсем не счастливым. Свадебный подарок от крестного оказался необычным — знаменитая баллада «Светлана». В 1820 году Воей-

Александра Воейкова

ковы переехали в столицу, где муж Александры стал редактором журнала «Сын Отечества», а сама она начала собирать литературный салон. Для многих гостей хозяйка салона была предметом восхищения, а для Ивана Козлова — поэта с тяжелой судьбой — настоящим другом. Все же нелегкие отношения с супругом, человеком с тяжелым характером, располагали не к блестящей светской жизни, а к тихому созерцанию, желанию помочь тем, кто тоже страдает. Светское общество в худших своих проявлениях нетерпимо и беспощадно именно к таким людям. Зависть порождала сплетни о несуществующих романах, муж изводил ревностью. Но смирение было главным качеством Александры Воейковой. Ее девизом стали слова: «Молись и трудись. Молчи и терпи.

Улыбайся и умирай». Смерть этой необыкновенной женщины была безвременной и тихой. Но память о ней навсегда останется во многих произведениях эпохи и, в первую очередь, в бессмертной балладе «Светлана».

МНЕ ТАЛИСМАН ДОРОЖЕ УПОВАНИЯ

Евдокия Петровна Ростопчина (1811–1858) выросла в московской барской семье. Местом на Чистых прудах, где прошло ее детство, стал легендарный дом Пашкова, где сейчас расположена Российская государственная библиотека. А тогда по этим парадным лестницам бежали дети, в залах танцевали на балах. Но и в таких хоромах юной Евдокии было тесно — она с ранних лет тянулась к знаниям и творчеству, а патриархальный образ ее семьи сводил предназначение женщины к замужеству. Понадеявшись обрести большую свободу, Додо, как называли ее в свете, вышла замуж за графа Ростопчина, сына знаменитого в войне 1812 года градоначальника.

Дебютом поэтессы в печати стало стихотворение «Талисман», втайне от автора напечатанное Вяземским. Из ранней юности (возраста 15–16 лет) сохранились ее стихи, посвященные сосланным декабристам и увидевшие свет только в посмертных сборниках. А сама графиня Ростопчина была известна в столичном обществе как блестящая светская дама, хозяйка популярной гостиной,

увлеченная литературой. Наконец, уже намного позже, увидели свет и ее сборники лирики, и драматические произведения, и проза. Известно, что, будучи состоятельной дамой, всю прибыль от издания своих сочинений Ростопчина жертвовала на благотворительность.

В жизни ее не все было гладко — брак по расчету оказался несчастлив, и в стихах графини все чаще стали появляться мотивы безнадежной любви, жажды счастья и разочарования.

Проведя часть жизни в Петербурге и разнообразных путешествиях, в конце ее Ростопчина вернулась в Москву — по-настоящему любимый ей город, которому она посвятила такие строки:

*В Москву, в Москву!.. В тот город
столь знакомый,*

Где родилась, где выростала я;

Откуда ум, надеждою влекомый,

Рвался вперед, навстречу бытия.

КАК ГРАЦИЯ ОНА МИЛА

Софья Дмитриевна Пономарева (1794–1824) — одна из ярчайших, но рано угасших звезд пушкинской эпохи, чья жизнь стала воплощением романтического идеала. Дочь богатого екатерининского вельможи, она сама обладала поэтическим даром, публиковалась в альманахах, но более всего прославилась как хозяйка одного из самых блистательных литературных салонов Санкт-Петербурга. Вокруг Софьи сложилось общество под ее инициалами «С. Д. П.»

Евдокия Ростопчина

(«Сословие друзей просвещения»). Ее дом посещали Пушкин, Грибоедов, Дельвиг, Вяземский, будущие декабристы. Современники описывали ее как женщину редкой красоты, тонкого ума и глубокой души. Ей посвящали стихи Измайлов, Сомов, Баратынский.

«Всегда прелестна, весела,

Шутя кладет на сердце узы.

Как грация она мила

И образованна, как музы» — так поэт А.Е. Измайлов воспевал Софью Пономареву.

В последние годы жизни Софья Дмитриевна увлеклась поэтом В.И. Панаевым, но он отверг ее чувства. Их примирение произошло, когда Панаев навестил умирающую Софью. Умерла она 4 мая 1824 года от воспаления мозга. Ей было всего 29 лет. На ее смерть Дельвиг написал эпитафию:

Софья Пономарева

«Жизнью своею играла она, как младенец игрушкой. Скоро разбила ее: верно, утешилась там...»

ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

Дарья Федоровна Фикельмон (1804–1863), внучка фельдмаршала Кутузова и жена австрийского посланника, была выдающейся фигурой петербургского общества первой половины XIX века. Салон Фикельмон на Английской набережной в Петербурге стал уникальным пространством, где пересекались литература, дипломатия и власть. В отличие от традиционных светских гостиных, ее «литературно-политический клуб» объединял поэтов пушкинского круга, дипломатов, придворные чины и иностранных гостей. Здесь обсуждались европейские революции 1830-х, цензурные ограничения и при-

Дарья Фикельмон

дворные интриги. Например, записи в ее дневнике содержат анализ политики Меттерниха и позиции Николая I.

Фикельмон также описывала события своего времени, включая дуэль и смерть Пушкина. Некоторые исследователи считают, что она послужила прообразом главной героини в «Египетских ночах» Пушкина. Фикельмон олицетворяла переход от идеала «женщины-вдохновения» к модели «женщины-творца истории». Ее личность отражает важную роль женщин в культурной жизни пушкинской эпохи.

НОЧНАЯ КНЯГИНЯ

Евдокия (Авдотья) Ивановна Голицына (1780–1850) — одна из самых ярких и загадочных фигур пушкинской эпохи, известная своей красотой, умом и эксцентричностью. Евдокия

родилась в богатой и знатной семье Измайловых. Она получила блестящее для женщины того времени образование. С увлечением читала Руссо, интересовалась математикой, философией и политикой. Голицына обладала независимым, своенравным и крутым характером. В 1799 году, по воле императора Павла I, она вышла замуж за князя Сергея Михайловича Голицына. Однако брак оказался неудачным из-за несходства характеров, и вскоре супруги стали жить раздельно.

Княгиня осталась в истории как хозяйка одного из самых известных светских салонов Петербурга. Она имела необычную привычку: принимала гостей не раньше десяти часов вечера, а посиделки часто затягивались до самого утра. За это ее прозвали «Princesse Nocturne» («Ночная княгиня»). Существует легенда, что эта привычка возникла из-за предсказания цыганки о ее смерти ночью во сне, и княгиня, можно сказать, пыталась таким образом обмануть судьбу.

В ее салоне собиралось самое блестящее общество: государственные деятели, писатели, поэты и ученые. Постоянными гостями были Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, А.С. Грибоедов (читавший здесь «Горе от ума»). Молодой Александр Пушкин стал частым посетителем салона Голицыной сразу после окончания лицея. По свидетельствам современников, поэт был сильно увлечен княгиней и посвятил ей несколько стихотворений, в том

Евдокия Голицына

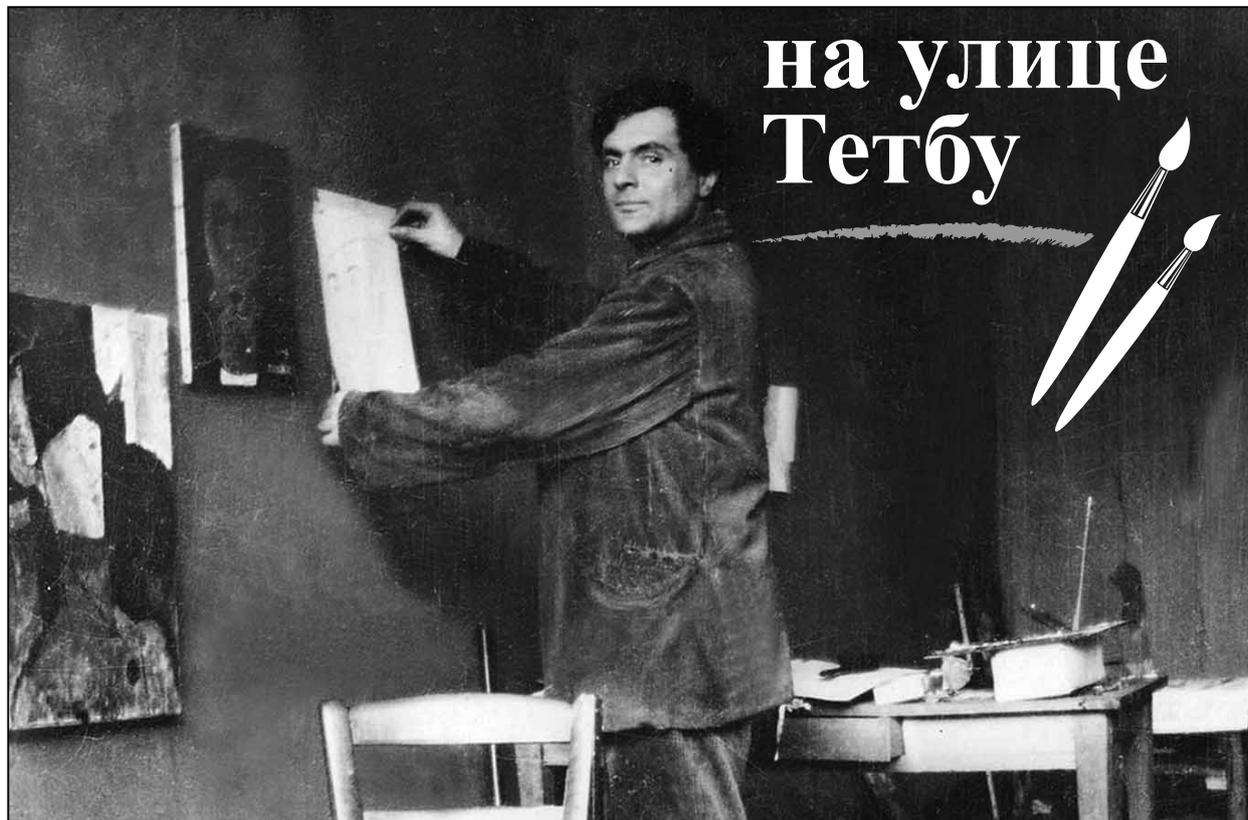
числе, «Краев чужих неопытный любитель» (1817) и «Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность» (1817).

В последние годы жизни Евдокия Ивановна увлеклась высшей математикой, вела переписку с парижскими академиками и даже издала собственные математические сочинения на французском языке.

Скончалась она 18 января 1850 года в Петербурге и похоронена в Александро-Невской лавре. Ее жизнь, полная неординарных решений и интеллектуальных поисков, сделала княгиню Голицыну одной из самых интересных женщин пушкинской эпохи.

Вот такими они были, эти женщины пушкинской поры. Кто-то «яркой кометой» пронесся по жизни, чьей-то участью стало забвение, но все они оставили свой след в истории России... □

ПРОИСШЕСТВИЕ

От автора: В январе 1917 года в Париже открылась и через два часа была закрыта полицией первая выставка французского художника Амедео Модильяни. Что чувствовал он, как жил и творил после случившегося?..

— Вы не представляете себе, о каком мастере идет речь! Пани Берта, вам следует непременно взглянуть на его работы. Я был в таком замешательстве, что слова не мог сказать, лишь только увидел его картины, — так говорил знакомой даме поэт и средней руки маршан Леопольд Зборовский, дрожащими руками наливая себе воды в стакан и от

волнения переходя с французского на польский. — Жак Симоне, журналист и мой давний знакомец, прожужжав мне все уши об этом парне, взялся нашу встречу устроить. Итак, вчера мы зашли в неопрятный подвальчик (вот уж жуткая дыра!), и я попросил нам обоим по глотку вина, день-то для нас обоих был очень трудный. Сидим мы этак, приятель делает мне знаки,

дескать, там, в дальнем углу и находится тот, ради которого мы здесь оказались. Действительно, что мы видим? Одинокая фигура молодого человека за столом, перед ним бутылка, стакан и листок бумаги (мне даже показалось, что это кусок старых обоев), на котором рука его проводит коротеньким карандашом линию за линией. То короткую, то длинную; то помедлит немного, а то вдруг как припустит... Жак хотел, было, обратиться к нему, но тот через короткое время сам поднялся с места и неспешно приблизился, продолжая держать в правой руке карандаш. Я попытаюсь, пани Берта, пересказать вам, что было дальше, но не судите меня строго, могу что-то и упустить. Симоне придвинул ему стул, и мы оказались лицом к лицу с этим странным субъектом. Рассмотреть его толком мне тогда не удалось, оказался он сидящим спиной к свету, запомнились только волнистые волосы, да ровный, классический профиль на фоне пыльного окна. Жак, похоже, знал давно об его бедах, и, наступив мне на ногу под столом, предложил вместе пообедать. Разговор завязывался с трудом. Я представился, но художник, которого журналист называл Моды, рассказывал о себе мало и неохотно. В самом деле, с такими, как он, я виделся часто, и сейчас надеялся разве что на чудо. Ну и на удивительное чутье моего приятеля. Пришлось заказать что-то из еды, и пока хозяин заведения расставлял на столе тарелки, этот самый Моды, обернувшись к своему столу, вернулся оттуда со своей

недопитой бутылкой, стаканом и неоконченным рисунком. Поставив на середину стола эту посудину (какой гордый, однако — сам, поди, голодный, а угощает!), он вновь уселся на колченогий стул, а рисунок его, тем временем, вдруг упал со стола на пол. Нагнувшись, чтобы его поднять, я увидел, что изображены на нем среди прочего две фигуры за столиком под темными сводами тесной комнаты, и двое эти были не кто иные, как я и Жак Симоне! Подивился я столь быстрому и точному наброску и с того момента стал внимательнее присматриваться к этому Моды, хотя называть его так все же не решался после нескольких минут знакомства.

Не сразу, но через некоторое время очутились мы в жилище художника — очень скромная комната под самой крышей, много подобных я повидал. Эта, впрочем, была очень светлая, с довольно большим окном (несчастный, каково-то ему здесь зимой?), где кроме узкого ложа, стола и пары стульев из мебели не было почти ничего — в дальнем углу, правда, поместился еще шифоньер с небольшим зеркальцем на дверце, за которой и скрывался, наверное, весь его скудный скарб. На подоконнике были разбросаны краски и перепачканные разноцветные тряпки, в банке с водой отмокало несколько кистей, на полу разорванный рисунок... Сначала я никак не мог понять, где, собственно, он работает, ибо никакого мольберта не увидел, но вскоре понял, что свои картины Модильяни (таково настоящее имя художника, умоляю вас, пани,

запомните его хорошенько!) пишет, подвешивая подрамник с холстом на гвоздь, торчащий из стены. Это в том случае, если ему удастся разжиться холстом... Обычно, по рассказам Симоне, он рисовал на обрывках бумаги, которые подбирал у продуктовых лавок, или же просто крал, отдирая куски обоев (я не ошибся!) в общественных местах. Картины его, штук шесть или семь, стояли прислонен-

ные к стене, отвернувшись от посетителей. Стол украшали тарелка и зеленого стекла пустая бутылка, в горлышко которой была вставлена оплывшая свеча, тут же — карандашные наброски лежащего человека. В общем, ничего особенного; повторюсь — много я повидал подобного. А тем временем Жак Симоне вел себя как-то нетерпеливо, словно голодный человек в предвкушении трапезы: озирался по

сторонам и кривил лицо. Модильяни же, напротив, был спокоен — притворив дверь и оставив нас у входа, он прошел вперед, и первую же картину, стоящую среди прочих на полу, поднял и повесил на стену, зацепив подрамником за гвоздь. Что же представало перед моими глазами? Ожидал я увидеть городской пейзаж или натюрморт, жанровую сценку или традиционное ню... Но ничего такого не было на старом холсте, действительно старом, потому что было видно, особенно по потрепанным его краям, что рисовал Модди поверх какой-то другой своей работы. Как сейчас вижу — стоит он около картины, придерживает ее, так непрочно висящую, и глядит не на нас, нет, а на нее, и так спокойно-спокойно, склонив голову набок... А с холста, пани Берта, с холста на меня смотрел какой-то господин, но смотрел жутковато, как будто думал о чем-то своем, и со взглядом его мне было никак не встретиться, словно взгляд этот был где-то спрятан... Я содрогнулся, так сильно подействовал на меня этот портрет. Скажу честно, я даже испугался немного, хотя, казалось бы, чего бояться? А подумалось мне, что странный этот Модди сейчас покажет мне еще картину, потом другую... от чего перехватит дыхание, а мне и одной хватило... Подойдя ближе, я долго рассматривал эту первую, виденную мной, работу Модильяни, затем вытер платком лицо (меня бросило в жар) и, возвращаясь к дверям, поймал на себе торжествующий взгляд Симоне. От меня наверняка ждали

каких-то слов, пани Берта, но, представляете, дар речи я вновь обрел лишь через пару минут. Мы неловко простились с художником, пообещав прийти к нему завтра утром.

Того, кто так хорошо отражался в зеркале на дверце шифоньера, Амедео Модильяни не любил. Во-первых, за то, что рисовал тот и брился всегда левой рукой, будучи неправдоподобно плоским, а во-вторых, за то, что всячески и с успехом себя ему противопоставлял. Нет, он не прекосло-

стекле бутылок... Уединиться было трудно, чувство несвободы и постоянный пригляд порой приводили Модильяни в неистовство, и тогда окружающие, не понимая причины, пугались этих внезапных приступов ярости — ведь даже в парке и на бульваре находил он свое отражение в любой грязной луже. Хотя, если постараться, можно, наверное, вспомнить места, где никогда не встречал он своего двойника, например, в какой-нибудь бедной церкви, там, на родине, в далеком Ливорно, где цветное стек-

В обычной жизни — с ее неприкаянностью и сомнениями — о своем двойнике, отображавшемся в зеркале, художник старался не вспоминать, но, несмотря на все усилия, убежать от себя не получалось. Это вечное бегство по кругу от самого себя лишь приводило его к новым холстам, краскам и карандашам как к новой, безуспешной попытке обрести свободу и обновиться...

вил — если художник молчал, то безмолвствовал и он, но не давал и слова сказать, стоило только человеку открыть рот. Началось все с невинной, шуточной попытки побеседовать, а закончилось бесконечной и безжалостной дуэлью взглядов — всегда успешной для того, кто в зеркале, скоротечной и беспощадной, то восходящей к постыдной брани, то еле слышимой. Зеркало было самым частым местом их встреч, но случалось пересекаться также и в пространствах иных, где знакомый образ был легко узнаваем на любой водной глади, в витринах магазинов и в темном

ло лампад и витражей всегда мутноватое и ничего мирского не отражает... Иногда, как правило, по ночам, посещала его пугающая мысль — уж не безумен ли он, коль скоро так мешают ему жить любые внимательные глаза. Многие, кто видел нарисованные им портреты, безуспешно искали на этих лицах признаки хоть какого-нибудь взгляда. Каких только предположений на этот счет он не наслушался! Глупцы, они должны были быть счастливы, что никто из них не увидит собственного отражения в чужих зрачках! А если бы это у них стало вдруг получаться, то уж не на-

слаждаться им с того момента ничьими объятиями, ибо где, как не там, глаза человеческие ближе всего друг к другу?

— Присмотритесь сами, — рассуждал он вслух, — и вы найдете множество признаков неутихающих битв с самим собой. О рисовании неудобной рукой я уже говорил, замечу еще, что кольцо (память о матери) живет у него на левой руке и, стало быть, он, в отличие от меня, человек женатый... И появляется он только на свету, в темноте же растворяется и, сколько не всматривайся, даже в самом большом зеркале его не найдешь, словно и нет его вовсе...

В обычной жизни — с ее неприкаянностью и сомнениями — художник старался о своем двойнике не вспоминать, но, несмотря на все усилия, убежать от себя не получалось... Это вечное бегство по кругу от самого себя приводило его лишь к новым холстам, краскам и карандашам, как к новой, безуспешной попытке обрести свободу и обновиться. Но вот в последнее время ему стало казаться, что и в живых беседах с другими людьми говорит он с ними каким-то двойным голосом, таким идеальным дуэтом — даже в моменты очень личные, когда третий, как говорится, лишний. Но вот кто именно из них пребывает в таком незавидном качестве, все чаще приходилось гадать. Мысли были какие-то рваные, невеселые, заводившие все дальше в тупик. Станным оказалось, однако, что и двойник его, мелькавший в зеркалах то тут, то там, в такие моменты

тоже приобретал печальный вид. Во все не радость победы жила на его лице, а растерянность и ожидание помощи. И подумалось однажды мастеру:

— Уж если мы обречены на вечное противостояние, уж коли даже диалога не получается, то, может быть, имеет смысл сразиться с ним его же сокрушительным оружием? О, эти глаза! — не будут больше отражаться в них ни я, ни кто-либо другой. Пусть попробует теперь пожить в темноте, ходить на ощупь, и тогда перестанут быть ему заметны все мои слабости и непотребства, все, за что мне бывает так стыдно. И тогда смогу я свободно перенести на холст только то, что меня волнует, и моими, только моими глазами буду смотреть на мир.

Между тем, Леопольд Зборовский, оправившись от первых потрясений, стал частым гостем у Модильяни. Зная, что художник очень трепетно относится ко всякого рода помощи, как правило отвергая ее, он все-таки приносил с собой в комнатку Моды кое-какую еду, и под скромную трапезу шли у них короткие беседы. Короткие не потому, что поэт спешил по другим делам, нет, больше из-за того, что сам художник тяготился своим неумением разговаривать подолгу. Нельзя сказать, что Зборовский был Модильяни неинтересен, скорее, наоборот. От него всегда можно было узнать о знакомых, его мнение о картинах обитателей художественных студий и бедных мансард было искренним, хотя и не всегда лицеприятным. Кроме того, этот не очень удачливый торговец передавал художнику время от времени неболь-

шие деньги за проданную картину — такое случалось. Но чаще бывало, что никто не покупал работы Модильяни, и тогда Леопольду Зборовскому удавалось уговорить Модди взять от него хоть какую-нибудь мелочь, чтобы пережить особенно трудные дни и недели. Однажды Модильяни, не смотря, по своему обыкновению, в глаза собеседнику, предложил поэту позировать для портрета:

— Послушай, Лео, ты столько раз помогал мне в минуты отчаяния, когда ничего не виделось впереди и не было даже карандаша, не говоря уже о хлебе... Не пожимай плечами, я знаю, что говорю. Мне хочется тебя отблагодарить единственным для меня возможным способом — найди время посидеть спокойно вот тут, на стуле, а я поработаю красками и постараюсь тебя не задержать. Я открыл и покажу кое-что в тебе, чего ты, наверное, и не замечал никогда. Ну, так что, согласен?

Сказано это было так искренне и просто, что Зборовский, прежде только наблюдавший за работой художников, хотя и удивился предложению, но упираться не стал. Тем более что его так умело заинтриговали, рассказав о какой-то тайне, якобы скрывающейся в нем самом. Условились, что Лео придет завтра в полдень, но только если не будет дождя. На солнечной погоде Модильяни почему-то особенно настаивал, очевидно, имея на то какие-то основания.

Эта зима не была холодной, и им повезло — утреннее солнце дарило всем — и сытым, и страждущим — в равной мере свое тепло. Что касается

Леопольда Зборовского, то нельзя сказать, что он провел спокойную ночь. Предложение позировать для портрета и смутило его, и порадовало. Дело было отнюдь не в том, что Модди вдруг решился на такого рода благодарность. Хотелось думать, что он действительно что-то важное увидел в Лео (давно известно — у художников и поэтов редкая способность проникать в душевные лабиринты), и что он интересен ему как некая неизвестная планета... Этим утром Зборовский, стыдясь, много времени провел перед зеркалом, пытаясь укрепить дух. Но нет, ничего не получилось — встреча с самим собой повергла поэта в еще больший трепет. Неужели он, обыкновенный человек, да какое там — никчемный, неумелый, цепляющийся за искусство как за спасение души, неужели он сможет помочь нищему художнику сделать шаг к чему-то такому, что сам Лео только подозревал в нем, и были эти его мысли необъяснимы, туманны, а потому казались небезопасными... Вот было бы хорошо, если Модди передумает и откажется от идеи портрета, или не найдет красок, или случится еще что-нибудь подобное... Неужели я боюсь этого сеанса? Пожалуй, да. И страшно мне вот почему: и час, и другой я буду видеть Модди в его стихии, среди кистей и красок. Интересно, каков он за работой? Неистовый, летящий, разве что без крыльев за плечами? Сосредоточенный, видящий всю мою суть или, наоборот, расслабленный и прикладывающийся к бутылке? Всегда такие неуловимые, на этот раз его глаза будут в меня

проникать, и все, что они найдут в моей душе — сомнения и страхи, возжелания, надежды и амбиции — все безжалостно перенесется на холст. А что если, и вправду, получится? Вот уж воистину можно будет сказать: «Кушать подано, господа!» И тот, кто посмотрит внимательно на это блюдо, вдруг увидит меня и ужаснется (ну, или поднимет на смех). Не отказаться ли от визита? Может быть, сказаться больным? Да нет, Модильяни проницателен, догадается, что я испугался...

Такие мысли одолевали этого молодого человека, шагавшего по улице Ламартен, что плавной дугой пересекала девятый округ Парижа с востока на запад и с каждой минутой приближала его к чему-то удивительному, еще небывалому. Лео не был суеверным, но вздрогнул, когда вдалеке послышался удар колокола — наверное, провозжали в последний путь усопшего человека... Как же все рядом а этом мире! Повернув на улицу Тетбу, более суетную и широкую, Зборовский не стал ускорять шаг. Едва не попав под колеса повозки и пропустив мимо ушей брань возницы, он неожиданно остановил взгляд на вывеске небольшой художественной галереи. Хозяйка ее, знакомая ему мадам Берта Вейль, как раз сейчас протирала витрину, за стеклом которой в неказистых рамах обитали несколько неплохих пейзажей. Заметив Зборовского, молодая женщина приветливо улыбнулась и сделала знак, приглашая зайти. Было приятно сознавать, что его узнали, но, как бы не хотел Лео отложить встречу с Модильяни,

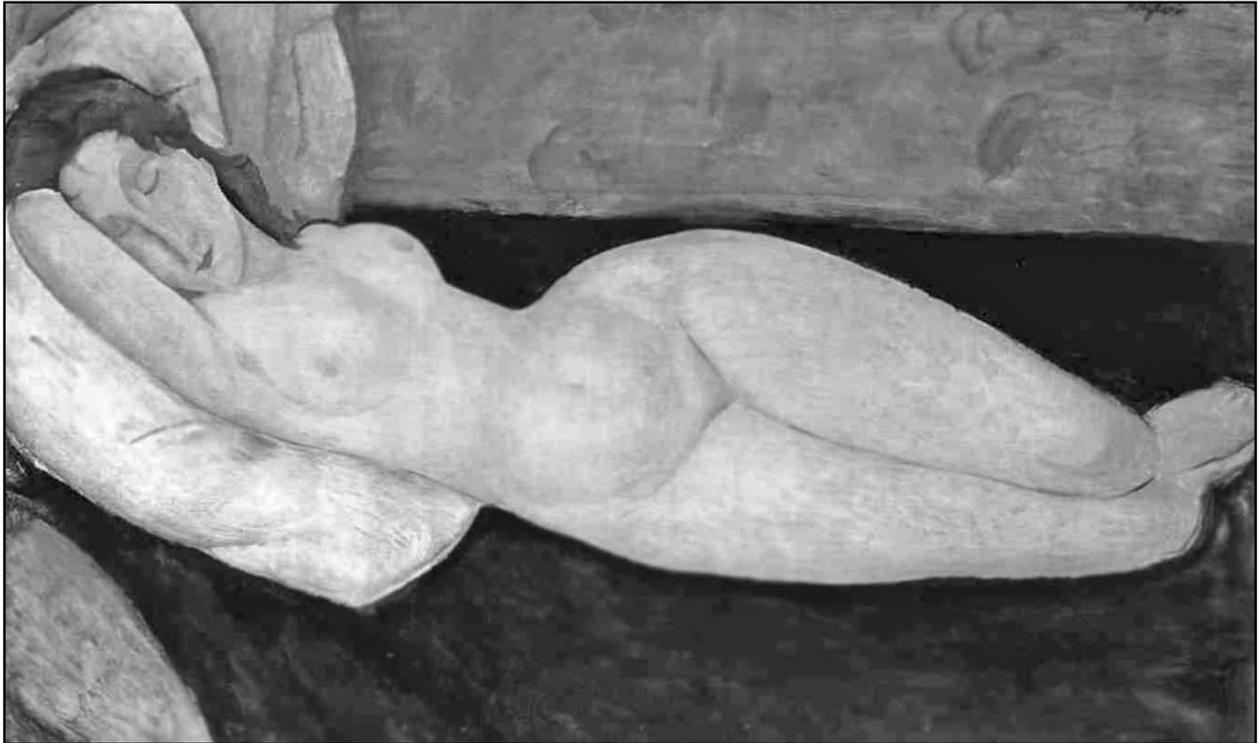
он, сделав усилие, приложил к груди руку и дал даме понять, что спешит. Та понимающе улыбнулась, что-то сказала, наверное, пожелала удачи, и принялась вновь наводить порядок в витрине, оставляя на стекле широкие, влажные полосы. Интересно, к чему бы это: сначала колокол по усопшему, а затем почти сразу встреча с милой женщиной? Да еще через час начнет рождаться портрет... Что-то там на небесах затевают...

— Здравствуй, Збо! Я, было, засомневался, что ты придешь. — Такими словами Модильяни встретил поэта, едва тот перешагнул порог его жилища. — Проходи и присаживайся, я почти готов!

Это его «почти готов» в данном случае означало, что подрамник с чистым холстом действительно уже был подвешен на знаменитый гвоздь, а у самого окна стоял стул с гнутой спинкой, на котором Зборовскому предстояло провести в размышлениях какое-то время. Остальное — палитра, краски и кисти — еще «спали», как и молодая женщина, рыжие кудри которой разметались в постели на единственной подушке.

— Это Жанна — улыбнулся Модильяни, — не волнуйся, Збо, она скоро уйдет. Вчера я много времени потратил, чтобы найти для нее место на холсте, и вот, посмотри! — Он поставил на пол перед товарищем небольшую картину.

«Конечно, — переведя дыхание, подумал Зборовский, — будь ты побогаче, уж не на такой старой тряпке

изобразил бы эту красоту. И я, были бы у меня средства, уж не так бы тебе помогал...»

Модильяни удалось, наконец, разбудить Жанну, которая для вида немного сердилась, но через пару минут молодость взяла верх, и послышался ее веселый голосок. Мужской и женский шепот перемежались тихим смехом, было слышно, как шуршит одежда, затем скрипнула дверь, и звук легких шагов затих. Модильяни же подошел к Зборовскому, присел перед ним на корточки и, не говоря ни слова, долго его рассматривал в потоке солнечного света, льющегося из окна. Затем произошло вообще невероятное. Поднявшись с пола, он, словно изучая, кончиками пальцев обеих рук пробежал по лицу поэта, заставив того вскрикнуть и отшатнуться. Художника это нисколько не задело — оглядев комнату и опоя-

савшись какой-то тряпкой, Моди взял кисти и подошел к холсту...

Последующие два часа Зборовский был предоставлен самому себе. Впрочем, это не совсем так. Все это время он рассматривал картину, на которой художник изобразил свою Жанну. И чем дольше он на нее смотрел, тем неуютнее ему становилось. Нет, не потому, что картина была так уж эротична. Брала она как раз другим — все на ней было мирно и естественно, никакого напряжения, вызова или надлома не было и в помине, а яркие цветные пятна — всем должно быть понятно — это потому, что попадал туда солнечный свет. А вот взгляд у девушки традиционно отсутствовал, то есть, вместо глаз зияли две бездонных пропасти, и как Моди проделывал это не в ущерб картине, оставалось загадкой. Но вот внезапно удивительная по своей простоте идея посетила Збо-

*Амедео
Модильяни.
Портрет
Леопольда
Зборовского*

ровского, затмив собой и портрет девушки, и самого мастера. Поразившись находке, он едва досидел на своем стуле до момента, когда художник стал рисовать все медленнее, и, наконец, отложил и палитру, и кисти.

— Вот и все, Збо. Главное, похоже, удалось, остальное завтра и без

тебя. Теперь не обижайся и уходи. Мы увидимся...

Модильяни тяжело опустился на неприбранную постель и, прикрыв глаза, сидел так до тех пор, пока поэт, торопясь и боясь потерять пришедшую ему на ум мысль, не прикрыл за собой дверь. Едва это про-

изошло, как угасли для Моды и солнечный день, и краски, а усталые глаза его, перестав воспринимать свет, погрузились на какое-то время во мрак.

Нет, не домой отправился Леопольд Зборовский, и не в кафе, чтобы стряхнуть с себя морок, в который его погрузили кисти, мелькавшие в руках у Модильяни и терявшие иногда четкость очертаний. Поспешил он на улицу Тетбу к мадам Берте Вейль, той самой, которая еще в полдень приглашала его к себе в галерею поболтать. Натыкаясь на прохожих, принимавших его за пьяного, увораживаясь от роковых встреч с экипажами, Зборовский почти бегом принес свою мысль под низкие своды галереи, испугав своим видом милостивую Берту. Ну а дальше... дальше, с трудом дыша и страшно заикаясь, им были пересказаны этой женщине события сегодняшнего дня...

вооткрывателя, и женское любопытство, и тщеславие, и совсем уж редкая гостя — дрожь от предчувствия чего-то невиданного. Как сквозь туман доносились до нее слова Зборовского:

— Я вам уже рассказывал о нем. Это прорыв в искусстве, нечто абсолютно новое... Упустить возможность выставить его живопись будет непροститительным легкомыслием — это не громкие слова, верьте мне! И вы будете первой, кто его всем покажет. Если говорить о конкретных работах, то у него ведь в основном портреты, и мужские, и разного рода женские. Не надо морщить лоб и кривить губки — это не то, что вам нарисовалось в воображении, это другое, это сияет как солнце! Да что говорить о том, чего вы еще не видели? Согласитесь его навестить, я все устрою.

Через пять дней после этого разговора, и через два после того как

Никто больше не появлялся у Моды в его холодной комнате с большим окном, никто не просил показать картины.

Деньги от последней скромной продажи давно закончились, и приходилось одалживать в лавках еду и красть бумагу для набросков...

Берта Вейль давно уже не слышала таких восторженных слов, похоже, за эмоциями поэта действительно скрывалось что-то очень значимое. В душе у нее ожили и заговорили самые противоречивые чувства. Это были и профессиональный, почти охотничий инстинкт, и азарт пер-

Зборовский привел мадам Вейль в мастерскую художника, идея выставки, казалось, умерла. Никто больше не появлялся у Моды в его холодной комнате с большим окном, никто не просил показать картины. Деньги от последней скромной продажи давно закончились, и приходилось вновь

одалживать в лавках еду и умыкать там же бумагу для набросков...

Модильяни был поколеблен, работалось плохо, все чаще просыпался он среди ночи от беспокойных мыслей и уж тогда не мог уснуть до рассвета. Вот и теперь, промучившись полночи без сна, не находил он в себе сил взяться за какое-нибудь дело. Решив, во что бы то ни стало, найти сегодня Зборовского и рассудив, что тот должен быть дома в столь ранний час, он отправился к нему домой. Город нехотя просыпался, открывались лавки, пахло свежее испеченным хлебом. На рынках торговли уже бранились за места, а на перекрестках в черных своих мундирах и накидках позевывали крепкие ажаны, готовые немедленно размяться на нарушителях спокойствия...

Леопольд Зборовский не удивился, увидев продрогшего Модильяни на пороге своего дома, он лишь приложил палец к губам, показывая, что все еще спят, и говорить следует тише. Затем, с трудом рассмотрев лицо художника в полутьме маленькой прихожей, он нахмурился и негромко спросил:

— Ты ведь сегодня ничего не ел?

Модильяни тяжело опустился на стул:

— Что происходит, Збо? Куда вы все пропали? Были в моей жизни дни и потруднее, но тогда я, по крайней мере, был спокоен. Ты и мадам Вейль нарисовали мне такую счастливую картину... эта выставка, там я вновь готов был родиться! Поманили, словно ребенка, конфетой, да и посмеялись потом. Горько мне, Збо, я лучше

о тебе думал. Подожди, не перебивай меня, я должен все это тебе высказать. Знаешь же, прежде я нигде не выставлялся. А как думаешь, что означает для художника его первая выставка? Что он чувствует? О, это можно со многим сравнить. Ну, например, когда отец впервые берет на руки новорожденное дитя... Или когда взрослый уже внук получает благословение от своей бабушки и становится перед ней на колени... Или... Не смей улыбаться, ты не можешь это понимать! Выставка! Это подарок, это неожиданное открытие самого себя, но больше скажу — это и акт мести своим недругам за интриги, своим друзьям за страх быть ими покинутым, женщинам — за холодные, одинокие ночи, уверенным в себе мужчинам — как раз за эту, обретенную ими, неизвестно каким образом, уверенность. Если ты человек не тщеславный, то после первого вернисажа наверняка уйдешь с этим опытом, а хорошо это или плохо, я пока не знаю... Первая выставка — это неприятная необходимость выбирать, кого ты позовешь на открытие, а кто-то пусть приходит без приглашения, если захочет. Согласись, это прекрасная возможность поставить точки над «i» в отношениях...

Художник попросил воды. Когда он, запрокидывая голову, пил из стакана большими глотками, Зборовский видел, как дрожала его рука, и как вода эта проливается ему на небритое лицо, еще пару дней назад так восхитившее впечатлительную владелицу галереи.

— Моди, я хочу что-то тебе сказать... — Лео присел на корточки перед другом, совсем как когда-то Модильяни перед ним во время сеанса. Тот ловил ртом воздух и озирался. Поэту пришлось взять его за плечи и встряхнуть, только после этого взгляд Модильяни нашел, наконец, собеседника.

— Все устроилось, понимаешь? Все получилось! — сказал Зборовский. — Берта освободит галерею для тебя через неделю. — У нее там еще обязательства какие-то перед клиентами. Итак, вернисаж в следующую среду, мой друг. Не веришь? Дело осталось за малым — отобрать работы и принести их на улицу Тетбу (ты, похоже, и адрес тот забыл?) А сейчас пойдем-ка на воздух, за углом недорогой кофе подают, горячий, он приведет тебя в чувство. Да и мне нужно отдышаться... Кстати, заодно объяснишь мне, что ты такого увидел во мне, когда уговаривал позировать для портрета. Или опять насвистел, как всегда?

Горячий кофе благотворно подействовал на обоих. Согревались, собирались с мыслями. Против ожидания Модильяни заговорил первым:

— Устал я, Лео. Все из рук валится... Говоришь, через неделю? Не обманываешь? А то я уже во всем разуберился. Картины я принесу, и те, что дома у меня, и те, что розданы для продажи по разным местам. У тебя ведь тоже есть что-то из моего? Вот это и покажем.

— Моди, за мной четыре твои картины, и вот что я предлагаю. Мы покажем всех твоих великолепных жен-

щин, и только их. Сейчас, в середине зимы, в эти серые дни, когда где-то идут бои, когда здесь, в Париже, бывает так тускло и безнадежно, когда все устало от войны и тоскуют по теплу прежней, беззаботной жизни, именно твои дамы приведут нас к успеху. Я говорил с Бертой, она согласна.

— Ты уверен? Тогда я полагаюсь и на тебя, и на мадам Вейль, хотя, мнится мне, что непросто все обернется. Ох, непросто... Но идея хороша — выставить всех этих солнечных дам, всколыхнуть чувства, согреть, если не все тело, то хотя бы глаза... Договорились! Может, будут и продажи, ты уж расстарайся. Что до твоего портрета, действительно, я кое-что подметил. Вспомни, что, взглянув на холст, ты поморщился и заявил, что никогда не был столь строен, напротив — всегда сутулый, глаза в пол... Согласен, обычно так ты и выглядишь. Но знай, иногда, когда тебя озаряет интересная мысль, или когда ты делаешь для себя какое-нибудь открытие — вот тогда ты становишься выше ростом. И голову держишь прямо, и руки, я замечал, не перед собой держишь, закрываясь от всего вокруг, а свободно. Вот такого себя ты и увидел на портрете. И не узнал.

Зборовский хотел уже, было, начать спорить, но замолчал и лишь придвинул ближе к собеседнику тарелку с нарезанным свежим багетом и кусочками сыра. Ничего другого здесь не могли предложить в столь ранний час...

Утро памятного дня открытия выставки было пасмурным. Мелкий

дождь то накрапывал, то прекращался, но эта нерешительность никак не портила праздничного настроения Моди. Проснувшись необычно рано и приведя себя в порядок перед зеркалом, он неожиданно смело взглянул в глаза своему отражению и встретил непривычно счастливый и ободряющий ответный взгляд. Подивившись этому, художник невольно улыбнулся и точно такая же (если не более широкая) улыбка была ему подарена в ответ. Все складывалось прекрасно. Несколько дней назад, после долгих споров со Зборов-

ликатное — некоторые картины как-то сразу занимали свое место на стене, но большинство из них долго и с трудом искали себя в этих, пока еще пустых, пространствах. Модильяни впервые участвовал в развеске, все ему было внове, все вызывало почти детский интерес. Открыл он для себя, что у картин есть одна удивительная сторона жизни — это когда они все вместе собираются поучаствовать в выставке. словно живые существа, они делят стены и даже простенки, дружат и конфликтуют, соглашаются и протестуют, в буквальном смысле

В

январе 1917 года в одной из парижских газет могла появиться такая заметка: «Тишину улицы Тетбу нарушила ссора двух дам. Событие это не было случайным и имело веские причины. Суть спора до смешного проста : обе женщины были возмущены выставкой картин некоего Амедео Модильяни и посылали проклятия на голову бесстыжего художника, который малюет всякие непотребства и тем самым оскорбляет их чувства... Одна призвала на голову Модильяни кару небесную, вторая требовала полиции, суда и каторги. Полиция не замедлила явиться...»

ским — тот объявил себя куратором выставки — были отобраны два десятка картин, и Моди посвятил целых три дня на их переноску из разных мест в галерею мадам Вейль. Берта волновалась не меньше, хотя и имела некоторый опыт в таких делах. Развешивание картин едва не закончилось потасовкой между художником и куратором, но, как говорила хозяйка галереи, без такого обходилось редко. Дело это хлопотное и де-

слова срываясь со стен; заговаривают с посетителями, завораживают, и те их покупают... Кроме того, нашлось его рукам дело, отличавшееся от работы кистью или карандашом, и Моди с удовольствием орудовал молотком, балансируя на шаткой приставной лестнице. Наблюдая за его восторгами, Зборовский вдруг испытал неприятное чувство опасности, исходящее непонятно откуда. Переглянувшись с Бертой, он по ее глазам

понял, что она испытывает нечто похожее.

«В среду, третьего января 1917 года, утреннюю тишину улицы Тетбу нарушила ссора двух дам, выяснявших отношения прямо напротив полицейского участка. Событие это, как оказалось, не было случайным и причины имело весьма веские. Женщины, вероятно, из местных домохозяек, не стесняясь в выражениях и размахивая зонтиками, старались перекричать друг друга, указывая собравшимся зевакам на некое заведение, что запахнуло этим утром свои двери для посетителей. Суть спора оказалась до смешного проста — обе были крайне возмущены выставкой картин некоего Амедео Модильяни. Но кричали они каждая о своем и требования выдвигали разные. Та, что постарше, мадам Фонтан, поминутно упоминая имя Господне, посылала проклятия на голову бесстыжего художника, который малюет всякие непотребства и тем самым оскорбляет ее чувства. У другой же, что помоложе (имя ее осталось неизвестным), настоящую ярость вызвало лишь то, что муж ее пребывал в восхищении от увиденного в галерее мадам Вейль. Первая призывала на голову Модильяни кару небесную, вторая, столь же страстно, требовала полиции, суда и каторги. Полиция не замедлила появиться...»

Так, или примерно так, могла начинаться статья в какой-нибудь парижской газете о злополучной выставке Модильяни в галерее Берты Вейль,

что на улице Тетбу, 18. Действительно, место оказалось неудачным — напротив галереи располагался участок полиции, который, как ему и положено, бодрствовал круглые сутки. Обо всем подумал Леопольд Зборовский, все, кажется, предусмотрел, но не смог предвидеть ни печальные последствия такого соседства, ни случайную перепалку двух взбалмошных особ. Последние дни Лео только и жил этой выставкой, дышал этим божественным запахом холстов, красок и лака. На его глазах небольшие залы галереи преобразались и оживали. Все больше там было самого Модии, его страстей, его улыбки, его борьбы с таинственным, неизвестным противником. Ослепительным и живым казалось поэту это искусство, отчего далекое эхо сражений Мировой войны слышалось все глуше. Посетителей, несмотря на ранний час, было уже изрядно, и Лео нравилось наблюдать за ними. Некоторые из них — люди, не чуждые новым веяниям, — отзывались об увиденном негромко, удивленно и одобрительно. И действительно, то плавные, то угловатые линии женских тел на картинах, теплые полосы и таинственные пятна странным образом обращали взгляд смотрящего внутрь самого себя, а если и волновали, то как-то по-особенному — без усилий, напряжения и боли — кого-то согревая, других направляя, а иных исцеляя. К сожалению, таковых было немного. Большинство же находило выставку скандальной и провокационной. Уходить, однако, никто не спешил...

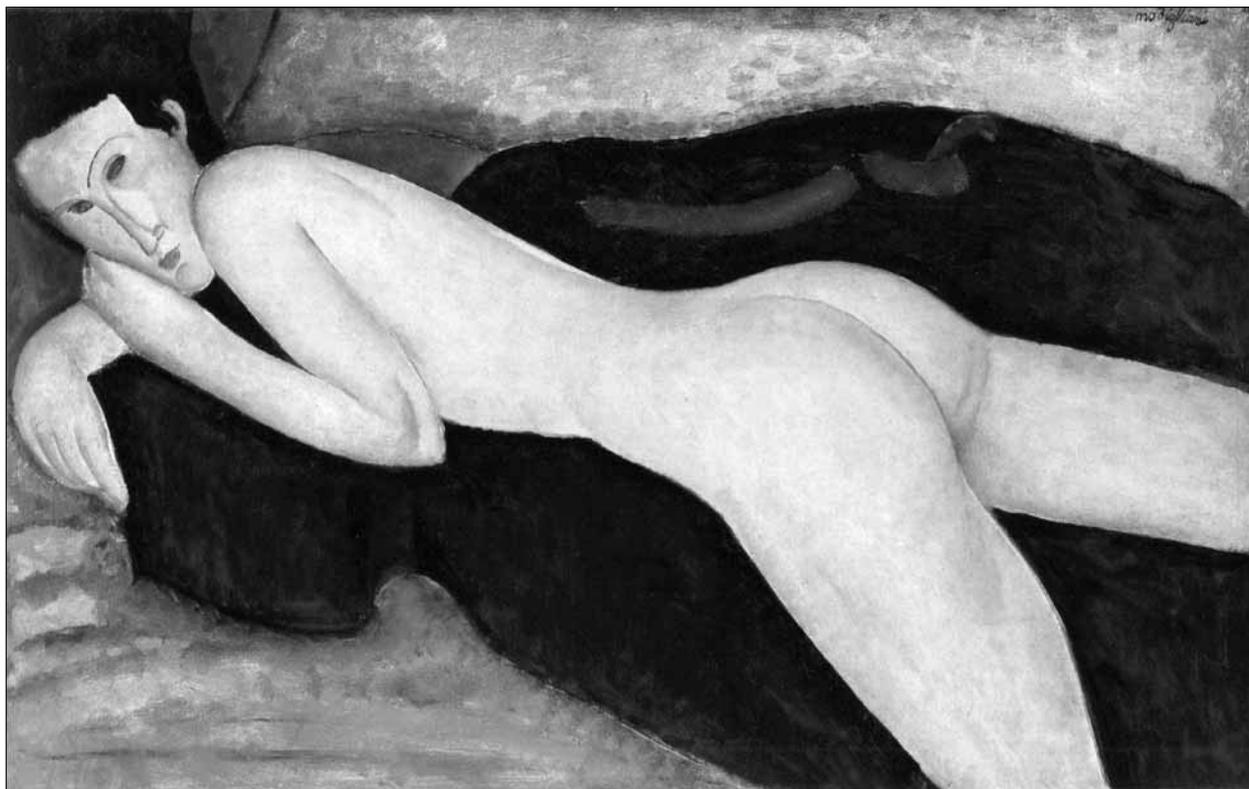
Предчувствие не обмануло поэта Зборовского. Почему-то ровно в полдень, когда около картин Модильяни кипели страсти знатоков современного искусства и считавших себя таковыми, под яркие и веселые своды галереи мадам Вейль вошли два человека. Разговоры и споры постепенно стихли, присутствующие становились серьезнее прямо на глазах, все взгляды обратились на вошедших. И было, отчего измениться в лице, уж очень хорошо знаком этот образ каждому парижанину. Вид новые гости имели строгий и зловещий — чего стоила одна только черная униформа с короткой накидкой. Впереди вышагивал, очевидно, впервые в жизни оказавшийся среди картин, человек среднего роста, с немного хитроватым лицом. Небольшие усы должны были придавать ему более бравый вид, но был он светловолос, и поэтому усики эти были почти незаметны. Другой был немного моложе и мог сойти за точную копию своего спутника, если бы не высокий рост. Держался он немного позади и как бы сбоку, по всем правилам военной науки прикрывая тыл своего товарища, и смотрел не по сторонам, а только на черную фуражку своего командира. Берта Вейль, едва их увидев, попыталась соблюсти приличия и склонила голову в приветствии, но странные гости никак не отреагировали на любезности хозяйки, шаг за шагом обходя выставку — медленно, нигде не останавливаясь, — и в полном молчании. Некоторые посетители благоразумно подались к вы-

ходу, но большинство осталось на месте, с любопытством ожидая развития событий.

Моди молча смотрел, как его друг и мадам Вейль объяснялись с глухими к их доводам людьми. Если бы нашелся человек, который взглянул сейчас на художника, то увидел бы вместо его лица безжизненную маску — вроде тех, которые носят на карнавалах в Венеции. Жизнь, настоящая жизнь, с ее надеждами и страстями, покинула тело злополучного Моди, оставив лишь человеческую копию, весьма похожую на знакомое, трижды проклятое отражение в зеркале... Все стало понятно с того момента, как два субъекта в черном перешагнули порог галереи. Неспроста чудилась ему неудача, давно привык он к подобным исходам, но именно сегодня, в такой значимый, первый и единственный в своем роде день, когда поверилось в себя сильнее, чем когда-либо, когда вдруг привиделось иное будущее — столь сильный удар сковал и движения его, и речь. Было наперед понятно, что гости эти просто так не уйдут, что-то они требуют от хозяйки, но лишь отдельные фрагменты спора мадам Вейль с черными мундирами мог он различить из-за неприятного звона в ушах...

— Мадам, здесь полиция, я — сержант Пикар. Моего помощника зовут Триглодые. В силу своих полномочий попрошу объяснить, что здесь сегодня происходит...

Ответ Берты Вейль был едва слышен, но Модильяни различил слова «праздник» и «искусство». Понемногу

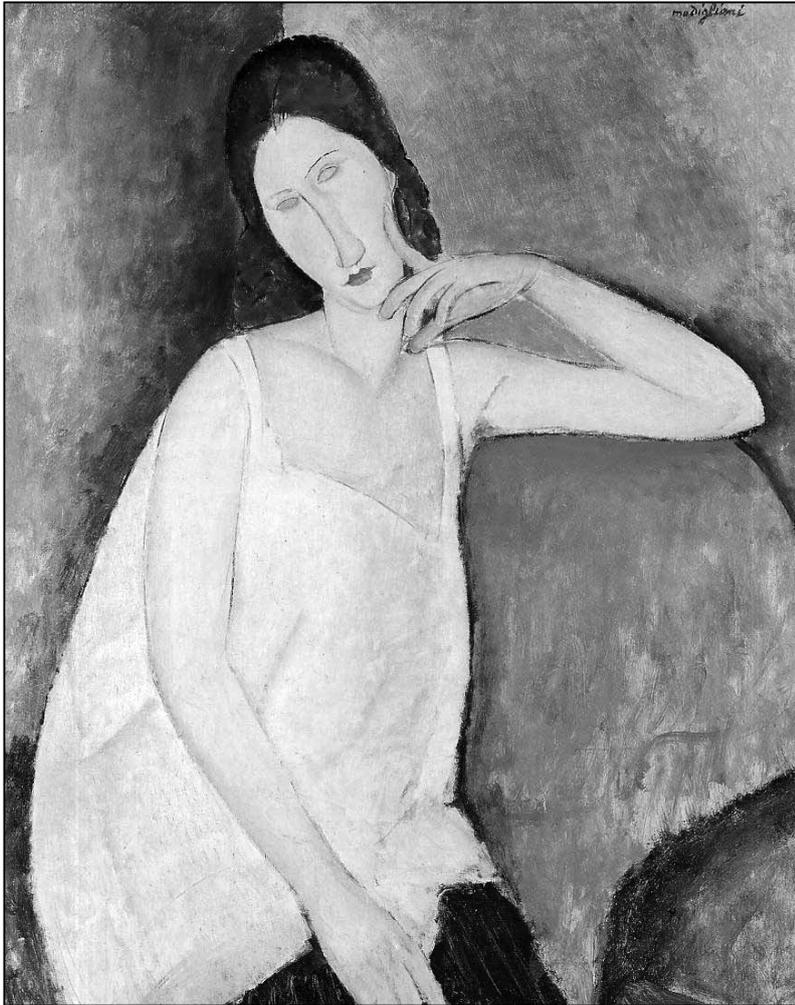
он все же приспособился к ситуации, стали проступать целые фразы и, наконец, он начал осознавать полностью смысл неприятного диалога.

Присутствие полиции на вернисаже было верным признаком грядущих неприятностей. Возможно, у Лео Зборовского было иное мнение — скандал делал выставке рекламу, а шум, который непременно поднимет пресса, будет способствовать вниманию публики, известности художника и его, Зборовского, успеху. Но это если, что называется, не перегнуть палку, не склонить общественное мнение к стойкому непринятию и отторжению по причинам, например, религиозным. Следовало учитывать и требования цензуры — мировая война продолжала бушевать совсем рядом. Последнее обстоятельство волновало куратора выставки почему-то

меньше, ибо, ставя себя на место военных цензоров, сам он не находил ничего предосудительного в выставленных у мадам Вейль работах.

Тем временем Берта Вейль, стараясь говорить спокойно и рассудительно, пыталась наладить отношения с сержантом и его помощником. Опыта визитов полиции у нее не было никакого, поэтому приходилось импровизировать. Поблагодарив за оказанную ей честь принимать у себя столь уважаемых в округе бравых мужчин, она осторожно поинтересовалась, что же заставило месье Пикара оторваться от дел и заглянуть в ее галерею. Сержант, теперь больше разглядывая Берту, чем картины на стенах, принялся объяснять:

— Мадам, я знаю, все бумаги у вас в порядке. Я хорошо помню — вы их выправляли у нас в участке как

раз неделю назад, и здесь нет никаких претензий. Но вот какое дело ... Прямо сейчас две дамы затеяли неприятную ссору у ваших дверей. Зрелище было, скажу по чести, препротивное. Но если бы это касалось только их мелких дрызг! Обе потащили меня сюда, чтобы я разобрался с вашими картинами... Скажу прямо, поначалу я даже не хотел слушать их болтовню и пошел только для того, чтобы они от меня побыстрее отстали... Короче, вот я у вас непрошеным гостем. И что я увидел? Нехорошо, мадам! Неприлично... Дамы на картинах, конечно, весьма праздничные, очень яркие дамы...

— Дорогой месье Пикар, что вы нашли здесь неприличного? Таких картин полно в Лувре, и они очень ценятся. Кроме того — пройдите немного вперед по нашей улице, поверните на

бульвар Клиши и там увидите все это живьем и в количествах гораздо больших. А если чуть подальше — с площади Пигаль вы рискуете вернуться домой, ну, разве, что через пару дней! Я не права? А то, что вы видите здесь, — это искусство, творчество, праздник красок... Или, если хотите, плод воображения художника, его сны, мечты о теплом доме, семье... У вас есть семья, месье Пикар?

— Ой, а вот эту рыжую я знаю! — из-за спины своего командира подал голос молодой Тригلودье. Он случайно позволил себе на минуту отвлечься от защиты тылов Пикара, и теперь во все глаза таращился на картины. — Конечно, это она! В моем доме живет, только этажом выше. Та еще штучка, и вечно смеется надо мной!

Желание показаться человеком, которому не чуждо ничто человеческое, покинуло сержанта Мориса Пикара. Танец красок вокруг едва не сыграл с ним неприятную шутку, но долг, параграфы инструкций и буква закона быстро напомнили ему о себе.

Руке его так и хотелось подкрутить усы, но за почти полным их отсутствием он спрятал руки за спину, покачался на каблуках и нахмурился:

— Спасибо, Триглодые, вы очень бдительны. А вы, мадам, — все слышали! Пытались меня запутать, и вам должно быть стыдно за вашу ложь, тем более что я при исполнении. Что ж, если хотите, мы можем пойти по адресу, который нам укажет мой коллега, и проверить, правду ли вы говорите. Девушки-то, оказывается, не «плод воображения», как вы изволили выразиться, и не «фантазия». И напрасно вы намекаете, что подобной живописью полны залы Лувра. Там — (он напрягся, вспоминая слово), — классика, а здесь, извиняюсь, у дам видны волосы! В общем, так, не согласен я со всем этим! Мерзкая, подрывающая мораль мазня! А посему, имею я полное право выставку закрыть. Да, выставка закрывается, и если вы тотчас не выпроводите всех своих гостей, то мы конфискуем эти картины, а вас оштрафуем...

Париж — город небольшой, и хозяйка галереи была наслышана о событиях, подобных этим. Она вполне допускала, что чаша сия и ее не минует, но не предполагала, что она будет поднесена вдруг и так скоро. Когда моралист Пикар объявил Берте о закрытии выставки, она, еще не осознав глубину катастрофы Моды, через пару минут неожиданно рассмеялась. Много позже Берта вспоминала:

— Когда этот несчастный глупец Пикар объявил мне, что они конфискуют картины, мне так и представи-

лось: на сумрачную улицу, под эти низкие, серые облака двое мужчин в черных мундирах на руках выносят всех этих нагих, солнечных женщин Модильяни, буквально их обнимая... Над головами парижан, сияющие тела проплывают в полицейский участок, и там, видимо, их помещают вместе с задержанной ранее до выяснения всех обстоятельств дела мадам Фонтан. Скажите, господа, разве такой исход не был бы нашей победой над ханжеством? Ах, это было вполне возможно, и если бы не Моды, клянусь, я бы так и поступила!

Послышалось шарканье ног — негромко переговариваясь, посетители покидали теплый и яркий мир Модильяни и подставляли себя холодному январскому ветру. Зборовский обернулся к своему другу, сидевшему в углу, но тот, сделав непонятный жест (то ли успокаивал, то ли звал за собой), медленно поднялся и каким-то новым взглядом обвел увешанные его картинами стены. Дорого бы дал куратор выставки, чтобы небеса стерли из его памяти это воспоминание, это «воскрешение наоборот». Он потом рассказывал, что Моды, через какое-то время придя в себя, сравнил произошедшее с ним с чувством человека, которого вытащили из постели в брачную ночь. И это сотворенное над ним насилие, эту тяжесть нужно будет нести дальше через годы, чувствуя, как ранит оно своими острыми углами, как терзает оно и душу, и тело, как не дает делать свое дело и требует себе новой жертвы.

Дела же Леопольда Зборовского после фиаско с выставкой пошли, на

удивление, в гору. Слух о необычном художнике привел к дверям незадавшегося куратора множество людей. Большинство из них были просто любопытные, желавшие увидеть живопись Модильяни и интересовавшиеся ценами, а Лео, наблюдая такой ажиотаж, с каждым днем безбожно их повышал. Но иногда приходили люди с виду совсем иные — немногословные и незаметные, прятавшие свой акцент. Посмотрев картины и переглянувшись между собой, они отсчитывали деньги, садились в экипажи и навсегда пропадали. Выглядело это интригующе, но времени осмыслить происходящее не было, ибо в дверь стучал уже новый посетитель и Зборовский шел открывать.

А что же Моди? Услышав свой приговор, он смог только закрыть глаза — ни на что другое его не хватило. Там, за серой пеленой закрытых век, он, словно дитя, пытался спрятаться от этой плохо написанной сказки. Как же так? Еще утром знакомый призрак уверял, что до счастья всего ничего, что праздник, наконец-то, наступил, что красота перестанет ютиться по углам холодных комнат. Обман, обман все вокруг... И кисти обман, и палитра, но особенно — краски. О, как умело притворялись они друзьями! Как нежны и податливы они были! Какие восторги он с ними вместе переживал! И как прекрасно было их полное пение, под которое он, счастливый, засыпал. Прогнать их всех

прочь!.. Как-то так само собой получилось, что пришлось ему открыть глаза. Он увидел Лео Зборовского, растерянного и опять ставшего ниже ростом, смотрящего на него детскими глазами и не знающего, бежать ли защищать друга или просто следовать, куда он позовет. А где же Берта? Двое в черном заслоняли ее, тихий голос хозяйки галереи был слышен, но нельзя было разобрать ни слова. Публика потянулась к выходу, пространства оставалось все больше. Наконец ушли и полицейские — словно грозовая туча уползла прочь, освобождая синеву неба. Художник, галерейщица и организатор всего этого действия остались стоять поодаль друг от друга среди таких же неподвижных и молчаливых красавиц на холстах. Идти было некуда, говорить не о чем. Молчали. Нельзя сказать, что они испытывали горечь поражения, нет, к поражениям им было не привыкать. А вот, насилие... насилие, которому они подверглись в главном своем деле, ох, как ударило по ним... Сначала ударило, потом унизило, затем оставило в одиночестве. Они оказались беззащитны перед силой и хаосом. Ведь знали же, что хаос — не гармония, трусоват он, не терпит доводов, а потому — криклив. Известно было также, что законы тонких линий — это не для него. Но, вопреки всякому смыслу, три одиноких, слабых человека сегодня рискнули предложить миру посмотреть в новое зеркало и продержались целых два ча-

са. Тем и живы будут они какое-то время. Почему? А потому, что мину- ту назад Модильяни впервые ощу- тил, как хрустнуло у него в груди, и что-то там, похоже, навсегда изме- нилось. Такое случается во время страшных потерь, например, когда умирает ребенок. Или когда женщи- на, с которой прожил много лет, вдруг сообщает, что ты более ей не нужен, и что она тебя покидает — пережить такой уход, мало чем от- личающийся от смерти, дано не каж- дому. А сегодня? Столько прекрас- ных женщин — вот они, смотрят со стен! — едва не покинули его, и это непременно произошло бы, если бы Берта решилась на конфликт. Вспомнив свои бессонные ночи и быстротечные дни, когда рождались под его кистью эти удивительные да- мы, каждую из которых он постигал и каждой любовался, Моди застонал как от невыносимой боли и сполз на пол, цепляясь за дверной косяк. Этот стон, вырвавшийся из его груди, был душевным разломом, через который и отлетел прочь Модильяни прежний, оставив после себя пустоту, запол- нить которую предстояло чему-то пока неизвестному. Никто еще не знал, будет ли это новый Амедео Мо- дильяни все тем же ветхим Моди, ко- торый с невинной улыбкой будет хо- дить вокруг бездны, опустив глаза в поисках следов утраченной, преж- ней жизни.

Последующие несколько дней жизни Амедео Модильяни и бесслав-

ного его отражения в зеркалах, впол- не могли бы быть описаны прекрас- ной прозой, окажись рядом такой мастер. Собственно, замечательным мог быть только слог, а никак не со- бытия, которые следовали одно за другим без всякой между собой свя- зи. Если переложить их на музыку, то в такт нетвердым шагам художника звучала бы одна и та же негромкая, минорная нота. Тень Модильяни ви- дели то там, то здесь, с ним заго- варивали, пытались угостить вином или кофе, но нигде он подолгу не останавливался: приходил, огляды- вал собравшихся, качал головой, словно не находил, кого искал, и снова исчезал. Просыпаясь с рас- светом в незнакомых комнатах, он уходил, не прощаясь, чтобы вдоль пустынных набережных Сены бес- цельюно бродить, подозрительно ча- сто останавливаясь на середине мостов, под которыми черная вода жила своей притягательной жиз- нью. Идея вернуться в собственный дом пугала и отвергалась раз за разом. Представлялось, что, от- крыв дверь в свое жилище, он уви- дит там сержанта Пикара с верным помощником Триглодые, бесцере- монно перебирающих и рассматри- вающих его картины. В дрожь бро- сало Моди от подобных видений, но, может быть, озноб этот имел и иную причину — ему по-настоящему нездоровилось... Даже мысли, при- ходившие в голову, были нечеткие и дрожащие. Однажды подумалось: может быть, пора честно посмо-

треть правде в глаза — делают это как раз в одиночку, но хватит ли на это смелости? Смелость и одиночество — знакомая пара, так похожая на белила и светлый кобальт на палитре.

— Что же, смешаем эти краски, — обратился призрачный Модии к себе, живому. — Где у тебя болит? Везде? Понимаю. Вернисаж был твой первенец, он умер, едва успев родиться, и как пережить смерть своего дитя? Ты думаешь, что мне, твоему отражению, живется легче? Но, знаешь, у

совсем иное! Посмотри, вот на своем бронзовом коне сидит веселый бронзовый король Анри, и с высоты пьедестала запросто, как своим приятелям, говорит нам: — Что, так и будете бродить вокруг меня днями и ночами? Вам король говорит: домой ступайте, не бойтесь! Давно ушла оттуда полиция, я им приказал. И месье де Моле, между прочим, соглашается со мной. Эй, где вы, магистр?

Из-за дерева вышел какой-то седовласый старик в обгоревшем балахоне, долго всматривался в лицо

Тень Модильяни видели то здесь, то там, с ним заговаривали, пытались угостить вином или кофе, но нигде он подолгу не задерживался, приходил, оглядывал собравшихся, словно не находил, кого искал, качал головой и снова исчезал... А по утрам, просыпаясь с рассветом, он бесцельно бродил вдоль пустынных набережных Сены, останавливаясь на середине мостов, под которыми черная вода жила своей притягательной жизнью. Идея вернуться в собственный дом пугала его, и вдруг подумалось: «**Может, пора честно посмотреть правде в глаза — делают это как раз в одиночку, но хватит ли у меня смелости?..**» Голова кружилась, и никакого будущего впереди не было...

таких, как я, тоже есть свои демоны: мы бессмертны, в том смысле, что, если даже захотим разлететься на осколки от страдания и боли, следующее зеркало соберет нас снова в прежнем виде, словно и не было никакой беды... Похоже, ты меня не слышишь. Но где это мы, зачем ты меня сюда привел? Хочешь показать мне, как красиво течет холодная вода под Новым мостом? Я же вижу

Модии и, махнув на него рукой, — то ли хотел осенить крестным знаменем, то ли ненадолго прощался, — скрылся в дымке.

Голова кружилась, и никакого будущего не было. Только голубой туман от смешения белого и синего цвета двигался полосами...

Модии не помнил, как и когда вернулся домой. Но ровно три дня по-

требовалось ему, чтобы подняться со своего печального, одинокого ложа и снова выйти к людям, вернее, к Зборовскому, напугав его своим видом. После катастрофы с выставкой Лео долго собирался с духом, и теперь, после нескольких скромных продаж, он явился к Модильяни с подарком. Все было очень просто: в известных кругах разлетелась весть, что кто-то из художников оставил после себя помимо долгов еще и мольберт. Вещь эта, для Моды необходимая, сама шла в руки, и упускать ее бывший куратор выставки не собирался. Сторговался он быстро и вот, выдавший виды, весь в пятнах краски мольберт обрел себе нового хозяина.

Модильяни с трудом поднялся и подошел к мольберту, положил ладонь на деревянный каркас — весь в трещинах. Улыбка была готова родиться на лице художника, но бежали минуты, и ничего такого не происходило. Искушенный в таких делах, Лео понимал, что не хватает чего-то главного, настолько важного, что, будь оно известно, пожертвовал бы поэт спасением души, даром, что был атеистом. Что-то должно было подтолкнуть художника к его делу, развернуть лицом в будущее, каким бы оно не было.

За дверью кто-то стоял — уже в который раз слышались Зборовскому тихие голоса. Наконец в дверь постучали. Моды обернулся, а Лео поднялся со стула и открыл дверь. На пороге стояла консьержка мадам

Бонте, полненькая и смешливая, пребывающая в вечных хлопотах, дама. Лео много раз встречал ее на лестнице с тряпкой в руках, протирающей перила. Доброжелательная, что редко встречается у консьержек, она всегда здоровалась первая и спрашивалась о делах. Наверное, ей хотелось поговорить и о себе тоже, и Лео часто бывало совестно оттого, что

он не был готов к разговорам. Сейчас же она уверенной в себе не выглядела, чувствовалось, что ожидала увидеть кого-то другого. Не зная, куда деть руки, растерявшаяся женщина то прятала их под передник, то держала ладони перед собой, словно собиралась о чем-то умолять:

— Добрый день, месье. А хозяин... он дома?

Моди подошел к двери:

— А-а, это вы, мадам... Здравствуйте, что-то случилось?

Из-за спины консьержки выглядывала маленькая девочка, цепляющаяся за материнскую юбку. Рассмотреть ее толком не удавалось, девчонка то и дело пряталась. Напряжение вдруг спало, художник и поэт вздохнули как-то свободно... Между тем, Ирен Бонте продолжала свою неуверенную речь:

— Совсем меня доняла девчонка, — она перехватила девочку и поставила с собой рядом. — Полюбуйтесь! Отведи, говорит, меня наверх, там дядя рисует картины... Уж я ей объясняла, что нехорошо ходить без приглашения, что вы там все заняты... ну а в итоге — вот мы здесь. Вы уж ее извините, месье, покажите ей какую-нибудь свою картину.

Что-то неуловимо изменилось в лице Модильяни. Его сердце посетило что-то давно забытое, яркое воспоминание быстро промелькнуло, но оставило свой теплый след — улочка в Ливорно, окно родного дома — хоть и второй этаж, а видно было, как мать в переднике хлопчет на кухне... Недалеко на площади перед церковью что-то кричат, играя, дети и зовут маленького Амедео к себе. Звонкие их голоса разносятся далеко, нарушая сонную тишину городка, навсегда согретого солнцем и никуда не спешащего. И такое счастливое удивление испытал Моди от этой,

давно, казалось, утраченной способности возвращаться к себе самому, что, не удержавшись, улыбнулся. Эту улыбку его увидели все: и постройневший вдруг Лео, и голубоглазая гостья, и озирающийся с открытым ртом милый семилетний ребенок... Художник посторонился, приглашая гостей пройти в комнату, и предложил даме присесть, мимоходом бросив старую тряпку на бутылки в углу.

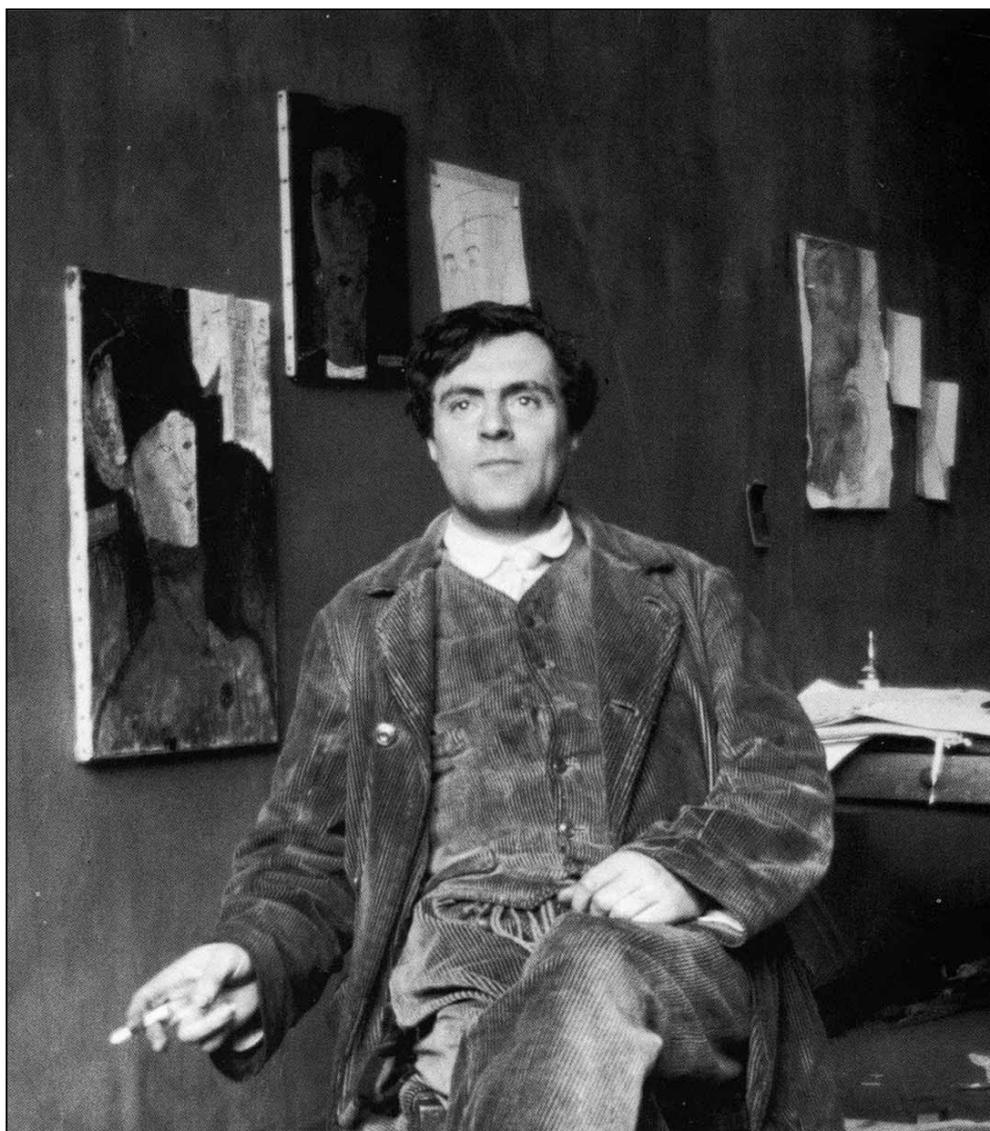
Мадам Бонте, ерзая на краешке стула, комкала в руках передник и искренне удивлялась. Нет, не количеству картин, стоящих вдоль стен, а чистоте и яркости красок, непривычно слепящих глаза посреди погрузившегося в зимний сумрак города. Модильяни же словно ожил, улыбаясь, он присел на корточки перед девочкой:

— Давай-ка познакомимся! Друзья называют меня Моди, называй и ты меня так, мне будет приятно. А тебя как зовут?

Девочка, робея, все оглядывалась на мать и даже порывалась убежать. Но последние слова Модильяни были такими теплыми, такими искренними, словно это говорил с ней ушедший на войну отец. Личико ее стало ясным и беззащитным, бледные губки вытянулись в трубочку, брови поднялись и она прошептала:

— Кристин...

— Какое красивое имя! Твоя мама сказала, что ты хотела посмотреть картины. Смотри, вон их сколько! Они тоже будут рады с тобой познакомиться. Вон, видишь, на одной из

*Амедео
Модильяни*

них нарисован господин с черной бородкой? Оглянись, а не он ли сейчас стоит у двери и смотрит на нас? — кивнул он в сторону Зборовского. — Конечно, это он, молодец, что узнала! Слушай, Кристин, у меня появилась прекрасная идея. Возьму-ка я краски и кисточку и нарисую тебя!

Модильяни повернулся к удивленной мадам Бонте и продолжил:

— Мама сядет рядом и будет нам помогать. И получится у нас красивая картина, праздничная и светлая, как твоё платьице...

Какой-то подрамник со старым, пыльным холстом, едва не превратившимся в саван, был тотчас найден под кроватью и вполне мог быть использован для новой работы. Краски, палитра и кисти тотчас были прощены.

Леопольд Зборовский понял, что беспокоиться больше не о чем. Он тихонько закрыл за собой дверь, медленно спустился по лестнице и вышел на улицу. В самом деле, не нужно было торопить такой наполненный чудесами день... □

Марафонец

Со всей ответственностью могу заявить — побитие мирового рекорда это вам не баран чихнул. Спорт вообще дело серьезное, тут и физическая предрасположенность в теле должна быть, и тренировки опять же. Но самое главное — цель. Спору нет, за медаль или за какой-нибудь кубок можно и гирию тяжеленную поднять, и прыгнуть, и пробежать дистанцию. Кстати сказать, с одним моим приятелем, с Мишей Костинским, тоже вышел случай, когда он чуть было не побил рекорд того американца, что пробежал марафон меньше чем за три часа. И побил бы, не сомневайтесь, причем, не за награды, а из моральных устремлений, так сказать, из соображения сбережения брака и дамской чести. Чуть-чуть не получилось, подвели Мишу его же собственная рассудительность и умственный подход...

Дело было у нас, в Игнатьевске, вернее, по пути от Игнатьевского вокзала до железнодорожной станции Лопухи. Замечу, что такие географические подробности очень важны для сути рассказа, ибо от Игнатьевска до Лопухов будет аккурат сорок верст — я справлялся на этот счет у Бориса Ермолаевича, нашего землемера. Это классическое расстояние Миша Костинский... Нет, историю следует рассказать по порядку и с самого начала...

В свое время, по чести говоря, не такое уж далекое, Миша учился в гимназии, в старших классах которой математику ему преподавал Сергей Алексеевич Вежин. Сергей Алексеевич и сейчас в нашем городке почитается за франта, а тогда, только окончив университет, он приехал к нам из Москвы и свел с ума всех дам и девиц покровом своих пиджаков. Об охоте на столь заметного кавалера и жениха рассказывать не стану, дело прошлое. Однако, если принять во внимание тот факт, что женился Сергей Алексеевич на своей к тому времени уже бывшей ученице, Оленьке Ломакиной, а не на... Нет-нет, не стоит здесь говорить о прочих претендентках, лучше благопристойно не будем удаляться от наших молодоженов, то есть вернемся к ним, но уже ровно через десять лет...

— Миша, дорогой, я по гроб жизни буду вам обязан!

— Да что вы, Сергей Алексеевич, мне не сложно, посижу я с вашей собакой, завтра у меня все равно выходной. Только она...

— Что вы, что вы! — Сергей Алексеевич замотал головой, отчего его модная летняя шляпа слегка съехала ему на затылок. — Вы же бывали у нас в доме, Берта вас знает. А ветеринар сказал, что никак нельзя допустить, чтобы собака сорвала повязку и приняласьлизывать швы. Знал бы заранее... Но вот не подумал и Стешу, нашу работницу, еще вчера отпустил в деревню к родне до понедельника..

— Не переживайте, посижу я с Бертой. Книжка у вас какая-нибудь найдется? Только чтобы без формул.

— Вы, Миша, все такой же шутник и, к тому же, человек поэтического склада ума. Найдется. Диккенс вам подойдет? Не нравится? Тогда у Оленьки целых две полки романов о чувствах и таком прочем...

Мишу его бывший учитель буквально за рукав поймал у парикмахерского заведения Осипа Загельсона. Математикам, даже самым порядочным, всегда присущ некоторый расчет, и всегда этот расчет абсолютно точен. Сергей Алексеевич знал, что отказано ему не будет: ни ему, ни его жене Оленьке, на которую гимназист Миша Костинский когда-то заглядывался и вздыхал самым нешуточным образом. Допустить отказ было никак нельзя. Десять лет семейной жизни — это в некотором смысле событие достойное... Сергей Алексеевич рассудил, что такое событие достойно поездки с обожаемой супругой в Первопрестольную, с посещением премьеры в театре, ужином в дорогом ресторане и волшебной ночью в роскошном номере «Гранд-отеля». Ничто не должно было помешать его планам, но Берта...

Английский спаниель, умница, любимица семьи и защитница очага, пострадала из-за своей охотничьей натуры. Всем известно, что утки — законный трофей всякого уважающего себя спаниеля. Да, гуляли утки по соседскому двору, но от этого они не переставали быть утками. Возможно, все бы и обошлось, но соседская Чапа, дворняга с бульдожьими статями, приняла охотничью вылазку спаниеля за личное оскорбление и порвала своими клыками лохматый бок Берты. Теперь этот бок был острижен, зашит, замазан йодом, а поверх свидетельства поражения унизительно белела повязка из марли.

Собаку невозможно было оставить без присмотра, кто-то должен был проследить, чтобы выздоравливающая «охотница» ни в коем случае самовольно эту повязку не сняла.

Оленька в мыслях уже попрощалась с грандиозными планами на праздничный вечер. Но Сергей Алексеевич не мог себе такого позволить. Его острый глаз заметил на улице Мишу Костинского, а находчивость и учительский авторитет окончательно решили дело.

Домик Сергея Алексеевича, скромный, но такой же элегантный, как его хозяин, утонул в душистой зелени лип. Из приоткрытого окна с уставленным геранями подоконником доносились граммофонные страдания бедолаги-Канио из «Паяцев». Иголка совсем старая — отметил про себя наблюдательный Миша, уловив посторонний треск в теноре Компаньолы.

— Проходите, Миша, проходите, — приговаривал Сергей Алексеевич, поворачивая ключ в замочной скважине, а затем распахивая дверь. — Прошу вас, прошу...

Миша сделал шаг в прихожую, уступая уговорам хозяина, пропускающего гостя вперед. Сделал шаг и замер...

Из темной прихожей, как из темноты под пологом фотографического аппарата, он, будто бы через линзу объектива, смотрел на свет в просторной комнате. Там, в кадре, птицей взметнулась встревоженная сквозняком белая оконная занавеска, отразившись в чем-то темном и лаково-блестящем. Оленька в кремовом кимоно, расшитом алыми розами, оторванная от какого-то своего занятия, подняла голову и взглянула на Мишу. Растерянность и даже испуг в ее глазах заставил гостя отшатнуться, и будь он прежним гимназистом, то в тот же миг в панике сбежал бы из дома Вежиных. Быть может, он сбежал бы и теперь, но за спиной Миша услышал покашливание Сергея Алексеевича, вошедшего следом. Свет в дверном проеме вдруг померк, и они с хозяином дома оказались вдвоем в тесной темноте прихожей. Это Оленька молнией метнулась к дверям в зал и с грохотом их захлопнула. Канио умолк...

— К-хе, — подтвердил неловкость ситуации Сергей Алексеевич.

Теперь в голове у Миши стала проявляться в подробностях вся увиденная им картина: испуг на Оленькином лице, тот отблеск на чем-то темном, выпуклом. Остальная обстановка представлялась совершенно обычной: цветы на подоконнике, туалетный столик на чугунных ножках, большое зеркало на стене, стол, стулья, и брюки... мужские летние брюки светло-серого оттенка, висевшие на спинке стула, еще какие-то мелочи на столе. На лишенном скатерти столе стоял графин с водой, но его хрустальное сверкание было совсем иным, не тем, что блеснуло и врезалось в память. Рядом на салфетке лежало яблоко, а за пределами белого накрахмаленного прямоугольника вытянулся остро отточенный карандаш, еще тут была такая металлическая блестящая штука явно технического свойства, по форме и размеру ее можно было бы сравнить с пробкой от шампанского, разве что пробка, пожалуй, будет вдвое длиннее. Наверное, так мог выглядеть барабан для кукольного револьвера, если бы кто-то додумался снабжать тряпичных Зин и Маш смертоносным оружием. Миша, будучи человеком образованным, всячески приветствовал технический прогресс, но, увы, совсем в нем не разбирался. Молодой человек вспомнил о граммофоне,

может быть, эта «половинка от пробки» служит для чего-то такого внутри этой музыкальной машины? Сравнение с пробкой потянуло за какую-то мысленную ниточку, и Миша подумал, что белая занавеска могла отразиться в темном стекле пузатой бутылки шампанского... При этой мысли его озарил свет, это Оленька распахнула дверь, и мужчинам было позволено войти в залу. Брюк на стуле уже не было. Не было нигде и бутылки, той, в которой могла отразиться взметнувшаяся занавеска. Берта, перебинтованная поперек себя, подняла голову со своего коврика и неодобрительно зарычала на визитера, потом увидела хозяина и приветственно вильнула хвостом.

Все еще смущенная супруга с пятнами румянца на лице укоризненно глянула на мужа. И упрек был справедлив — без всякого предупреждения в дом является посторонний...

— Ну, какой же он посторонний, это же Миша, — возражал взглядом из-под очков Сергей Алексеевич.

— Я почти не одета, и моя прическа... — возмущенно взмахивали ресницы жены.

— Прости, солнышко, ты права, но не мог же я молодого человека держать на пороге, — виновато улыбнулся Сергей Алексеевич.

А Оленька проскользнула через зал к дверям своей спальни и скрылась за ними. Повисло неловкое молчание. В тишине были слышны шорохи за дверью и потрескивание дошедшей до конца граммофонной иглы.

Берта на правах больной положила голову обратно на коврик, принялась к запаху ваксы, источаемому Мишиными туфлями, фыркнула и недобро покосилась на гостя.

— М-м, — начал, было, Сергей Алексеевич, но вместо продолжения подошел к граммофону, убрал иглу с диска, и образовавшейся тишиной усугубил свое молчание.

И в этой все еще дрящейся тишине в Мишином сознании проявилась истинная суть той фотографической сценки, что он увидел, переступив порог дома Вежиных. Неожиданный приход мужа, мужские брюки, спрятанные с большой поспешностью, убежавшая в спальню Оленька, бутылка... Но если бы не испуг и смущение на Оленькином лице, от всех этих примет можно было бы отмахнуться... Хотя нет, как же отмахнуться, простите, от мужских брюк?

Не замечая «растущие на голове рога», Сергей Алексеевич присел рядом с Бертой, потрепал ее по ушастой голове, обернулся к Мише, и, кажется, собрался, наконец, что-то сказать, когда в спальне раздался щелчок замка, и в дверях появилась Оленька. Теперь на ней было надето летнее платье фисташкового цвета. А волосы... Что-то изменилось, как-то иначе лежали и струились локоны, что-то было подколото, что-то убрано назад...

Но надо ли вам знать, каким образом можно достичь подобных изменений? Нет, не надо, если, конечно, вы не Осип Моисеевич Загельсон, а значит, не в вашем заведении делаются прически совсем не хуже, чем в салоне у мадам Павловски на Елизаветинской улице.

Волнение во взгляде Оленькиных глаз ничуть не улеглось, но супруг, поняв его по-своему, решил объясниться. Указывая на Мишу, он рассказал историю счастливого обретения сиделки для Берты. По его словам выходило, что Миша сам узнал о несчастье с их собакой и битый час искал Сергея Алексеевича по всему городу, чтобы благородно предложить ему свои услуги по уходу за страдающей животинной. Откуда узнал? Да ведь ветеринар же не обязан хранить врачебные тайны, особенно, когда выпьет. А пожилой, грузный ветеринар, что пользовал Берту, и впрямь мог выпить немало, так что объяснение было принято.

Супруги заговорили о предстоящей поездке, а Миша, пользуясь случаем, шагнул к дверям спальни и заглянул внутрь. Никого. Окно закрыто. Рамы открываются вовнутрь, а подоконник, так же, как и в зале, весь заставлен цветами. Нет, через окно Оленькиному любовнику, кто бы он ни был, уйти не было решительно никакой возможности. Миша присел, якобы колдуя над развязавшимся шнурком. И снова нет. Под кроватью пусто. Остается только шкаф. Огромное платяное убежище из темного резного дуба — основательная вещь, таких сейчас не делают. Впрочем, об этом мебельном монументе следовало бы говорить не «делают», а «строят». М-да. Спальня на ключ не запиралась, единственный замок в комнате обнаружился на двери шкафа, но ключа в замочной скважине не было. Улучив момент, Миша юркнул к узилищу незадачливого любовника и осторожно дернул дверь. Заперто. Прислушиваться к почудившемуся, было, дыханию за дубовыми досками времени не было, пришлось возвращаться в зал...

На вокзал отправились через полчаса. И за эти полчаса Миша так и не нашел в себе смелости хоть что-то предпринять. Ясно было одно — Оленьку он не выдаст. Но любовник! Как бы он не был Мише противен, но этого несчастного нужно было спасать. За полчаса в шкафу, наверное, не задохнешься. И шкаф велик, и какие-то щели в нем есть — все же это мебель, а не бочка, в которой квасят капусту. Но рано или поздно... Нет, он не думал, что Оленька настолько легкомысленна, что могла позабыть о скрывающемся в шкафу любовнике. Но если посмотреть с другой стороны, что же ей делать? Не может же она признаться мужу... Да и Мише, как бы он ни вздыхал по ней десять лет назад, она тоже не может открыться. И Сергей Алексеевич — вот же незадача — все время рядом, да еще и поторапливает, мол, поезд скоро отходит, а извозчиков в городе ровно четверо, и все по случаю ярмарки стоят на рыночной площади, что в трех кварталах в

противоположную от вокзала сторону. Мише был выдан ключ от дома. Ах, лучше бы это был ключ от того злосчастного шкафа! Но нет! Так и отправились втроем: Сергей Алексеевич с чемоданом в руках, Оленька с ридикюлем, в который она положила большую связку ключей, заперев дом, и Миша, увязавшийся проводить супругов, чтобы... Понятно же для чего. Чтобы изловчиться и, когда Сергей Алексеевич отлучится, скажем, в буфет, чтобы выпить сельтерской, незаметно удалиться...

Пригородный поезд пришел точно по расписанию, что само по себе было явлением необычайным. Никакой сельтерской Сергей Алексеевич не возжелал, а сразу отправился в вагон с чемоданом в одной руке и супругой в другой. Миша остолбенел: Оленька бросала на него попеременно растерянные и умоляющие взгляды. Но что он мог?!

Вот супруги уже в вагоне, и Сергей Алексеевич махнул провожающему рукой. Вагоны со стуком дернулись, и поезд медленно пополз вдоль перрона.

Если честно признаться, то в первые минуты Миша ни о чем не думал, он просто побежал. Не по шпалам, конечно. По шпалам и ходить-то сплошное мучение, а если бежать, то уж точно ноги переломаешь. Миша побежал по дороге, что вела вдоль железнодорожного полотна в ту же сторону, то есть в Москву.

Наверное, только минут через десять или позже, кто же их считал, те минуты, Миша смог задать себе вопрос — что он, собственно, делает, и насколько это разумно? А, задав этот вопрос и не переставая бежать, сам себе ответил — да, разумно, и это его последний шанс исправить то ужасное положение, в которое попала Оленька.

Отчаяние и безрассудство — ничуть не худшие движители, чем огонь и пар. Но вы напрасно думаете, что Миша настолько потерял голову, что решил открыто помериться силами с паровой машиной. Наш «марафонец» строил свой расчет на том, что и в Заречье, и в самих Лопухах поезд стоит ровно по часу, пропуская встречные составы. Заречье отстоит от Игнатьевска почти на тридцать верст, и туда Мише никак не успеть, а вот в Лопухах можно было нагнать Оленьку и под любым, даже самым невероятным предлогом добыть ключ от шкафа. Раз он был столь нерешителен все это время, теперь ему придется, да хоть бы даже под видом разбойника, повязав на лицо повязку из носового платка, завладеть связкой ключей из ридикюля путешествующей дамы. Словом, Мише предстояло совершить подвиг, только и всего.

И он его совершил. Два с лишним часа спустя, когда из-за поворота показалась околица Лопуховки, а до станции оставалось чуть больше версты, Миша остановился. Остановился, вытер пот с лица тем самым носовым платком, на который возлагал свои разбойничьи надежды, развер-

нулся и, медленно переступая по дороге запыленными туфлями, поплелся обратно в Игнатъевск.

Наверное, следуя традициям, стоило рассказать об обстоятельствах, которые помешали моему приятелю побить мировой рекорд? Так сказать, проследить всю последовательность умственных заключений, которая привела Мишу к решению отказаться от лавров чемпиона, равно как и от рыцарских лавров. И все же я не стану вам раскрывать сокровенные мысли, метавшиеся на протяжении тридцати с лишним верст в мозгу у нашего отважного героя. Да-да, несмотря на свое решение вернуться, Миша по-прежнему был предан и... Я думаю, вы уже поняли, что прекрасный образ Оленьки навсегда сохранился в сердце бывшего гимназиста Миши Костинского, и с этим уже ничего нельзя было поделаться...

В город «марафонец» вернулся уже затемно. Ноги болели адски. Кое-как войдя в дом, он зажег свет и первым делом убедился, что с Бертой все в полном порядке. Собака спросонья зарычала, было, на Мишу, но, видя состояние молодого человека и войдя в его положение, позволила погладить себя по голове и тут же попросилась выйти на улицу для совершения своих вечерних собачьих дел. Миша подчинился и вывел ее во двор. У него достало сил только для того, чтобы сидеть на ступеньках крыльца, пока Берта обнюхивала знакомые кусты смородины и рылась в корнях старой вишни.

Вернувшись с короткой прогулки, он достал бутерброды с бужениной, приготовленные Оленькой. Берта благосклонно приняла из рук молодого человека розоватый кусок с тонкими прожилками сала.

— Ты уж прости меня, дурака, — вдруг прочувствовано произнес Миша. — Я знаю, ты никого к нашей Оленьке не подпустила бы...

— А-а-уу, — зевнула Берта и положила свою кудлатую голову на лапы.

К шкафу Миша даже не подошел, хотя был уверен, что там действительно скрыто то, что Оленька прятала от своего мужа: модные летние брюки, сшитые ею по выкройкам из заграничного журнала ко дню свадьбы, лежали где-то на полке, надежно укрытые от посторонних глаз. Это был сюрприз, и до определенного часа Сергей Алексеевич никоим образом не должен был их лицезреть.

Бог с ними, с брюками. Но в одном Миша все же не смог себе отказать. Он, уже еле переставляя ноги, подошел к тому, что посчитал странным туалетным столиком на чугунных ножках, и откинул укрывавшую его накидку. Под накидкой оливково блестела эмалью швейная машинка Зингера. О чем Миша так никогда и не узнал, так это о том, что та блестящая металлическая «полупробка» называется шпулькой, и служит в хитроумном устройстве господина Зингера такой отдельной специальной катушкой для ниток. □

Дмитрий Зелов

Себеж в Себеж

В крайнем юго-западном уголке Псковщины, почти что у самой границы с прибалтийской Латвией и союзной Белорусией, расположился совсем маленький, практически парящий в воздухе городок. Очень красивый, весь утопающий в цветах и зелени, он словно зацепился за узкую песчаную косу между двух огромных, извилистых озер. Имя ему Себеж. И он по праву носит звание озерной столицы России.

Число жителей Себежа совсем невелико, чуть более шести тысяч человек. Это один из самых малых

городов страны, занимающий, согласно данным Росстата, 1044-е место из 1119 городов Российской Федерации. Хотя за последнее время количество себежан даже выросло: сказывается, видимо, привлекательность города как уютного места размеренно-неспешного отдыха. Несмотря на свои малые размеры, Себеж богат на исторические события давно минувших веков и столетий. А запомнить дату его основания, которая по сложившейся традиции всегда приурочена к первому упоминанию города в летописи, очень легко и просто — 1414.

По поводу необычного названия города существует немало разных версий, одна из которых гласит следующее: в стародавние времена некий крестьянин с тремя сыновьями делил окрестные земли, на которых позже и возник город. Дал он солидные наделы земли своим сыновьям. «А где же ты тогда будешь жить?» — спросили они у отца. «Себе ж я возьму вон ту землю», — ответил крестьянин и указал рукой на остров, возвышавшийся на озере. Вот так себеж, якобы, и стал Себежем. Конечно, это всего лишь красивая старинная легенда, призванная хоть как-то объяснить жителям непонятное для них название.

А вот ученые объясняют «непонятное» название двумя основными версиями, которые не противоречат, а, наоборот, дополняют друг друга. По одной из них название города происходит от финно-угорского слова «себа», что означает «вода». И действительно, вода в Себеже везде, куда ни кинь взор. А суффикс «ж» очень часто встречается именно у балтских племен и, вообще характерен для языка древних эстов и ливов, которые, скорее всего, и проживали на территории будущего Себежа в первые века нашей эры. А теперь плавно перейдем ко второй версии: в VI–VIII веках на здешнюю территорию пришли племена славян-кривичей. В Толковом словаре В.И. Даля есть очень интересное слово «себежник». Это производно от местоимения «себя», которое обозначает «особняк, земля отдельная, не общая, лично чья-либо». Поскольку название города

Себеж и далевское «себежник» слова не только однокоренные, но и фактически единые по смыслу, мы вновь возвращаемся к самой первой народной версии-легенде.

Впервые о Себеже упомянул польский хронист, поэт, историк и дипломат XVI столетия Матвей Стрыйковский. В своей хронике под 1414 годом он отметил Себеж как пригород Псковской вечевой республики, взятый и сожженный литовским князем Витовтом во время его похода на Псков. Впрочем, ряд историков считают, что Стрыйковский просто обмшурился и, не разобравшись как следует в обилии разнообразных исторических дат и событий прошлого, просто указал неверную дату и место одного из набегов Витовта. Тогда как более реальное основание Себежа надо отнести на более поздний период — на целый век спустя.

В 1535 году, в разгар очередной русско-литовской войны воевода И.Н.Бутурлин по приказу московских властей построил на занятой им литовской территории в рекордно короткий срок (с 29 июня по 20 июля) на северном берегу Себежского озера деревянную крепость — необычайно удобный опорный пункт для военных походов в Литву. Возведением крепости руководил итальянский архитектор Петрок Малый, хорошо зарекомендовавший себя ранее по строительной деятельности в Русском государстве. Им уже были выстроены каменные кремли в Коломне и Зарайске, а также церковь Вознесения в подмосковном Коломенском. Лю-

бопытно, что первоначально новый город получил название Ивангород-на-Себеже, что, скорее всего, было связано с именем будущего русского царя Ивана IV (который родился в 1530 году, а с 1533 года был московским великим князем). Однако название не прижилось — в завещании самого Ивана IV (1572) город упоминается как Себеж.

Петрок Малый выстроил в 1535 году Себежскую крепость на совесть. Уже в начале следующего лета ее пытался взять штурмом объединенный польско-литовский отряд, действовавший по приказу короля Сигизмунда I. Однако, несмотря на предпринятый неприятелем артиллерийский обстрел, у врага ничего не вышло. Более того, защитники крепости осуществили дерзкую вылазку, в ходе которой не только отогнали врага от стен Себежа, но и вынудили его отступить на тонкий в конце зимы лед себежского озера. Так в Псковском крае спустя более трех столетий вновь повторилась история Ледового побоища Александра Невского — осаждавшие Себеж литовско-польские рати провалились в ледяные воды глубокого озера. В итоге враг был вынужден запросить мира, что привело к скорому окончанию войны и закреплению Себежа в составе Русского государства.

В последующие два с половиной столетия Себеж, расположенный на самой окраине русского мира, не раз переходил из рук в руки между Россией и Польшей, пока окончательно

не вошел в состав созданной Петром Великим Российской империи в 1772 году в ходе 1-го раздела Речи Посполитой. Кстати, о Петре Великом: в ходе Северной войны русские войска дважды занимали Себеж, а в городской топонимике до сих пор осталась Петровская гора: на одном из городских холмов над Себежским озером были возведены мощные оборонительные сооружения.

Война 1812 года практически вплотную подошла к совсем небольшому городку. 18-20 июля 1812 года на южных подступах к Себежу состоялось трехдневное ожесточенное сражение под Клястицами, в ходе которого намного превосходящие русские силы французские войска маршала Удино были разбиты 1-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта Витгенштейна, Итогом битвы стало изменение стратегического плана вторгшейся в Россию французской армии: наполеоновские войска отказались от похода на столицу России Петербург и повернули на древнюю столицу Москву.

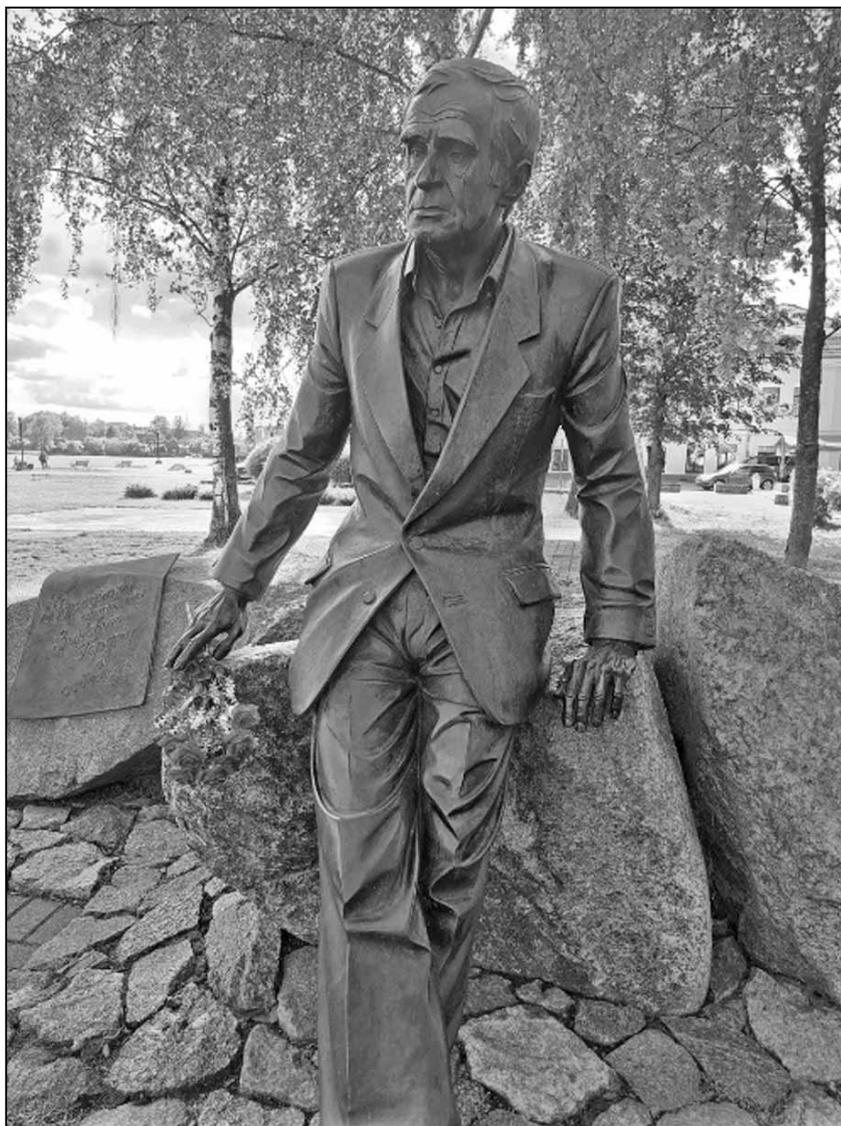
На начало XX столетия пришелся всплеск культурно-экономического развития Себежа. В 1901 году в городе был открыт железнодорожный вокзал на линии новой Московско-Виндавской железной дороги, который сыграл весьма важную роль в качестве таможенного переезда из Москвы в Ригу. Именно здесь, в Себеже, все поезда останавливались для проверки грузов и пассажиров перед пересечением границы. Зна-

начально вокзал представлял собой небольшое деревянное здание. В 1908 году в Себеже появилось электрическое освещение улиц, в 1911 году открылся кинотеатр Жаржавского, в 1927 году по инициативе Бориса Савицкого в городе появился действующий и поныне краеведческий музей, основу фондов которого составили артефакты, собранные и найденные сотрудниками музея, а также пожертвованные для открывшегося очага культуры местными жителями.

Самым известным жителем Себежа был, есть и остается замечательный артист Зиновий Гердт, или Зяма, как его называли родные и близкие. Гердт был один из лучших советских артистов эпизода и закадровой озвучки. Правда, изначально будущего артиста, родившегося в 1916 году в уездном городке Витебской губернии, звали Залман Афроимович Храпинович.

Еще в подростковом возрасте, учась в Себеже, он проявил склонность к литературе и изящным искусствам, публикуя в местной газете стихи на идише. А вот творческий псевдоним Герд (лишь в 1963 году ставший его официальной фамилией) начинающий артист Храпинович взял себе в Москве по предложению драматурга Алексея Арбузова: сто лет тому назад у всех на слуху было имя балерины Елизаветы Павловны Гердт, блиставшей на театральных подмостках. Именно на 20-е годы пришелся пик творческой карьеры балерины Елизаветы Гердт, а ее пластичный, выдержанный в мягких тонах, совершенный по форме танец стал на мно-

Памятник Зиновию Гердту на набережной Себежа

гие годы эталоном академической балетной культуры.

Самой известной ролью Зиновия Гердта был мастерски исполненный им образ мелкого, но обаятельного жулика Паниковского в фильме Михаила Швейцера «Золотой теленок» (1968) по сюжету одноименного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Далеко не все знают, что в фильме Зиновий Гердт не только прекрасно вошел в образ своего героя, пожилого проходимца Михаила Самуэлевича Паниковского, но и в самом деле, без всякого киношного притворства приволакивал ногу. Двадцатичетырехлетний Залман Храпинович, в июне 1941 года ушедший добровольцем на фронт, в 1943 году под Харьковом был тяжело ранен в ногу, правая бедренная кость была сильно раздроблена немного выше колена. Мужественный ветеран Великой Отечественной войны перенес одиннадцать операций и лечился в течение четырех лет, чтобы сохранить ногу и ее подвижность. Самые важные из операций будущему народному артисту СССР Зиновию Гердту выполняла ведущий хирург Боткинской больницы Ксения Максимилиановна Винцентини (жена конструктора С.П. Королева). В результате множества сложных и длительных хирургических манипуляций, помноженных на недюжинное мужество и огромную силу духа Залмана Храпиновича, врачи сумели сохранить актеру поврежденную ногу, однако она с тех пор была на 8 сантиметров короче здоровой, потеряла подвижность в ко-

лене и вынуждала артиста сильно прихрамывать.

В 2011 году на городской набережной, к 95-летию со дня рождения артиста ему установили замечательный памятник, ставший яркой достопримечательностью города. Так Зяма спустя почти век вновь вернулся в свой родной город. «Я из небесного места на земле — я из Себежа» — так говорил Зиновий Гердт о своей малой родине. Лучше, пожалуй, и не скажешь.

...И все же близость к западному миру и культуре Себежа, расположенного в русском порубежье, на перекрестке миров и эпох, неумолимо сказывается даже не столько на облике города, сколько на его духе и ауре. Я очень много где был и многое что видел в российской глубинке, в том числе, немало посетил в бескрайних уголках отечества самых разных небольших провинциальных городков. Но вот такого, чтобы прямо сразу, с самых первых даже не часов, а еще только минут пребывания на себежской земле, обволакивающей тебя со всех сторон магией уюта и очарования, я не встречал, пожалуй, нигде. Обилие нарядных, опрятных деревянных домов и ухоженных городских дворики, утопающих в цветах и зелени, настраивает душу и сердце на позитивный лад, создавая хорошее настроение даже в ненастную погоду. Себеж, без преувеличения, один из самых красивых малых городов России. Найдите время и возможность побывать там, и вы сами в этом убедитесь. □

Эдгар Дега

Ирина Опимах

и его герой Жюль Перро (блестящий хореограф, создатель «Жизели»)

Эдгар Дега.
Автопортрет

В Париже, в музее д' Орсе, и в Нью-Йорке, в Метрополитен-музее, можно увидеть картины Эдгара Дега «Танц-класс» и «Балетный экзамен», на которых среди юных танцовщиц изображен уже немолодой, не отличающийся красотой и блеском, опирающийся на трость человек. И совершенно понятно — на этой балетной сцене, в этом репетиционном зале он царь и бог, все тут ему подчинено. Его имя — Жюль Перро. Наставник, так все звали его в Парижской опера. Выдающийся танцовщик и хореограф, автор вечно прекрасной «Жизели», создавший множество балетных шедевров на сценах ведущих западно-европейских театров, прослуживший 10 лет в петербургском Мариинском театре и подаривший нам, российским любителям балета, «Корсара» и «Эсмеральду»...

Эдгар Дега, отпрыск аристократического рода Де Га, долго шел к успеху. В Школе изящных искусств он осваивал академическую живопись, потом внимательно изучал творения великих итальянских мастеров Возрождения (благо, деньги у него были, и он мог позволить себе пожить в Италии несколько лет, копируя

полотна особенно понравившихся ему Веронезе и Мантеньи. Дега тщательно изучал манеру великих живописцев и придумывал свои композиции. Поначалу это были большие исторические полотна, но особого успеха они молодому художнику не принесли. Салон, в жюри которого входили главные эксперты

живописи Франции, даже не заметил их.

А потом Дега познакомился с Эдуардом Мане, и это было главное событие в его творческой жизни. Мане ввел его в круг своих друзей художников, будущих импрессионистов. Но в отличие от них Дега не любил работать на пленэре — пейзаж вокруг мольберта отвлекал его от того, что происходило на картине. Зато его увлекала жизнь человека в закрытом пространстве, игра света, льющегося из окон, тени, ложившиеся на ткани, лица. При этом он был, несомненно, импрессионистом — как и его новые друзья, стремился передать в живописи момент жизни. У Дега многое получалось, и его друзья высоко оценивали его эксперименты.

В 1870 году началась Франко-Прусская война, и Дега счел своим долгом отправиться в армию — он записался добровольцем в пехотный полк. К большому удивлению для себя, он вдруг понял, что один его глаз видит гораздо хуже, чем другой. Начиналась болезнь, которая потом привела в полной слепоте...

В следующем году Дега побывал в Лондоне, потом — Новом Орлеане, где написал картину «Хлопковый рынок в Новом Орлеане» — первое его полотно, которое оценили не только его друзья, но и критики. Это уже был некоторый успех. А в 1873 году умер господин Де Га-старший, и оказалось, что семейству своему он оставил совсем не те капиталы,

на которые рассчитывал его сын. Теперь пришлось уже серьезно думать о заработке, найти покупателей на свои полотна.

В это же время Дега увлекся театром, особенно — балетом. Здесь, на сцене и в репетиционных залах, он нашел то, что искал, — свет, цвет, тени, движение, страсти, любовь, полет души и тела, красоту. Сам он писал: «Меня называли живописцем танцовщиц. Балерины всегда были для меня лишь предлогом, чтобы изобразить замечательные ткани и ухватить движение». Здесь он нашел очаровательных героинь своих прославленных балетных полотен. «Мое сердце зашито в шелковую балетную туфельку», — как-то признался художник.

И тут очень удачно он получил заказ от известного певца Французской оперы, баритона Жана-Батиста Фора. Фор, обладавший немалым состоянием, кроме музыки весьма ценил живопись и составил неплохую коллекцию полотен своих друзей и знакомых. Особенно он любил Мане (в его собрании было 67 его картин). Но то, что делал Дега, Фору тоже понравилось, и он попросил художника написать картину о жизни парижских балерин.

Так начиналась эта замечательная серия картин Дега, посвященных балету.

Позже каждая из них стала украшением самых разных собраний — больших, мирового уровня, и малых,

«Балетный класс»

частных коллекций. Они разные — по цвету, настроению, композиции, — на них живут разные героини — юные, очаровательные, уставшие, вдохновенные, красивые и не очень... Вот что писал 13 февраля 1874 года в своем дневнике известный романист Эдмон Гонкур: «Вчера я провел целый день в мастерской удивитель-

ного художника по имени Дега. После множества попыток, опытов, прощупываний во всех направлениях он влюбился во все современное, а в этой современности остановил свой взгляд на ... танцовщицах. В сущности, выбор не так уж плох. Все — белое и розовое; женское тело в батисте и газе — самый очаровательный

«Танцкласс»

Справа:
«Репетиция балета»

повод для применения светлых и нежных тонов... Перед нашими глазами проходят танцовщицы... Картина изображает балетное фойе, где на фоне светлого окна вырисовываются фантастические очертания ног танцовщиц, спускающихся по лестнице; И перед нами предстают схваченные в натуре грациозные изгибы тел, повороты и движения этих маленьких девушек. Художник показы-

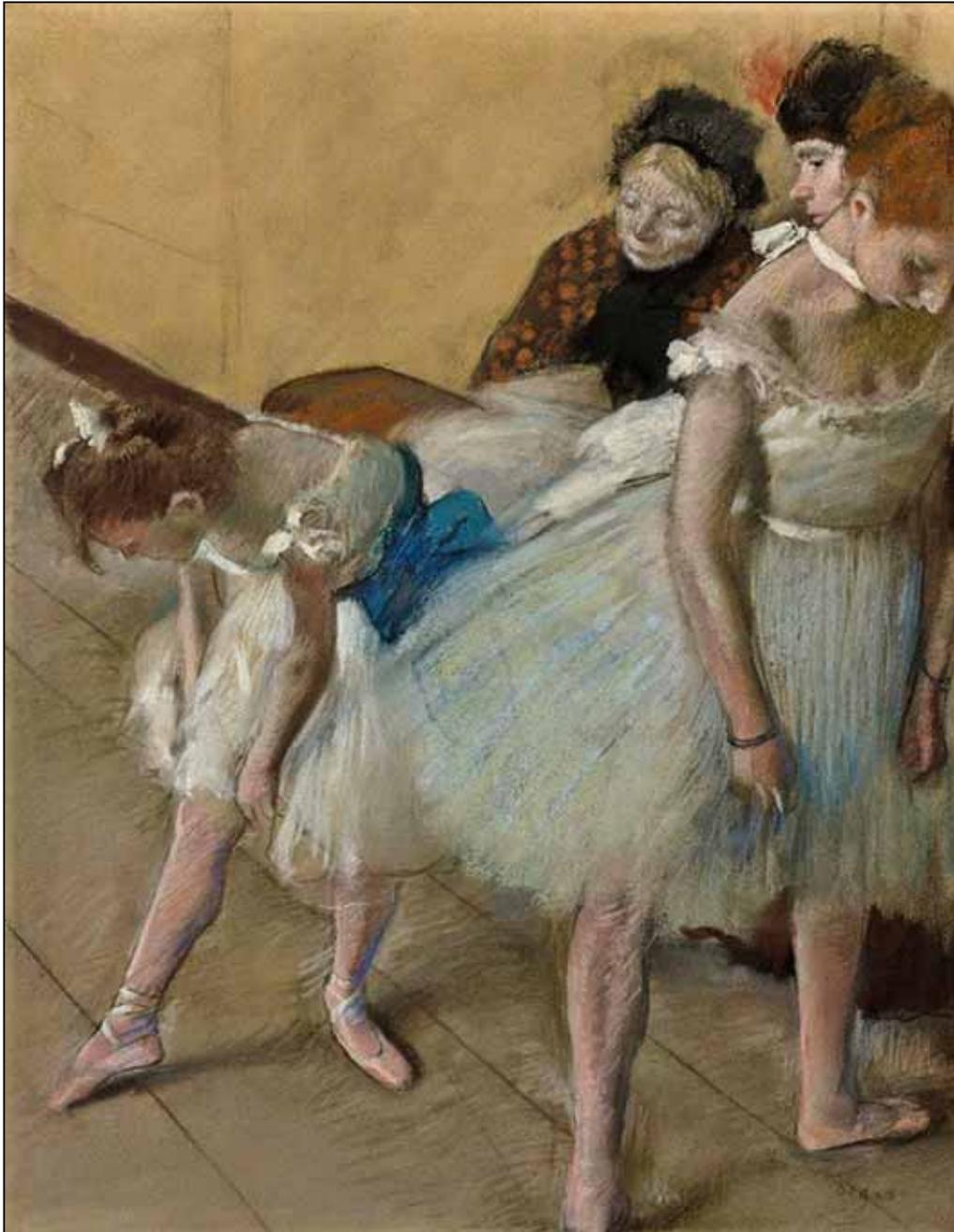
вает свои картины, время от времени дополняя пояснения воспроизведением какой-нибудь хореографической фигуры, имитацией, говоря языком танцовщиц, одной из арабесок. И поистине забавно видеть, как он, стоя на носках, с занесенными над головой руками, смешивает эстетику танца с эстетикой живописи, рассуждая о нечистых тонах Веласкеса и силуэтности Мантеньи».

На нескольких картинах есть один герой — это выдающийся танцовщик и хореограф Жюль Перро. Впервые он появился на картине «Танцкласс» (1874, Париж, Орсе). Потом был «Балетный экзамен» (1874, музей Метрополитен, Нью-Йорк), «Репетиция» (1874–1877, Собрание Баррела, Глазго), «Танцкласс» (1881, Музей искусств, Филадельфия). Можно увидеть его фигуру — а иногда только тень — и на других балетных картинах Дега. Удивительное дело — Жюль Перро уже в это время не работал в Гранд-опера, он ушел из театра — навсегда, когда ему было чуть-чуть за 50, и Дега писал Перро, пользуясь его фотографией 1861 года. Эти картины — памятник выдающемуся танцовщику и хорео-

графу, созданный выдающимся художником.

Жюль Жозеф Перро родился 18 августа 1810 года в Лионе. Его отец работал в местном лионском театре, был машинистом сцены, а потому Жюль с малых лет жил по сути за кулисами. Он с детства отличался невероятной гибкостью и пластикой, ему легко давались сложнейшие акробатические трюки, да и танцевал он прекрасно. Денег в семье Перро всегда не хватало, а потому уже в 12 лет Жюль попал в труппу бродячего цирка, причем его выступления всегда пользовались успехом у публики. Особенно всем полюбился Жюль в образе обезьянки Жоко — уж очень хорошо и весело он ее представлял!

«Балетный экзамен»

Повзрослев, юный Перро отправился в Париж — ведь только в столице можно добиться настоящего успеха, а честолюбием он явно не был обделен. Жюль выступал в цирковых пантомимах разных бульварных театров, но мечтал стать танцором, блистать на больших сценах в настоящих балетах. Ну, например, стать солистом Парижской оперы...

Но для этого нужно было овладеть определенными приемами, классическим танцем, и Жюль поступил в класс Огюста Вестриса (1760–1842), танцора и педагога, танцевавшего на сценах Парижа и Лондона, в совершенстве владевшего техникой антраша, прыжков и особенно пируэтов. Бог танца — именно так, и вполне заслуженно, называли Ве-

стриса. В 1816 году он оставил сцену и основал балетную школу. Среди его учеников были такие звезды балета, как Ш.-Л. Дидло, А. Бурнонвиль, Ф. Эльслер, М. Тальони. И наш герой Жюль Перро. Он был очень способным учеником, у него легко получались все эти антраша и пируэты, только вот подкачали внешние данные: невысокий, коренастый, коротковатая шея, большая голова, широкое лицо, нос некрасивой формы. В общем, для роли любовников он не годился. Но зато у него были ноги совершенной формы, которые легко носили его по сцене. И умный Вестрис дал ему совет: двигаться по сцене быстро, так, чтобы публика не могла видеть его лицо, зато могла восхищаться его грацией и блестящей танцевальной техникой.

Сделав себе имя в парижских театрах «Порт Сен-Мартен» и «Гетэ», Перро в 1830 году дебютировал на сцене Парижской оперы — в балете «Пастораль Портичи», специально сочиненном для него Вестрисом, который в этом спектакле блестяще использовал все сильные стороны Жюля. И это был настоящий триумф! Перро назвали лучшим танцовщиком современности! Причем, те времена, когда на сцене царствовали дамы, они были главными, а мужчины — танцоры им только помогали! Перро стал отцом настоящего мужского танца. Теперь Божественная, как ее называли, Мария Тальони считала его достойным танцевать с ней. Но вот беда — оказалось, что

он танцевал не хуже, чем она, и публике нравился не меньше. Перро даже стали называть «Тальони в мужском образе». Тальони стерпеть такого унижения не могла — только она была Божественная. В общем, Перро пришлось покинуть Парижскую оперу.

Начались его гастроли по лучшим сценам Европы, и везде его принимали с восторгом. Оказавшись в Неаполе в 1835 году, Жюль познакомился с юной и хорошенькой балериной Карлоттой Гризи. Девушка оказалась очень способной, он с удовольствием давал ей уроки, а спустя два года, в 1836-м, она уже стала его партнершей. И не только партнершей — вскоре он представлял ее как мадам Перро, хотя официально они женаты не были. Но это ничему не мешало, и в 1837 году у них родилась дочь.

Перро обожал свою Карлотту. Она должна превзойти Тальони — вот такую цель поставил Жюль и принялся сочинять для нее танцы, в которых она могла бы показать все свои дарования. Оказалось, Перро не только блестящий танцовщик, но и замечательный хореограф! В его композициях Карлотта была очень хороша — и это увидели ценители балета в Вене, Мюнхене, Милане — везде, где Перро устраивал, используя свои старые связи, гастроли. Карлотта не только умела танцевать, но еще и вполне неплохо пела — в общем, она была обворожительна на сцене.

Жюль Перро

Справа:
«Танцкласс»

Это увидели и руководители Парижской оперы. В 1840 году Карлотта блестяще дебютировала на прославленной парижской сцене. Ей аплодировал весь зал, а дирекция театра тут же предложила ей контракт. Она согласилась, но с условием — Перро тоже будет работать в театре. Все стороны пришли к согласию.

Перро по-прежнему занимался с Карлоттой, ставил для нее номера

и балет — на музыку Доницетти «Фаворитка». Все шло неплохо, но и он, и Карлотта понимали: ей сейчас нужен большой, яркий балет, который сделает ее настоящей звездой.

А между тем, в Карлотту влюбился Теофиль Готье, прозаик, поэт, журналист, критик, путешественник. Чувствуя, что он просто обязан что-то сделать для любимой, Готье стал искать сюжет для балета, который

ее прославит. После долгих поисков он вместе с Анри де Сен-Жоржем, известным парижским драматургом, сочинил либретто «Жизели», прочитав которое, уже известный в те годы композитор, автор многих балетов и опер Адольф Адан тут же — за 10 дней! — написал музыку.

Конечно же, в главной партии должна была предстать перед публикой она, Карлотта Гризи. Партия Альберта предназначалась для брата Мариуса Петипа Люсьена Петипа. Перро отдал сочинению балета все, что мог, он работал самозабвенно, предчувствуя успех Карлотты и свой. Но когда уже все было

почти сделано, он узнал, что его любимая Карлотта изменяет ему с Люсьеном Петипа. Оскорбленный, раненный в самое сердце, Жюль отказался продолжить работу над спектаклем, и заканчивал его балетмейстер Жан Коралли. Ему и достались все аплодисменты, все восторги публики и критиков. А имя Перро даже не было упомянуто ни на афишах спектакля, премьера которого состоялась 28 июня 1841 года, ни в программках...

Перро, предрекая успех «Жизели», был прав — очень скоро его можно было увидеть на лучших сценах мира, его успех был феноме-

«Танцевальный класс»

нальным, а Карлотта стала звездой Парижской оперы.

После пережитого предательства Карлотты Перро работал в Лондоне, сам придумывал либретто, напевал мелодии композиторам, чтобы те сочиняли правильную музыку, и сочинял хореографию своих балетов. И все эти истории, которые он рассказывал с помощью танца и музыки, были о грустной любви, о его Карлотте и его разбитом сердце... Потом он уехал в Вену, где поставил балет «Фауст» и станцевал Мефистофеля. А в 1851 году его пригласили в Россию, и он был зачислен в труппу Императорского театра как танцор, а потом назначен главным балетмейстером. На петербургской сцене Перро поставил 18 балетов, и среди них замечательные «Эсмеральда», «Фауст», «Корсар». Он лю-

бил драматические балеты, недаром основой его лучших творений были большие литературные произведения — «Собор Парижской Богоматери» Гюго, «Фауст» Гете, «Корсар» Байрона. А потом Перро — независимый, свободный — поссорился с директором императорских театров Сабуровым и вернулся на родину, во Францию. Но уехал (кстати, заработав за службу русскому искусству немалую по тем временам пожизненную пенсию, 570 руб. в год) не один — с собой он увозил русскую жену, танцовщицу петербургского балета Капитолину Самовскую, которая была младше мужа почти на 20 лет, и двух маленьких дочек — Марию и Александрину.

В 1861 году Перро снова стал работать в Парижской опере — теперь, конечно, уже не как танцов-

щик, а как педагог. У него было много учеников и учениц, которые души не чаяли в своем учителе, уроки которого были бесценны. К тому же, он был беспредельно предан искусству. Недаром его называли Наставник — высокое звание, которое дают очень немногим...

Однако он, с его независимым характером и своими представлениями о том, каким должен быть балет, недолго продержался в Парижской опере. В какой-то момент он решил уйти. Ему было чуть-чуть за 50...

Перро купил виллу в Бретани и зажил там в покое, на природе, со своей русской женой и дочерьми. Капитолина окружила Жюля заботой, дала покой, в котором так нуждалась его беспокойная душа. Более 40 лет они прожили вместе...

Он умер 29 августа 1892 года. Говорили, что причиной стал солнечный удар, который он получил на рыбалке.

В эти годы, в конце XIX века, о балетмейстере Перро уже никто не помнил. В театрах царили совсем другие вкусы и тенденции, мир менялся быстро.

Но его балеты, его творческое наследие осталось и живет на сценах лучших театров мира, анализируется и осмысливается в монографиях, посвященных истории европейского театра. Жюль Перро, уже не очень молодой, опирающийся на тросточку, по-прежнему дает свои уроки на чудесных картинах Эдгара Дега, и по-прежнему его вниматель-

но слушают очаровательные, грациозные, воздушные танцовщицы Парижской оперы. И по-прежнему любит, страдает, умирает и дарит жизнь своему любимому легкая, воздушная Жизель, придуманная им...

P.S. Эдгар Дега пережил своего героя на 25 лет. В отличие от Перро он не знал, что такое простое семейное счастье. Многие его друзья к началу XX века уже умерли, а те, что еще жили, отошли от Дега из-за его сложного, порой вздорного, а к старости еще более испортившегося характера. Последние его годы прошли в одиночестве, в холостяцкой квартире, заваленной старыми холстами, какими-то дорогими безделушками и старинными коврами, которые он собирал многие годы. Дега в конце жизни ослабел, почти ослеп и полностью оказался во власти своей суровой экономки мадам Зоэ...

Выдающийся французский живописец Эдгар Дега ушел из жизни 27 сентября 1917 года в Париже. Ему было 83 года. Весь мир уже признавал его как выдающегося живописца, и картины его стоили баснословные деньги. Умирая, Дега просил не устраивать пышных похорон, но настаивал на том, что, если его другу художнику Жан-Луи Форену придется все-таки во время прощальной церемонии произнести какие-то слова, пусть прозвучит что-то, вроде «Он, как и я, очень любил рисовать»... □

Журнал «Смена» очень часто рассказывает на своих ресурсах о молодых и талантливых актерах, режиссерах, художниках, предоставляет страницы начинающим поэтам и прозаикам, но никогда не рассказывал о молодых врачах, кто делает первые, но уверенные шаги в самом благородном деле — каждый день спасает жизни и здоровье людей.

Давно «чесались руки» рассказать о судьбе молодого врача и первых его шагах в самой сложной специальности — хирургии. И неожиданно помог... футбол. Однажды на трибуне стадиона моей соседкой оказалась красивая молодая девушка, которая в меру эмоционально реагировала на происходящее на поле и вслух комментировала, причем, со знанием и пониманием дела, происходящего на поле.

Марина Федун

«В хирургии женщинам тяжелее, чем мужчинам. Нужны сильное желание и упертость, а еще желание помогать людям»

В перерыве мы разговорились, и я, честно говоря, был шокирован, когда узнал, что она врач, и не просто врач, а хирург. Конечно же, я посчитал это Божьим помыслом или знамением, поэтому использовал все свое красноречие и знания, чтобы уговорить ее на интервью. Да и то получил согласие только после того, как сказал, что на наших страницах не было ни одной публикации или интервью с молодыми врачами, и что мы открываем новую рубрику «Первые шаги в профессию».

— Марина Андреевна, где и в какой школе вы учились и когда впервые подумали о медицине.

— Мы жили в Одинцово, и я училась в обычной школе — лицей № 6, в математическом классе, с 12 часами алгебры в неделю, в которой я ничего не понимала, а в 10-11 классах на уроках математики читала романы на задней парте. Учителя терпели, потому что я любила писать сочинения и делала это очень хорошо, кроме этого, с удовольствием писала рецензии на книги, и однажды «сотворила» рецензию, в которой раскритиковала роман Ивана Гончарова «Обломов». Вот поэтому в лицее мне «выравнивали» математику, то есть прощали ради литературы.

Естественно, мама и учительница по литературе видели меня в журналистике. А что касается медицины — я с детства жила в этой атмосфере: папа, хирург, приходя с работы, иногда что-то рассказывал, кроме этого, я часто с ним зашивала игрушечных зайчиков, кроликов и как-то даже не думала, что можно

пойти куда-то кроме мединститута и заниматься чем-то другим. Несмотря на то, что мама сильно «агитировала» за институт иностранных языков или факультет журналистики, я решительно ответила, что буду поступать только в мединститут. Папа был за «свободу моего выбора», правда, предупреждал, что будет не просто, поскольку работа сложная и трудная.

— Насколько мне известно, ваш папа Андрей Арнольдovich — хирург, военный врач, полковник, дедушка, Арнольд Антонович Федун, был не просто военным врачом и полковником, главным хирургом войск стратегического назначения, но и шестым по счету народным врачом СССР, первым среди военных медиков, удостоенных этого звания. То есть вы, в полном смысле слова, потомственный хирург в третьем поколении, и, стало быть, после школы подали документы в мединститут.

— Да, сдала экзамены и поступила в Первый медицинский университет¹ на лечебный факультет.

Однако после третьего курса «зависла», жила в сомнениях — куда идти дальше. И, в конце концов, после окончания Сеченовского университета подала документы в ординатуру на сердечно-сосудистую хирургию в Центр имени Вишневого² (это была частично папина идея).

Первоначально думала, что буду аритмологом. Наверное, потому, что директор института, Амиран Шотаевич Ревшвили³ — ведущий в стране аритмолог. Но в ординатуре дают возможность определиться в своем будущем, предлагая последовательно по три месяца практики в отделениях: рентген-эндоваскулярная⁴ хирургия (рентгенохирургия), сосудистая хирургия, кардиохирургия и аритмология.

И уже пройдя все эти этапы, ты выбираешь, куда идти дальше.

Первые три месяца у меня была рентген-эндоваскулярная хирургия, и когда я туда попала и увидела операционную, то сразу поняла — ЭТО МОЕ! Заведующий этим отде-

лением Баграт Гегамович Алекян⁵ перевел меня к себе в отделение, где я и заканчивала ординатуру. После этого в 2020 году перешла в больницу № 13, в отделение рентген-эндоваскулярных методов диагностики и лечения. Нынче после объединения это Городская клиническая больница имени В.Л. Демикова.

— В ординатуре вы уже сами делали операции?

— Очень мало. Там было много ординаторов, а я на тот момент была еще не совсем «зубастая», не умела отбиваться, поэтому работала с кардиологами. Но это дало мне хорошую базу потому, что я освоила кардиологию, понимала, как вести пациента, что у него болит, что можно не только оперировать, но и полечить, что, к сожалению, сейчас не очень популярно — проще прооперировать, долго не раздумывая, дескать, хуже от этого не будет.

— Сегодня вы врач, о профессии которого, шутя между собой, мечтают многие ваши коллеги. Вы не ведете пациента фор-

¹ Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет).

² Национальный медицинский исследовательский центр хирургии имени А.В. Вишневого.

³ Амиран Шотаевич Ревшвили — советский и российский врач-кардиохирург профессор. Академик РАН и РАМН, член Президиума РАМН, директор Национального медицинского исследовательского центра хирургии имени А. В. Вишневого, президент Российского общества аритмологов.

⁴ Эндоваскулярный на русский язык переводится как внутрисосудистый.

⁵Алекян Баграт Гегамович — академик РАН, профессор, доктор медицинских наук.

мально, не считаетесь его лечащим врачом, чаще всего, впервые видите его только в операционной. Равно как и пациент вас, которого привезли на «скорой», и он даже не думает о том, кто его будет оперировать.

— Зачастую так и бывает. Но мы делаем операции и поэтапно. В сердце несколько сосудов, и мы оперируем сначала сосуд, который более всего поражен, потом, через месяц-полтора, пациент приходит уже с плановой операцией на второй этап. То есть, не по «скорой», а планово через кардиологию к нам поступает. В таком случае пациент знает врача. Некоторые просят попасть к тому же врачу, который делал первую операцию. А поскольку наши операции проходят без наркоза, то пациенты в операционной в прямом контакте с нами.

— Марина Андреевна, можно ли чуть поподробнее о тех операциях, которые делают в вашем отделении...

— Операции стентирования (восстановления просвета артерий), тромбэкстракции (удаление тромбов), иногда эмболизации (закупорке) артерий. То есть, открываем артерии, но при миоме матки, наоборот, закрываем их, чтобы узел не кормился. И при кровотечениях мы их тоже закрываем.

— Как быстро вы можете увидеть результаты операций?

— Иногда, что называется, на глазах «отпускает». Особенно, когда па-

циента привозят с инсультом. Классический инсульт — рука висит, нога висит, рот висит, а ты до головы доходишь, из артерии убираешь тромб, и через десять минут человек начинает разговаривать, шевелиться.

— И каково это видеть?

— Красиво.

— Читателю даже представить сложно, что вы добираетесь не только до сердца...

— Куда угодно, где есть артерия.

— А вход через руку и ногу?

— Да, через лучевую или бедренную артерии. Сердце, голова чаще всего — это лучевая, живот, матки, ноги — через бедренную.

— То есть, про вас можно сказать, что вы тоже сегодня на передовом рубеже медицины...

— Мы активно развиваемся, наша специальность двигается вперед.

У нас большой спектр и в экстренной, и в плановой хирургии, главный врач, Сергей Эрнестович Аракелов, нас поддерживает и помогает активно развиваться. Большое спасибо заведующему отделением Григорию Асватуровичу Чувараяну, который взял меня на работу «безрукою» и превратил в хорошего хирурга.

— И какая-то доля искусственного интеллекта в вашей работе уже есть?

— Пока не особо.

— Только руки, глаза и голова хирурга?

— Пока да. Если в КТ и МРТ уже появился и развивается искусственный интеллект, то мы пока все в режиме онлайн, все в живом времени, полагаемся на себя и делаем все инструментами толщиной 0,014 миллиметра.

— Почти фантастика. А как вы считаете, будет ли в медицине вытеснение искусственным интеллектом хирурга как такового?

— Наверное, мало кто сегодня может сказать, через сколько десятилетий или столетий это произойдет, и произойдет ли вообще. Как помощь, это будет в описании снимков, в базовых каких-то операциях, опять же, неглубоких. Но чтобы полностью оперировал робот — вряд ли...

— Вопрос провокационный: были ли у вас мысли, сожаления, что пошли не туда, «не в ту степь»?

— Желание уволиться было. Когда сильно уставала, когда, наверное, «выгорала». Даже не так давно думала, не переучиться ли на что-то еще, перейти в какой-то бизнес, еще куда-то, где чуть попроще. Но потом отдохнешь, возвращаешься и... ну, не отпускает хирургия....

Кроме сердца много занимаюсь ногами, сделала более сотни операций. То есть, мы работаем вместе с сосудистыми хирургами, с гнойными хирургами при диабете. Там же очень частая ампутация паль-

цев, стопы, и более высокие ампутации. Чтобы не было этих высоких ампутаций, чтобы они заживали, чтобы убрать один палец, но четыре оставить, мы через бедро входим и открываем артерию на ноге. Такие операции, чаще всего, долгие, часа по полтора-два. На сердце не всегда, но чаще всего делается быстрее, особенно «свежий» инфаркт. А на ногах операции более сложные у диабетиков. У нас постоянно снижается количество ампутаций. Пускаем кровь по участкам сосудов, и раны прямо на глазах затягиваются. Я когда сама впервые увидела, была очень удивлена. Пришла к хирургам, говорю, покажите, что сделали, я ведь вижу только артерии. Они фото ран присылают, и я вижу — раны сохнут, заживают.

— Насколько я знаю, в Москве большой прорыв в медицине за последние десять лет.

— Да, действительно, сейчас в московских больницах много замечательного, современного оборудования и инструментов. Главное, есть, чем работать, но, к сожалению, и пациентов с инфарктом и инсультом много. И, конечно, плановых операций. Это когда человек раньше бежал к остановке, чтобы успеть на автобус, а тут побежал, и зажгло в груди, значит, что-то, скорее всего, не так. Тогда идут к кардиологам, которые направляют их к нам.

— Моему другу нужно было убрать камни в желчном пузыре.

Как водится, в ходе подготовки к операции проверили сердце и сказали, что сначала нужно сделать шунтирование сосудов, а потом уже заниматься другими органами. В этом отношении контактите ли вы, пересекаетесь ли с коллегами, занимающимися шунтированием. Или вы лечите то, что внутри сосудов, а они — сами сосуды?

— Шунтирование — это большая операция, большой наркоз, это искусственное кровообращение. Мы с кардиохирургами не конкурируем. То, что не можем сделать мы, потому что будет большой риск для пациента, сделают кардиохирурги. Например, когда из всех трех артерий поражены три или хронически закрыты (так как раньше пациент перенес инфаркт на ногах) плюс, если пациент молодой, крепкий, то это их пациент. ... Если же человек 85-90 лет, с диабетом, с лишним весом, тогда отдадут нам, потому что мы делаем без наркозов, без боли. Некоторые пациенты после операции спрашивают, а была ли она вообще, мы ведь ничего не почувствовали. Это потому, что они свободно лежат, у них зафиксирована только рука, доктор что-то копошится, музыка играет... Особенно, если не было больно. Если иногда бывает больно или возникают неприятные ощущения, анестезиологи всегда рядом, обезболят, все сделают, что надо...

— Молодому хирургу сложно устроиться в Москве на работу?

— Сложно. Места заняты, конкуренция большая. Нужно очень сильное желание, очень сильная упорность. Девушкам еще сложнее. В хирургии женщинам действительно сложно. Кинут в меня за это камень, но это так и есть: нам тяжелее, чем мужчинам. Особенно в нашем отделении, так как во время операции нас от рентгена защищают восьмикилограммовые свинцовые костюмы.

— То есть конкуренция при приеме на работу, конкуренция при поступлении в мединститут?..

— При поступлении в Первый мед конкуренции не ощущалось, ведь вступительных экзаменов уже не было, все решали показатели ЕГЭ. Кто первый документы в вуз принес, тот и молодец. Вся нервотрепка была при сдаче ЕГЭ.

— В вашем отделении среди хирургов вы единственная представительница слабого пола?

— Несколько месяцев назад у нас появились еще две женщины. А вот в реанимации и анестезиологии работают в основном женщины

— Скажите, пожалуйста, врачами должны рождаться? Или вы еще молоды, и об этом не думали? Это ведь благодатный, но не очень благодарный труд. Ведь благодарность получишь не всегда, а жалобы чаще...

— Что значит, рождаться? Должно быть желание помогать людям и стремление к этому... То есть, когда

тебя родители насильно подталкивают или проталкивают, то, скорее всего, ничего хорошего не выйдет. Но чтобы потом пробиться, чтобы не сгореть, особенно когда теряешь пациента, нужно что-то еще типа... простите за штамп... внутреннего стержня или голоса. Если этого нет, не выдержишь. Я видела, как ломались и уходили из профессии люди.

— А может быть медицина чисто деловой, без сострадания, быть просто работой, конвейером?

— Мне не нравится такой подход. К сожалению, я иногда его вижу. Особенно, когда пациенту больно, а ему говорят — потерпи. А зачем терпеть, если можно обезболить? Я знаю, что такое боль, сама ее проходила, поэтому всегда за адекватное обезболивание, за контакт с пациентом. Врач должен не только понимать больного, но сострадать, сочувствовать ему. Иногда, даже когда просто с ним постоишь, поговоришь, человеку становится легче, потому что людям страшно. У взрослого человека болит сердце, он переживает, а если у девочки миома матки, ведь ей еще страшней. В тридцать пять, сорок лет женщины в ужасе от такого диагноза. Поэтому надо просто завести с ними диалог хотя бы про кошечек, про собачек, не говоря уже про детишек, — тогда все, они переключаются, болтают с тобой, шутят, улыбаются. А когда врачу на все плевать, то и пациенту будет тяжело. С пациентом

нужно общаться. Бывает, конечно, когда у тебя пятнадцатый пациент за день, то уже нет ни возможности, ни сил для этого, но хотелось бы, чтобы было больше адекватного, не без эмоционального, скажем так, общения...

— У вас режим работы восемь часов?

— У меня — шесть, потому что дольше нельзя из-за рентгена.

— И плюс дежурства. Или у вас нет дежурств?

— У меня есть. Если дежурство, я прихожу в понедельник к восьми тридцати, работаю до четырнадцати тридцати, потом все уходят, а я остаюсь и работаю до вторника, да и во вторник у меня рабочий день до четырнадцати тридцати, так что получается полтора суток. Как у всех.

— А из ваших однокашников, с кем вы заканчивали Первый мед, многие ушли из медицины или большинство работает?

— Да, некоторые ушли. Кто-то замуж вышел, кто-то детей нарожал, кто-то уехал, кто-то другую специальность получил. Но процентов пятьдесят-шестьдесят, наверное, осталось.

— Из вашего выпуска Центра Вишневого все остались в Москве или уехали в другие города?

— После ординатуры все здесь работают, насколько я знаю. Мы редко общаемся, но с кем я выпу-

скалась (нас было трое), общаемся постоянно. Один стал пластическим хирургом, а другой остался в профессии, он работает и сейчас.

— Быть может, дело в том, что женские пальчики более чувствительные, более тонкие, чем мужские...

— Об этом никто не думает. Все думают, что ты эмоциональная, что ты слабая, что защитный костюм для тебя тяжелый, и прочее. Но эмоции удлиняют жизнь не только актерам, но и врачам, тем паче, когда они уходят в улыбку пациентов, это замечательно.

— А как вы «приболели» футболом?

— Родители привели на стадион в двенадцать лет, сказали — это футбол, а я сказала — здорово!

— Понравилось?

— Понравилось. Ходили всей семьей на матчи, и я его ре-

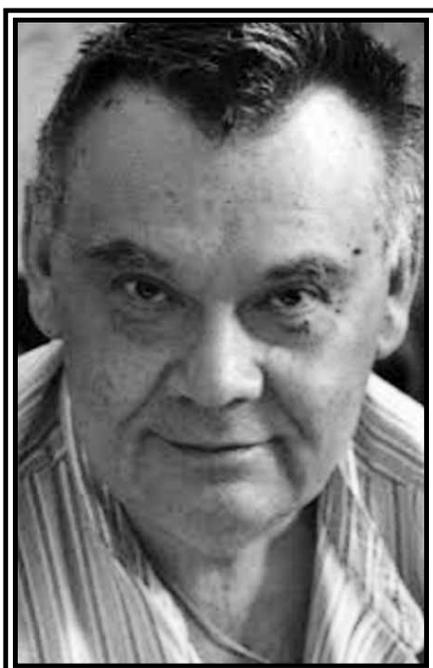

ально полюбила, мне стало интересно. Я и дома все матчи смотрю, стараюсь не пропускать.

— Вы можете сказать, что это для вас — отдушина, снятие стресса, или просто нравится?

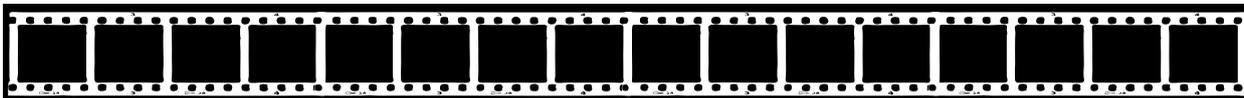
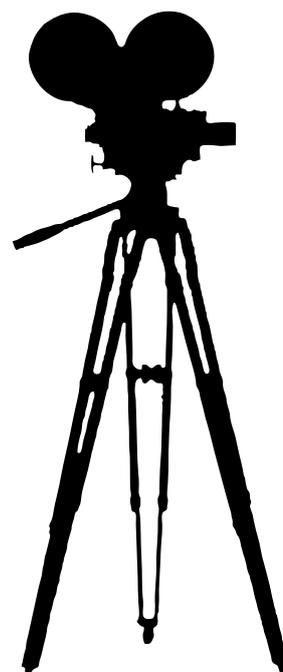
— Нет, просто нравится. Отдушина для меня — это теннис, которым я занимаюсь.

Моя коллега и учитель Татьяна Николаевна Федорова, один из лучших питерских интеллектуалов, знаток и ценитель искусства, считает футбол динамичным спектаклем с непредсказуемым финалом, в отличие от действия театрального. Как бы блестяще актеры не исполняли роли Дездемоны и Отелло, приводя в восторг зрителей, все равно в финале он ее придушит, и зрители это знают. А на футбольном поле, чаще всего, игра не предсказуема... Наверное, и поэтому тоже мне нравится футбол... □

Юрий Осипов

Трудные миры Алексея Германа

Уже после второй своей картины он заслужил репутацию перфекциониста благодаря новаторской режиссуре и методу съемок, чьи негромкие шедевры почти всегда на годы ложились на полку в ожидании своего часа. Горбачевская перестройка дала фильмам Германа мировой прокат и фестивальные триумфы у нас и за рубежом. Крупнейший итальянский писатель-философ У.Эко признал, что после его фильмов культовые ленты Тарантино похожи на диснеевские мультики.

Во время съемок своего последнего, спорного и, вместе с тем, грандиозного фильма — экранизации знаменитого романа братьев Стругацких «Трудно быть богом», работа над которым заняла почти 14 лет, Алексей Юрьевич Герман сказал в интервью: «Мне интересно воссоздавать ту жизнь. Придуманную. Я старался снять скрытой камерой XIV век на другой планете. Сочинить мир во всех нюансах и подробностях так, чтобы все поверили — это правда. Мы работаем на уровне интуиции...»

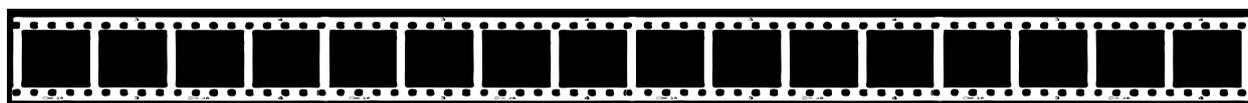
Собственно, подобным образом он создавал каждый из своих шести знаковых фильмов, вошедших в золотой фонд отечественного и мирового киноискусства. Немного, казалось бы. Ведь он умер в феврале 2013-го, накануне 75-летнего юбилея, не успев завершить постпродакшн «Арканарской резни», который заканчивал его сын, даровитый кинорежиссер Алексей Герман-младший. Сам же Герман-старший знал и не раз признавался, пока трудился над картиной, что это будет его творческий финал.

Так оно и вышло. И премьера с последующими зачастую недоуменными обсуждениями столь масштабного, крайне необычного и сугубо ав-

торского экранного полотна прошла уже без его создателя. «Как нам повезло, что он был, — заявил писатель А. Архангельский. — Упрямый, мучительно великий, не считавшийся с раскладами тусовки и правилами киношной эстетики, шедший напролом, доверявший чутью больше, чем уму и расчету, создавший свой кинематограф, одинаково далекий от голливудского целлулоида и от мелочного артхауса».

Каждый из этих шести шедевров А. Германа — событие, которого ждали долго. Притом, что творчество режиссера — «целая эпоха и в кино, и в нашей жизни». Оно, это яростное, исповедальное творчество, остается острым диалогом с обществом, со всеми нами.

Примечательно, что влиятельный французский журнал о кино «Кайе дю синема» в числе 50 лучших фильмов мира за последние 50 лет назвал две картины из России: «Дни затмения» Александра Сокурова по повести все тех же Стругацких и германовскую ленту «Хрусталеv, машину!», поскольку их авторы «сделали шаг вперед» в развитии киноискусства.

Ленинградская судьба Алексея Германа началась в июле 1938-го. Именно судьба, а не просто факт рождения. Потому что, как говорил поэт Иосиф Бродский, родиться на берегах Невы уже значит обрести судьбу.

Он родился в семье известнейшего и благополучнейшего советского писателя, лауреата Сталинской премии Юрия Германа и его жены Татьяны Риттенберг. Среди его близких родственников не было осужденных по политической статье в период сталинских репрессий. При этом Алексей с молодых ногтей хорошо знал истинную сущность того строя, в котором ему довелось родиться. Образы перенаселенных коммуналок с раннего отрочества врезались в память будущего кинорежиссера и в разных видах наполнили затем сложный мир его пронзительных фильмов.

Перенасыщенные бытовыми деталями тех лет и незначущими репликами случайных персонажей, дробясь в бесконечном количестве съемочных планов, картины Германа втягивают зрителей в свое суровое пространство, заставляя их буквально жить в давно исчезнувшем, но оставившем глубокий след в общественном самосознании и душе режиссера мире.

В 1960 году Герман окончил ЛГИТМИК. Он был младшим и, как впоследствии выяснилось, едва ли не самым талантливым на своем курсе режиссерского факультета мастерской маститого Григория Козинцева, был тогда веселым, спортивным (со школы успешно занимался в боксерской секции), а с годами погрузнел, помрачнел, растратил здоровье в творческой борьбе за правду.

*«Двадцать
дней
без
войны»*

После института несколько лет работал в Смоленском драматическом театре, в ленинградском БДТ у великого Товстоногова, а в 1964-м пришел вторым режиссером на ставший для него родным «Ленфильм».

Картина «Седьмой спутник» по повести Бориса Лавренева, снятая Германом в 1967 году совместно с Г. Ароновым, не стала его полноценным режиссерским дебютом. И все же история царского генерала-юриста, сохраняющего верность закону по обе стороны Гражданской войны, обозначила вектор творческих устремлений дебютанта и принесла ему известность. А вот первый самостоятельный фильм — острая драма «Проверка на дорогах» (1971) по повести отца «Операция с Но-

вым годом!» заявил, что в отечественное кино пришел новый крупный мастер.

На экраны фильм вышел лишь в 1985 году. Его обвиняли в том, что режиссер представил здесь искаженную картину войны, сосредоточил внимание на ее мирных жертвах, «принизил» партизанское движение, проявил жалость и сочувствие к нашим военнопленным, которых насчитывались миллионы... Не помогли ни громкое имя автора повести, ни бесспорный авторитет сверхуспешного сценариста Э. Володарского. Начальство посчитало крамоллой талантливую попытку Германа реабилитировать в общественном сознании бывшего сержанта Красной армии, который в 1942-м попал в плен к немцам, добровольно согласился

служить врагу, но затем явился в партизанский отряд, чтобы кровью искупить, если ему поверят, измену Родине.

Этого раскаявшегося русского коллаборациониста убедительно сыграл актер В. Заманский. Командира партизанского отряда — Ролан Быков. А отважного разведчика — Олег Борисов. Запомнились также образы ортодоксального политрука отряда и простой крестьянки, созданные А. Солоницыным и М. Булгаковой. Главная тема фильма — искупление Лазаревым своего греха предательства. Он уже в любом случае считает себя мертвым, опозоренным, и им движет только желание остаться человеком. Человеком, который гибнет под пулями врага, прикрывая из пулемета на вышке угоняющих эшелон с продовольствием партизан. Роль Лазарева стала вершиной актерской карьеры Заманского и художественным открытием режиссера.

«Проверка на дорогах», далеко превзошедшая положенную в ее основу повесть, строится на столкновении нравственных позиций героев-антиподов. Этот ярко прочерченный конфликт отличает дебютный фильм Германа от его последующих работ, где фабульная интрига будет подчинена «плотности и густоте передачи второго плана, объемности жизненной среды, свободе и многолинейности драматургического строения». Это был первый отечественный фильм, показавший, насколько неоднозначными

оказывались порой трагичные судьбы и поступки вчерашних военнопленных, которые по заблуждению вступили в так называемую Русскую освободительную армию генерала Власова.

Закрывать собирались и следующую картину Алексея Германа «Двадцать дней без войны» (1976), если бы не вмешательство Константина Симонова, написавшего ее сценарий по своей одноименной повести. Хотя он и не одобрял некоторых режиссерских решений экранизации, но устроил, тем не менее, грандиозный скандал на повторном просмотре картины в Госкино. В результате, фильм-открытие не приметных страниц Великой Отечественной вышел на экраны спустя полтора года.

Константин Симонов в свое время сам обратился к Герману с предложением снять фильм по его сценарию, ему хотелось поработать с молодым, дерзким, неуступчивым режиссером. И Герман подошел к этой работе со всей серьезностью — изучал фронтовые записи автора, архивные материалы, военные мемуары. Благодаря столь глубокому погружению в материал ему удалось художественно точно, почти документально воспроизвести на экране атмосферу тех грозных лет.

Впоследствии он рассказывал:

«Двадцать дней без войны» — против фальшака войны в кино. Мы хотели, чтобы наш рассказ соответствовал тому горю, которое пережил народ и на фронте, и в тылу...

Мы сразу поняли, что нужен правдивый главный герой. Если это будет молодой журналист, то почему ты не воюешь? Поэтому появился Никулин».

Сам прославленный цирковой клоун Юрий Никулин, хоть и бывший фронтовик, поначалу отказывался от драматической роли военного корреспондента «Красной звезды», пережившего по дороге из командировки в Ташкент обратно на фронт краткую, но сильную любовь, то есть как раз те 20 дней без войны. Юрий Владимирович говорил: «Ну, какой я Лопатин! И вообще мне хочется сняться в комедийном фильме». Он с трудом дал Герману себя уговорить приехать в Ленинград на пробы. А Симонов едва уломал худсовет согласиться на кандидатуру ТАКО-ГО исполнителя роли героя картины. В итоге образ Лопатина стал главным событием в актерской судьбе Юрия Никулина. И надо отметить, что он не потерялся в окружении Л. Гурченко, И. Петренко, А. Степановой, Н. Гринько...

Похожая тяжкая участь выпала и на долю пронзительной исторической драмы «Мой друг Иван Лапшин». К работе над еще одной экранизацией повести отца «Лапшин» режиссер приступил в 1977 году, закончил ее в 1982-м, а в прокате фильм появился только в 1984-м. Действие его разворачивается в 30-е годы. Это — черно-белая, с вкраплениями пейзажных цветных

планов, история будней в провинциальном городе начальника угрозыска Ивана Лапшина, участника гражданской войны, подорвавшей его здоровье. Одновременно в основной сюжет вплетаются линии актрисы местного театра Адашевой и приехавшего друга Лапшина, столичного журналиста Ханина.

Живет Лапшин, как и его колоритные подчиненные, в тесной коммуналке, где снимает угол. Ловит бандитов и тайно влюблен в Адашеву, а та тайно влюблена в Ханина. В этом любовном треугольнике то замирает, то вспыхивает воссозданная до мельчайших подробностей жизнь сталинской эпохи, с ее фальшью и героизмом, рутинной и человеческой болью.

Центральный эпизод картины — облава в жутких бараках опергруппы Лапшина на банду некоего Соловьева, совершающую жестокие и бессмысленные убийства. Ханин, упрямый Лапшина взять его на операцию и оставленный им за линией оцепления, не имея оперативного опыта, попытался в одиночку задержать пробирающегося задами Соловьева, и тот ранил его ножом в живот. В отместку Лапшин застрелил окруженного главаря банды, который вышел из сарая с поднятыми руками...

Беспощадная правда событий запечатлена здесь режиссером с абсолютно документальной точностью, так, что от этих кадров берет дрожь. Художественной подлинности картины соответствует проживание ро-

*«Хрусталеv,
машину!»*

лей (по другому и не скажешь!) Андреем Болтневым — Лапшин, Андреем Мироновым — Ханин и Ниной Руслановой — Адашева. Исключительно убедителен Алексей Жарков в образе одного из членов опергруппы, а также Юрий Кузнецов, играющий другого оперативника. Следует, конечно, отметить сценарий Эдуарда Володарского и класс оператора-постановщика Валерия Федосова.

Сразу же после выхода фильма критика разразилась криками, что Герман снял «странный детектив», в котором очернил действительность 30-х годов. Рецензенты настаивали, что условия жизни и быт тех лет не могли быть такими страшными, какими они показаны в картине. А вот гранд отечественного кинематографа Кира Муратова заявила: «этот

фильм сделан так бесподобно, потрясающе, что я его могу смотреть всегда и с любого места». То, что он безусловно является новым словом в мировом киноискусстве, признали потом и у нас, и за рубежом.

Да, запоздало признание, в том числе, международное, пришло к германовскому «Лапшину» лишь годы спустя. Государственная премия РСФСР имени братьев Васильевых, «Бронзовый леопард» кинофестиваля в Локарно, премия критики на кинофестивале в Роттердаме и почетный приз ФИПРЕСИ говорят сами за себя.

Впереди у режиссера был, наверное, один из самых необычных фильмов нашего кино «Хрусталеv, машину!», над которым мастер работал почти все последнее десятилетие 20-го века.

*«Проверка
на дорогах»*

Справа:

*«Мой
друг
Иван
Лапшин»*

Предпоследний фильм Алексея Германа завораживает своей мрачной эстетикой, красноречивыми деталями послевоенного времени, быта — все тех же захламленных коммунальных квартир, тюремных фургонов, уличных пейзажей, нескончаемой железной дороги, словно паутиной рельс опутавшей страну — с севера на юг, с запада на восток. По ней утекают в небытие человеческие жизни, надежды, мечты... «Еду по России, не доеду до конца» — строчка из песни современного рэпера Хаски как символический мост из 1998-го в 1953-й, в котором разворачивается действие черно-белого экранного полотна Германа.

Отличительной чертой картины выступает ее сознательное многого-

лосие, своего рода полифония звуков и шумов. В первых кадрах в крошечной темноте начинают через какое-то время возникать обрывочные реплики, отдельные слова, возгласы, будто услышанные с улицы. А затем постепенно появляются то затылки, то плечи, то спины, складывающиеся в призрачные фигуры людей в коридоре и на кухне коммуналки. Восемь звуковых дорожек обычно задействовал в процессе съемок поздний Герман для создания подобной полифонии.

А «залетевшая» в название фильма, казалось бы, странная фраза: «Хрусталеv, машину!», мельком прозвучавшая также в экранной разноголосице, была, по свидетельству очевидцев, произнесена Берией на

выходе вместе с верховными партийными бонзами из комнаты ближней сталинской дачи, где лежал труп внезапно скончавшегося ночью вождя.

Столь же выразительно изобразительное решение фильма, построенное на графических черно-белых контрастах давящих интерьеров «сталинского ампира» и притихших заснеженных улиц Москвы, по которым ползут одинокие трамваи и неслышно снуют настороженные прохожие в сопровождении чуткой камеры Владимира Ильина.

В роли генерала медицинской службы, обвиненного по «делу врачей», блистает Юрий Цурило. В других ролях, как часто у Германа, снимались непрофессиональные актеры. Режиссер не скрывал, что во

многих персонажах ленты угадываются родственники его родителей.

Буквально в один день герой фильма из привилегированного «небожителя» оказывается брошенным на расправу «зэков», подвергается зверскому насилию, а потом его чудесным образом освобождают и срочно доставляют к постели умирающего больного, в котором можно распознать черты Сталина. Вместо возвращения к семье потрясенный пережитыми метаморфозами врач-генерал предпочел затеряться на просторах Родины, осуществив давнюю мечту русских интеллигентов уйти «в народ».

Наверное, один из главных критериев для определения большого киноискусства — это невозмож-

ность никому повторить ни одного кадра однажды снятого шедевра. Причем, невозможно адекватно повторить даже кадры, вообще не нагруженные действием. Как, скажем, в предфинальной сцене «Ностальгии» Тарковского, где, уже будучи на грани инфаркта, герой Олега Янковского в Италии, загадав желание вернуться в Россию, трижды пытается ПРОСТО пронести, не дав ему погаснуть, горящий огарок свечи от одного края высохшего средневекового бассейна до другого, что символизирует преодоление трудностей и жертвенность на жизненном пути. Или взять долгие статичные планы в сцене проезда трех персонажей «Сталкера» того же Тарковского на дрезине в «чужой» Зоне инопланетного Посещения на пути к комнате исполнения сокровенных желаний...

Вот этим свойством великих художников — невозможностью их скопировать, повторить — был наделен Алексей Герман. Потому что обладал, как и они, уникальностью взгляда. Он, по воспоминаниям сына-режиссера, на площадке был помещан на подлинности, возводил свой поэтический документализм к символу. И удивительно чувствовал малейшую экранную фальшь. Такая накачка буквально каждого кадра говорящими деталями, появившаяся у него в поздние годы жажда максимального заполнения плоскости экрана предметностью, подробностями жизни подчас оборачивалась

некоторой односторонностью «Хрусталева» и, особенно, последней ленты «Трудно быть богом».

Длительные перерывы в работе, бесконечные нападки тех, кто еще недавно величал Германа гением, возраст... Все это тяжким грузом легло на плечи режиссера, чья профессия и без того чисто физически очень трудна в любом возрасте. Алексей Юрьевич, к тому же, не раз говорил, что эта его картина — последняя. И трудился над ней одержимо, хоть и с огромными перерывами, вызванными как состоянием здоровья, так и остановками финансирования (в основном, из частных источников). Да и сам процесс создания фильма шел мучительно, сопровождался постоянными конфликтами, которые не доводили до добра...

Предельно завышенные требования Германа влекли трагические коллизии. Случалось, режиссер требовал от группы невозможного, по неделям репетируя одну и ту же сцену. Шестикратный лауреат премии Российской академии киноискусства «Ника», заслуженный оператор Юрий Клименко вспоминал: «Мы могли неделю или десять дней репетировать, чтобы затем снять один кадр, после чего все вновь повторялось. При этом актеры должны были быть в костюмах и в гриме. На площадке во время репетиций дежурили две группы специалистов компьютерной графики

*«Трудно
быть
богом»*

и спецэффектов. А если в кадре по сценарию шел дождь, на репетицию вызывали поливальную машину...»

Что хотел сказать нам большой мастер своей прощальной картиной? Какой завет оставить? Думается, Герман стремился показать «условия существования человечества в моменты глобальных потрясений, когда ценности деформируются, а человеческая жестокость выходит на первый план». И всеильному герою-прогрессору с Земли приходится делать выбор между добром и злом, которые утратили свои разделительные границы.

Хотел показать. Но, увы, на мой взгляд, сбился, утонул в фактуре, утратил связь с повествовательной историей, так выпукло развернутой

в повести Стругацких. И все же и все же... Недаром ведь один умный человек заметил, что неудача выдающегося художника дороже удачи посредственного. Хотя вправе ли мы рассуждать здесь о «неудаче» Мастера? Мировая (внеконкурсная) премьера фильма состоялась в ноябре 2013 года на любимом Германом Римском кинофестивале, посмертно присудившем ему премию «Золотая Капитолийская волчица» за вклад в киноискусство. В российский прокат картина вышла через год, получила кучу негативных отзывов, не привлекла особого внимания зрителей и... была удостоена семи премий «Ника».

«Большое видится на расстоянии» — сказал поэт. Применительно

к этому фильму западная критика писала: «...визионерский шедевр... фактическое его влияние на историю кинематографа мы сможем по-настоящему оценить лишь спустя лет двадцать-тридцать», «Вся канская подборка целиком оказалась в тени одного единственного фильма, завещания ушедшего в 2013 году советского Алексея Германа».

...Он скончался заснеженным февральским днем в больнице от почечной недостаточности и похоронен на Богословском кладбище Санкт-Петербурга рядом с родителями. Снег был одним из любимых его образов. Снег устилает черные мостовые «Лапшина» и «Хрусталева», покрывает выжженную землю в прощальном германовском фильме, который великий режиссер не успел полностью закончить и который как будто бы боялся, не хотел заканчивать...

Алексей Юрьевич много успел сделать в жизни помимо кино. Был активен и принципиален на посту секретаря Союза кинематографистов. Организовал Студию первого экспериментального фильма («Спи-ЭФ») и руководил ею до конца жизни. Совместно с неразлучной супругой и соавтором Кармалитой вел мастерскую режиссеров игрового кино на Высших курсах режиссеров и сценаристов. Среди выпускников их мастерской — Э. Бартнев, А. Мурадов, М. Салимов и другие видные кинематографисты. В 2010 году Герман был избран

президентом Санкт-Петербургского международного кинофорума.

Он никогда не скрывал своей общественной позиции. В апреле 2000-го подписал письмо в поддержку политики нового президента России Владимира Путина в Чечне. Дорожил орденом «За заслуги перед Отечеством» и Орденом Почета. Он умер, не дожив всего нескольких месяцев до своего 75-летия. Очевидно, это было связано с непрестанными гонениями на прорывные фильмы и их творца. Сам Герман переносил запреты, нападки и обвинения стоически, верил в будущее, но страдал в душе. Утешался, вероятно, горьким выводом Баратынского — «читателя найду в потомстве я» — и призывом близкого друга этого печального поэта Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно \ \ И не оспаривай глупца».

Он не оспаривал. Однако незадолго до кончины признался в записанном для книги «Герман» монологе: «Многие умерли, некому позвонить, и никому ничего... не надо. Жизнь прошла крайне глупо. Унизительно глупо».

Хочется верить, что это было сказано в сердцах, сгоряча; и он так не думал. Увы, режиссер так и не успел узнать, что его прощальный фильм включен авторитетными зарубежными киноведами в списки самых значительных фильмов первой четверти нашего беспокойного века... □

Когда идет дождь, ищите радугу

— Привет, Игорек! Хочу подъехать к тебе, посидим вдвоем! — прозвучал голос в трубке.

— Не знаю, Серега, у меня запарка на работе.

— Игорь, брат, в такой день?! У тебя же день рождения! — удивился Сергей.

— Я и забыл, — вздохнул Игорь и закашлялся.

— Кури меньше. Это у тебя от сигарет кашель.

— Да, надо меньше. Еще и боли в животе стали одолевать...

— Я тебе тысячу раз говорил: сходи к врачу.

— Некогда. С моими балбесами разве будет время? Опять одного из полиции доставили.

— Надо находить. Вот приеду и проведу с тобой разъяснительную работу, — рассмеялся Сергей.

— Ладно, воспитатель ты мой, в воскресенье приезжай, часам к семнадцати.

Игорь положил трубку телефона, и тут снова ноющая боль отозвалась в животе.

— Надо сходить к врачу. Брат прав, — решил он.

Этот онкологический центр, куда, наконец, пришел Игорь, был самым крупным в России.

— Увы, это тот случай, когда вам лучше знать правду. — Лицо врача выглядело таким усталым, словно он каждый день был вынужден говорить пациентам подобные фразы.

Игорь напрягся.

— У вас последняя, четвертая, стадия. Если бы обратились на первой, можно было бы побороться. Одно могу сказать: пока у вас терпимые боли, острые начнутся позже. Это закономерность онкологии.

— Сколько мне осталось? — облизав сухие губы, прошептал Игорь.

— От силы, недели две-три. — Врач предусмотрительно поднес пациенту стакан с водой и добавил: — Будьте мужественны, примите данность и живите одним днем. Мой вам совет: делайте то, что в суете жизни не успели. Реализуйте отложенные мечты и дела. Это будет лучшим лекарством.

Игорь встал и, шатаясь, вышел из кабинета. Сознание не хотело воспринимать то, что он услышал, противилось диагнозу.

Пять автобусных остановок до метро Игорь прошел пешком на ватных ногах. Похоже, вид у него был такой, что некоторые пешеходы, идущие навстречу, потом долго смотрели ему вслед.

— Завтра встретимся, — позвонив, предупредил Сергей.

— Я у врача был. Приедешь — расскажу... — Игорь быстро положил трубку: договорить не дали слезы.

Через пять минут снова раздался звонок.

— Я приеду завтра, буду к пятнадцати часам, — повторил брат.

С утра Игорь, периодически вздыхая, принялся за приготовление любимых блюд: лагман и котлеты со шпинатом. Работа всегда отвлекает от бед, тем более что готовить он любил. В детстве в отличие от сверстников, мечтавших стать пограничниками или космонавтами, он хотел стать поваром, чем вызывал насмешки. Поваром, увы, не стал. Два года армии, затему чилище, там же стал работать мастером. Но готовить по-прежнему любил.

К приходу брата стол был накрыт. Игорь достал из бара французский коньяк, ожидавший особого случая. Сейчас как раз именно тот случай. Сергей появился вовремя. Игорь долго мялся, а затем выпалил все начистоту. Лицо брата застыло в маске, затем потекли слезы. Игорь попытался вспомнить, когда последний раз видел его плачущим. Разве только в детстве, когда его побили соседские мальчишки, а Игорь, как старший брат, пошел разбираться с ними.

Сергей встал, подошел к нему и крепко обнял.

— Завещание не буду писать — ты все получишь. — В голосе Игоря слышалось напряжение.

— Не нужно мне ничего, лишь бы ты жил! — горестно махнул рукой Сергей.

Он позвонил жене, предупредил, что останется ночевать у брата, и добавил: «Так надо. Объясню потом». Потом виновато посмотрел на Игоря:

— Нужно подготовить, она очень впечатлительная.

— Наверное, хорошо, что я не женился на Вальке, сейчас бы жену вдовой оставил, — вздохнул Игорь.

— Да, присох ты к ней, хотя такие девочки на тебя заглядывались. Ну, теперь что уж говорить.

Сидели они до трех часов ночи: вспоминали умерших родителей, детство, общих друзей, и на душе братьев немного посветлело...

В понедельник с утра Игорь зашел к директору училища с заявлением об уходе. Он долго думал, чем объяснить причину, и, в конце концов, решил, что скажет, как есть. И так в жизни нередко врал, а тут перед смертью — грех: к Богу надо идти чистым.

Директор училища, Алексей Кириллович, производил впечатление добродушного человека и своей внешностью чем-то напоминал Пьера Безухова из романа Толстого: невысокий, пухлый, с большой, не пропорциональной телу головой и носом картошкой. Но на этом все сходство и заканчивалось. Энергичный, деловой, он уже пятнадцать лет умудрялся неумоимо рулить училищем: разбирать дрязги между преподавателями, из которых девяносто процентов были женщины, ставил на место учеников. У него на уроках стояла такая тишина, что даже было слышно жужжание мух.

От слов Игоря глаза директора округлились:

— Игорь Васильевич, что стряслось? Не ожидал! И в середине учебного процесса! Из-за зарплаты? Увольте, пока не могу поднять...

Игорь не дал ему договорить и сказал, как есть.

Директор устало опустил на стул, лицо его потемнело.

— Точно? Ошибки быть не может? — тихо спросил он.

— Только не надо меня жалеть, от этого только хуже. И никому не говорите.

Игорь встал и быстро вышел: слезы душили его.

По пути кто-то здоровался с ним, что-то спрашивали, он, не отвечая, наклонив голову, вышел из училища и отключил мобильный телефон. Рано или поздно директор все равно кому-то расскажет, а Игорю так не хотелось видеть слезы жалости и слышать причитания...

Так, на работу идти не надо. Совсем не надо. Как ни странно, Игорь почувствовал некую внутреннюю свободу. Только что с ней делать? Можно было махнуть на лайнере по морям-океанам в кругосветку. Но видеть там довольных жизнью и пышущих здоровьем людей, зная, что скоро тебя не будет, не хотелось. В запой уходить — тоже не было никакого желания. А смысл? Жить осталось совсем немного.

Дома он сел за компьютер. Обращались при онкологии к магам, колдунам, пили отвары, но все истории казались Игорю бесполезными и требовали времени, которого у него не было. «А вот церковь может помочь, надо сходить», — решил Игорь. В церкви он бывал не часто, в основном на свадьбах, похоронах или экскурсиях — сегодня каждая экскурсия в любом городе без посещения туристами местной церкви или храма не обходится.

В церкви было светло и безмятежно: сквозь окна лился теплый свет, теплом играла мозаика с ликами святых. По углам — иконы; мерцали свечи. Будто другой мир. На душе стало спокойно и легко. Может, и есть другой мир?..

Вспомнилась одна семейная история. Прадед Игоря был коммунистом, даже ярым сталинистом, а его жена — верующей. Видимо, любили друг друга, так как не развелись и жили до конца дней вместе. Прадед умирал долго. Во дворе ждал своего часа памятник со звездочкой — их ставили на могилах коммунистов. Когда пришел его смертный час, позвал прадед к себе жену и попросил надеть ему крестик. Прабабушка чуть в обморок не упала. Но желание умирающего — закон. Надела мужу крестик — он облегченно вздохнул и умер.

В какой-то момент Игорь встревожился, что брат не звонит, но потом вспомнил, что отключил телефон. Включив его, он увидел множество неприятных вызовов.

Брат сразу взял трубку.

— Хотел ехать к тебе, а твой телефон был вне зоны действия сети. Подумал, что ты в запой ушел.

— Не вижу смысла. Жить мало осталось, — вздохнул Игорь.

— Ты бы не выключал его, пусть люди при жизни доброе слово скажут.

Звонки пошли чередой. Звонили учителя, мастера, ученики, знакомые. Кто-то жалел, другие настраивали на оптимизм. Игорь благодарил и просил пока не звонить, мол, так надо.

А на следующий день домой нагрянули двадцать учеников его группы. Спасибо им, конечно, но, глядя на молодые лица, излучающие радость, он в еще большей степени осознавал близость своего конца. Провожая гостей, сказал, чтобы пока не приходили: ему надо принять решение. Если честно, Игорь не знал, каким будет это решение и зачем его нужно принимать, но это как-то придавало смысл последним дням жизни.

Он открыл бутылку коньяка, залпом выпил рюмку и вышел на балкон покурить. За окном цвела весна, щебетали птицы, гуляли дети. Мысли путались, в беспорядке сменяя друг друга. Среди них преобладала одна: «Почему одним дарована жизнь, а мне нет? Ничего плохого в жизни не сделал. Были ошибки, но никого не убил. За что мне такое наказание?»

В клинике он видел много больных, бледных, лысых, с потухшими глазами. Это не бандиты и не убийцы, обыкновенные люди, может, и согрешившие, но не настолько, чтобы умереть. Почему смертельная болезнь выбрала их? Справедливо ли это?

Все походило на страшный сон. Хотелось проснуться и, улыбнувшись, сказать, мол, приснится же такое! Увы, это был не сон, а все происходило наяву!

Злость охватила его. Игорь взял любимую вазу из богемского хрусталя и с размаху швырнул на пол. Осколки, издавая последний хрустальный звон, разлетелись по комнате, поранив ему руку. Игорь это даже и не заметил. Он подошел к стенке, взял оттуда еще одну французскую вазу Баккара и тоже ударил о пол.

Игорь любил хрусталь. По блеску и прозрачности он сравним с бриллиантом, а при ударе создает мелодичный звон. В течение жизни он любовно собирал вазочки, рюмочки, стаканчики из хрусталя, в том числе, ручной работы, покупал только дорогие.

Присмотрев в каком-нибудь антикварном магазине очередную находку, сразу не брал, сначала любовно осматривал, затем заходил в магазин несколько дней подряд, любовался и только потом покупал.

Человек — натура увлекающаяся, и Игорь, увлеченный своей затеей, вскоре увидел, что практически вся стенка, тумбочки и шифоньер были забиты хрусталем, и эту красоту больше некуда ставить. Пользовался он посудой редко — только, когда приходили гости. Но много ли на стол поставишь? Когда он это понял, стал коллекционировать кактусы. И вскоре все подоконники были ими заставлены. Каких только растений не было: красно-пурпурный аризонский радужный кактус; шоколадный с причудливо свернутыми листьями; рубиновый, с серо-зелеными плодами; серебряный факел.

Игорь, очнувшись и, почувствовав боль, смазал йодом рану и стал убирать осколки. Вспомнился совет доктора реализовать отложенные мечты и дела.

«А я вместо этого бью посуду», — удрученно подумал Игорь. И тут пришло решение. Он вспомнил, как, отдыхая в санатории, был на экскурсии в музее хрусталя в городе со смешным названием Дятьково Брянской области. Экскурсанты изумлялись, их глаза сияли, излучали радость.

— Не отдать ли свое хрустальное богатство в музей? — пришла в голову новая мысль.

Он разложил хрустальную посуду на полу и выбрал лучшие экземпляры. Когда-то читал, что предметы из хрусталя поглощают отрицательную энергию. В народе говорят, что хрусталь — испытанное средство от ночных кошмаров и депрессии. Мама не раз спасалась от бессонницы, выпивая молоко из подаренного Игорем хрустального бокала, и была уверена, что помогает. Игорь улыбнулся, вспоминая мать.

На следующий день он упаковал хрусталь в картонные коробки, вызвал такси. Путь неблизкий — восемь часов. И вот он уже в машине.

«В Ботаническом саду есть павильон кактусов. Туда отдам и эту красоту», — решил Игорь.

Спокойствие и душевное просветление охватили его. Вот она, радуга во время дождя! □

Сергей Волчков

Сергей Волчков — заслуженный артист России, победитель проекта «Голос-2». Он открыт и дружелюбен, расположен к душевной и умной беседе. В этом интервью «Смене» певец рассказывает о подрастающих дочерях и жене, об ушедших «легендах» и музыкальной ситуации в стране сегодня...

Я считаю, что песни и музыка должны жить вечно...

— Сергей, хотела начать наш разговор с шоу «Точь-в-точь». Ваш Муслим Магомаев — это было нечто потрясающее! Зыкина, Луспекаев, Петр Лещен-

ко — такая разная вокальная и актерская палитра! А в кого было сложнее всего перевоплощаться? Какой номер стал самым трудным?

— Было тяжело перевоплощаться в Расторгуева, Петра Лещенко. У них такие индивидуальные качества, и очень сложно уловить тембральные нюансы. Конечно, было непросто и в Зыкину перевоплощаться. Ну а последнее — это финал, когда я «делал» Басту, потому что это для меня совершенно другая органика, это рэп, что было для меня тяжело и непривычно. А самый непростой, но очень запоминающийся был Михаил Круг. Мне этот образ запомнился и тем, что не нужно было особого грима: я надел очки, зачесал волосы, прицепил усы и уже был Михаилом Кругом. Понравилось сыграть Павла Луспекаева — его роль Верещагина с песней «Ваше благородие». Вот это было особенно интересно, потому что надо было именно сыграть. То, что я окончил ГИТИС, мне очень помогло, пригодились какие-то полученные навыки, потому что есть номера, которые нужно сделать вокально, а есть — театрально. Наверное, четыре года на дирижерско-хоровом и пять лет ГИТИСа сделали свое дело.

— А как все начиналось? Расскажите, пожалуйста, о ваших педагогах. Роль учителя трудно переоценить в жизни каждого человека...

— У меня были потрясающие педагоги. В Беларуси по дирижерскому была Жаннета Геннадьевна Елфимова, это мама Петра Елфимова, он сейчас поет в группе «Кураж».

А в ГИТИСе я попал сначала в класс Тамары Ильиничны Синявской. Но ей в то время было тяжело заниматься с репертуаром баритонов, потому что тогда не прошло и года после

ухода Муслима Магомаева, и она передала меня Петру Сергеевичу Глубокому, народному артисту России, потрясающему басу, который пел в Большом театре. Он педагог консерватории и других музыкальных вузов. Еще у меня была педагог Ольга Федоровна Миронова. А если говорить о начальном этапе — детстве, я всегда вспоминаю своих детских педагогов, которые еще в детском саду меня заметили и давали возможность петь ведущие роли в постановках.

— Вы общаетесь со своими педагогами?

Да, общаемся до сих пор с Глубоким Петром Сергеевичем, Ольгой Федоровной Мироновой. С Тамарой Ильиничной Синявской пересекаемся, например, на передачах, посвященных Муслиму Магомаеву. Петр Сергеевич на каждый мой концерт в Кремлевском дворце приходит. Я ему всегда рад, потому что он дал мне очень много. Но если уж брать не только педагогов, но и наставников, то, конечно, я безумно благодарен и Градскому, и Кобзону. Градскому за проект «Голос», а Кобзону именно за то, что он дал много наставлений и очень много дружеских советов.

— Какими вам запомнились ушедшие легенды?

— Мне много кто запомнился, и, конечно же, Николай Николаевич Добронравов, который недавно ушел из жизни. Александр Борисович Градский дал мне на проекте исполнить

песню «Мелодия» с незрячей девочкой, Патрицией Кургановой. Александра Николаевна Пахмутова как раз смотрела проект по телевизору, она тут же позвонила Градскому и сказала: «Саша, спасибо тебе огромное, что ты возродил эту песню, она прозвучала до слез». После этого мы лично познакомились с Александрой Николаевной. А с Иосифом Давыдовичем я познакомился уже в 2014 году, когда принимал участие в фестивале «Хрустальные звездочки», и на концерте Аркадия Островского. Мы сразу нашли общий язык. Было и много шуток, и много наставлений. Вообще много интересных историй из моей жизни связано с Иосифом Давыдовичем. Это человек, который действительно мог одним словом дать понять, что нужно добавить, например, в репертуаре. После одного моего концерта он сказал: «Сереза, надо добавить что-то новое. Давай песню какую-нибудь о России». А у меня как раз появились в моем репертуаре две такие песни, написанные именно для меня. В то время Иосиф Давыдович, к сожалению, ушел из жизни и не услышал эти песни в моем исполнении, но я думаю, что он наблюдает свысока.... Мне всегда приятно вспоминать мой первый сольный концерт в Кремлевском дворце, когда он вышел и сказал: «Да, был Магомаев, был Гуляев, пока есть Кобзон, но в каждую эпоху должен рождаться свой Сергей Волчков». Для меня это были не просто слова, а большая ответственность.

И Нелли Михайловна, его жена, много раз говорила, что Иосиф Давыдович видел во мне своего преемника, хотя никто мне эстафетной палочки не передавал, и это правильно. Ты должен добиться всего сам. Как и говорила мне Синявская на первом уроке: «Сережа, второго Муслима Магомаева нет и не будет. Ты должен стать первым Сергеем Волчковым». И вот эти слова очень важны для меня. Градский тоже меня много наставлял и в жизни, давал нужные советы, а иногда говорил: «Слушай свою жену, она мудрее тебя». Сейчас мне этих людей очень не хватает. Когда заходишь в Кремлевский дворец, проходишь гримерки и ви-

дишь фамилию Иосифа Давыдовича Кобзона, то понимаешь, что «опустела без тебя земля». Как в песне, которую написала Пахмутова, хотя она писала это про Юрия Гагарина. Но мне кажется, что для каждого ушедшего из жизни человека можно вспомнить эти строки...

Многое поменялось за это время, но я безумно благодарен этим людям и всегда на своих концертах вспоминаю и говорю о них...

— У вас потрясающий репертуар!..

— Многие меня спрашивают, зачем ты поешь такие песни? Пой лучше современные. Я всегда отвечаю,

что в моем репертуаре, процентов 70 авторских песен, которые написаны для меня, но я хочу, чтобы и те песни жили. Потому что первые исполнители этих великих песен уходят, а я считаю, что песни и музыка должны жить вечно, и стараюсь не сделать это лучше, а сделать по-своему, но с благодарностью к этим исполнителям, показать свое прочтение и свою ностальгию по ушедшим...

— А как вы считаете, Сергей, что нужно сделать, чтобы популяризировать классику, академический вокал и в целом культуру пения в массах?

— Это должно быть масштабное изменение в телевидении, радио. В долгие вечера, которые мы проводили за чаепитием с Александрой Николаевной, она мне говорила: «Сергея, как же обидно!» Она ведь написала для меня четыре песни, но ни одну из них ни разу не прокрутили на радио. А ведь раньше песни Александры Николаевны звучали из каждого угла, из каждой радиостанции и на каждой «Песне года». Многие мне пишут и спрашивают: почему, когда я победил в проекте «Голос», меня мало показывали в телевизоре? Потому что я все время посвящал своим гастролям, и для меня это было очень важно.

— Тем не менее, благодаря проекту «Голос» вы обрели популярность.

— Без телевидения, безусловно, я бы не был Сергеем Волчковым. Огромное спасибо главным продюсерам Первого канала, которые смогли преподнести публике проект «Голос» и открыть многих артистов. Мы как-то общались с Патриархом, и он сказал мне: «Сережа, я очень редко смотрю телевизор, но когда включил и увидел, что светлые силы бьются с темными, то позвонил своим друзьям батюшкам и попросил проголосовать, потому что сам не умею, со словами: «Надо голосовать за нашего». До сих пор у нас с Па-

триархом остались теплые отношения. Я стараюсь не свернуть со своего пути, которым иду, потому что считаю, что надо быть честным, справедливым. Когда молодые ребята меня спрашивают про путь к успеху, я всегда говорю: — делайте это искренне, по-настоящему, будьте самими собой на сцене.

— Этот год — юбилейный для Победы в Великой Отечественной войне. Расскажите, пожалуйста, об истории участия в ВОВ вашей семьи — дедушках или прадедушках...

— Прадедущка пропал без вести в самом начале войны. Кто-то гово-

рит, что он погиб при обороне Брестской крепости. Мы постараемся поднять архивы. У меня очень много двоюродных дедушек: кто-то погиб, кто-то вернулся с наградами. Я ведь родился Белоруссии, и бабушка рассказывала, как они прятались в погребе, как это было страшно, и я понимаю даже сейчас, насколько это было ужасно. После проекта «Голос» я не стал записывать популярные песни, романсы, а записал к празднику Победы диск с песнями военных лет...

— Знаю, что вы православный, воцерковленный человек... И правда, что вы со своей женой Натальей познакомились в храме? Помните эту встречу?

— Конечно, помню. Это было так. Я был певчим в храме, а Наталья

прихожанкой. Это храм Петра и Павла на Солдатской в Лефортово. Когда увидел ее, словно чудо возникло: захотелось семьи... Я помню, перед причастием раздался чей-то детский смех, и она стала искать глазами, откуда. В ее глазах был огонь, и я понял, что это тот человек, который действительно любит детей, и с которым я хочу провести всю жизнь рядом. Меня иногда ребята спрашивают: «Где найти такую?» А я отвечаю, что не там ищут...

— Хотят ли дочери пойти по вашим стопам — учите ли вы их пению?

— Жена уже начинает обижаться на меня, что я не уделяю внимания вокальным данным моей младшей, Пелагее. Она усидчивая, хорошо по-

ет, очень артистичная. Профессионально мы еще не занимаемся. Зато занимаемся легкой атлетикой, акробатикой, танцами. Мы пока еще в поиске. Наверное, мы придем к тому, что младшая дочь запоет, особенно будет приятно, если ее первое выступление будет на каком-то моем сольном концерте...

— Вы все также любите рыбалку? Каков ваш самый крупный улов?

— Обожаю! Самая крупная рыба — это 19 с половиной килограмм, сом. Это было как раз перед «Голосом». Я его выловил 2-го июля, а на шоу поехал на прослушивание 4-го. Я помню те ощущения, когда пой-

мал большого сома и подумал: «Может, не ехать на это прослушивание?» Но, в итоге, сказал троюродному брату, с которым поехал на рыбалку: «Слушай, Дим, я сейчас съезжу в Останкино. Понятно, что это все быстро пройдет, и я вернусь. Никуда я там не пройду...» Но мне это только казалось. Я съездил, прошел на слепые прослушивания и начал готовиться к проекту...

— А правда ли, что у вас существует семейная традиция уезжать на лето в Белоруссию?

— Я думаю, что это не традиция. Все мы хотим видеться со своими родителями. Просто я безумно люблю Белоруссию. И самое интерес-

ное, что влюбил в нее и своих детей, и жену. А в этом году я не особо хотел ехать, потому что приобрел небольшой катер. Мы живем на водоеме, и мне хотелось все лето провести на воде помимо работы и фестивалей.

А Белоруссия... Это даже не традиция. Я люблю свой край, там, где родители, там, где у меня бабушка еще жива, то есть там, где всегда очень тепло...

— Сергей, а что для вас главное в музыке?

— Вы знаете, музыка ведь совершенно разная, хотя, как говорят, всего лишь семь нот. И у каждого есть какая-то своя философия, свое понимание. Кому-то нравится Штраус, кому-то Лист, кому-то нравится совершенно другая музыка. И нельзя говорить: «Ну вот, это вы неправильную музыку слушаете!» У меня в каждом жанре музыки есть какие-то любимые песни. Вот только в рэпе мало, потому что все-таки я люблю, когда есть и музыка, и слово. Для меня это главное. Многие могут назвать меня «староформатным, и это так и есть, я тоже могу отнести себя к «староформатным». Мне нравятся наши шестидесятники, которые создавали музыку и слово. Сочиняли стихи. Не писалась вот эта абракадабра, а писались настоящие стихи. Самое интересное, что сейчас современные авторы напишут песню и высылают пятистам артистам, которые, дай бог, их купят.

Раньше были Евгений Дмитриевич Дога, которого я знал, Александра Николаевна Пахмутова, Александр Сергеевич Морозов, Илья Резник, я знал лично Андрея Дементьева, и скажу, что они, когда писали, уже представляли, кто бы мог исполнить эту песню. Понимаете, насколько поменялось отношение? То есть Пахмутова не просто написала песню «Надежда»: ай, пускай забирает Магомаев, ай, пускай забирает Кобзон, ай, пускай забирает Лещенко. Нет! «Он сказал — поехали!» — так это споеет Гуляев. «Мы разлучаемся...» — это споеет Лещенко. «Ты — моя мелодия...» — это споеет Магомаев, — так говорила Александра Николаевна. — Так с Магомаевым мы договаривались, и я обещала ему написать песню о любви и я ее написала». Она написала для его голоса, она писала эту музыку и слышала в этой музыке, которую написала, уже голос Магомаева... Но самое удивительное, когда я приехал на студию Мосфильма, и мы выбирали хор для песни про Курскую дугу, я сказал: «Хор Сретенского монастыря». Она говорит: «Нет, здесь нужен кубанский казачий хор». Я говорю: «Мои друзья, Сретенский хор, споют». — «Нет-нет, они слишком академичны». Но она все же решила прослушать их. Они первый дубль спели, и она мне сказала: «Ну, я же тебе говорила». Тогда я обратился к ним: «Ребята, дайте нам тихой народности». И они как дали! «Сережа, стопроцентное попадание! — восклик-

нула она и добавила: «А кто же спет сольно?» «Как, кто? Конечно же, я!» — «Нет-нет, вот здесь нужен Гуляев!» — «Сейчас я вам дам Гуляева!» — улыбнулся я и широким голосом запел. Я знал, как это спеть. После двух дублей она сказала: «Стоп! Это гениально, записано!» Сегодня люди особо не заморачиваются, они пишут просто то, что взбрело в голову. Они написали, и им все равно, исполнят эту песню тенор, баритон, бас, если будет пе-

вица, поменяем где-нибудь текст. То есть нет никакой философии. Если брать советскую эстраду, то развлекательный жанр был все равно интеллектуальный. А сейчас... Сейчас блогеры у нас стали намного популярнее, чем профессиональные певцы. И в принципе это работает. Увы, наш век такой...

— Как вы считаете, как-то можно повлиять на эту ситуацию?

— Я часто стараюсь анализировать, почему Муслим Магомаев ушел со сцены рано? Потому что он посчитал себя не нужным — в то время пошли другие развлекательные песни и развлекательные жанры. Если вы посмотрите его интервью, то он об этом открыто говорил. Это было

очень интересное время, но, увы, никому не стала интересна музыка Бабаджаняна... Ну да и сейчас время такое, разноплановое. Людям нравится и это, и это, и то. Я наблюдаю, анализирую и очень радуюсь, когда вижу на своих концертах много молодежи. Я хочу, чтобы наша музыка, наш культурный код продолжался. Я пел в Италии «Подмосковные вечера», и видел, как мне подпевали! Пел «Смуглянку» и видел, как мне улыбаются зрители и подпевают, даже не понимая, о чем я пою. Главное, они знают эту музыку! Я очень рад, что это остается у них, и очень хочу, чтобы осталось у нас. Чтобы мы знали, что «Катюшу» нашу пела и будет петь вся вселенная...

— Чего не хватает Сергею Волчкову?

— Человек так устроен, что ему всегда чего-то не хватает. Мне много чего не хватает, много чего не нравится. Я же Овен, что можно перевести на русский как баран (смеется). Я все сам, все сам. Мне не хватает иногда единомышленников. В нашей стране безумное количество талантливых людей. И в прошлом году я это доказал и еще показал на Тавриде, которая проходит в Крыму. Принес свою идею, чтобы создать трибьют песен Александры Пахмутовой, и это сделали в современной аранжировке. Я исполнял в классическом варианте «Как молоды мы были», и еще пятнадцать ис-

полнителей пели в разных аранжировках песни Пахмутовой. Двадцать пять тысяч людей ликовало, слушая эту музыку. Я хочу, чтобы в нашей стране Пахмутову, Морозова, Дугу вспоминали не раз в год, когда у них дни рождения, а постоянно, чтобы их знала молодежь. У нас очень много развлекательного, но мало романтики...

— Сергей, и в завершение — в августе 2023 года вам было присвоено звание заслуженного артиста РФ. Какие эмоции при этом испытали?

— Счастье, благодарность, ощущение, что пришло время. И главное для меня — нести это звание с достоинством. Я всегда принимал участие во всех саммитах, в больших концертах, посвященных нашей стране. Ездил очень много на благотворительные концерты, побывал в Сирии, на Донбассе, на многих мероприятиях, посвященных Дню Победы. Еще в ШОС, БРИКС, был на встрече с Ким Чен Ирром, которая происходила во Владивостоке, и на встречах, которые проходят после парада, когда чествуют наших ветеранов. И не только это. Были тысячи концертов, в которых я принимал участие.

Вопрос не стоял в деньгах, вопрос стоял в моей позиции. Когда я первый раз побывал в Сирии, то прилетел оттуда и сразу позвонил отцу: «Папа, вот видишь, ты постоянно сожалел о нас с братом, гово-

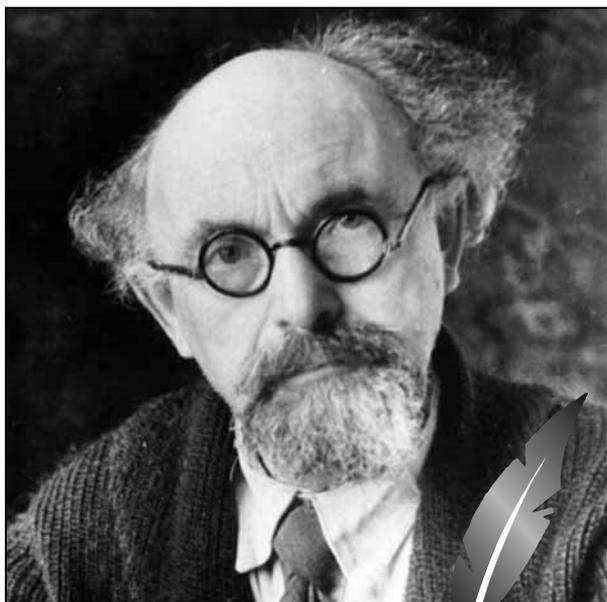
рил, что мы в армии не служили. Ну да, я был вечным студентом, потом у меня родились дети. Но долг перед Отечеством хоть немножко, но я выполнил. Я всегда говорю:

«Если Родина позовет, я буду там, где требуется». □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото из личного архива

Михаил Пришвин

18 ТОМОВ ЖИЗНИ

С 1905 по 1954 год — почти полвека — писатель Михаил Михайлович Пришвин вел дневник. К концу его жизни накопилось 120 тетрадей, про которые он говорил: «За каждую строчку моего дневника — десять лет расстрела». Что же такого было в этих тетрадях, а главное — в жизни этого человека, которого многие из нас знают исключительно как детского писателя?

Родился Михаил Пришвин 23 января (4 февраля) 1873 года в зажиточной семье, в имении Хрущево-Левшино Елецкого уезда Орловской губернии. Дом, где жили родители будущего писателя, достался им от деда, Дмитрия Ивановича Пришвина, крупного елецкого купца. Мать, Мария Ивановна, в девичестве Игнатова, занималась домашним хозяйством и воспитанием пятерых детей — трех братьев и сестры Михаила. Отец, Михаил Дмитриевич, держал конезавод, на котором разводил призовых рыса-

ков. Он был увлекающейся натурой, обожал игру в карты, и именно она довела его до беды. Он проигрался, и для выплаты долга ему пришлось продать завод, заложить и перезаложить родовое имение. От перенесенных бед его разбил паралич, и вскоре он умер. Мария Ивановна, несмотря на то, что осталась практически без средств к существованию, смогла справиться с несчастьем и дать всем детям образование.

В 1883 году Миша поступил в первый класс Елецкой классической гимназии. Учеба давалась ему

нелегко: дважды он оставался на второй год, поведение его тоже оставляло желать лучшего. В 1886 году тринадцатилетний Пришвин на утренней молитве подрался с товарищем. Наказание было суровым: никакого обеда и до вечера сидеть в карцере. На счастье, у Михаила в ранце обнаружился томик Майн Рида «Всадник без головы». Чтобы время в карцере текло быстрее, мальчики начали вслух по очереди читать книгу. Они дошли только до середины, когда наказание закончилось. Было принято мудрое решение: подраться еще раз, чтобы снова попасть в карцер и закончить чтение. Майн Рид вдохновил бывших врагов, а теперь друзей непременно бежать в Америку. Под эту задумку нашли еще двоих добровольцев, а Пришвин, в котором уже тогда просыпался литературный талант, дал путешествию название: «В край непуганых птиц». В качестве подготовки один мальчик стащил у отца ружье, другой достал лодку. Плыли по реке, ловили рыбу, готовили на костре, рисовали карту и составляли дальнейший маршрут. Правда, продолжалось путешествие только один день. Еще до второй ночевки их догнал пристав Крупкин. Он не стал ругать мальчиков, разложил перед ними еду и стал уговаривать вернуться. Позже в объяснительной записке один из гимназистов написал: «А Пришвин стоял за деревом с ружьем и не соглашался». Спустя го-

ды в дневнике писатель вспоминал свои чувства в тот момент: «Какое было отчаяние, что Америки нет!»

Мальчикам грозило отчисление, но за них вступился преподаватель Елецкой гимназии, русский философ Василий Розанов, сказав на педсовете, что «побег свидетельствует о высокой жизни в душе мальчиков». Однако именно он стал через год причиной отчисления Михаила Пришвина из гимназии с «волчьим билетом» — невозможностью продолжать образование. Михаил, которому по-прежнему в школе было скучно, получил у Розанова единицу за невыученный урок. В ответ он нагрубил учителю, обозвав его гимназическим прозвищем — «Козел», и заявил, что убьет его, если тот поставит кол в табель. Разумеется, такую выходку оставить без наказания было нельзя.

Мать приняла решение отправить сына к своему брату, Ивану Игнатову, в Тюмень. Дядя был богатым человеком, владельцем Жабынского судостроительного завода. Благодаря его связям Пришвина устроили в Тюменское Александровское реальное училище, где тот, неожиданно для всех, показал себя с лучшей стороны.

У Игнатова не было своих детей, и он хотел сделать племянника своим преемником в судостроительном деле, но Михаил принял другое решение. Сдав экстерном все гимназические экзамены, он поступил в Рижский политехнический инсти-

тут на химико-агрономическое отделение.

Там он, правда, увлекся марксизмом, начал посещать подпольные кружки и в приливе энтузиазма перевел книгу немецкого социал-демократа Фердинанда Августа Бебеля «Женщина и социализм». За это на целый год он попал в тюрьму. Отсидев срок, Пришвин вернулся в родное Хрущево под надзор полиции — ему на несколько лет запретили жить в крупных городах России.

Мать все же не теряла надежды дать сыну достойное образование. По ее настоянию Пришвин отправился в Германию и в 1902 году, наконец, получил диплом Лейпцигского университета по специальности инженер-землеустроитель.

По дороге домой он заехал посмотреть Париж, где его ждало одно из главных событий в жизни — знакомство со студенткой Сорбонны Варварой Измалковой. Исполненный романтизма, через несколько дней знакомства Михаил сделал Варваре предложение. Однако на ее практические вопросы, например, «Где мы будем жить?» — ответил что-то вроде «Возьмемся за руки и пойдем». Измалкова была девушкой практичной и написала письмо своей родне о том, что собирается замуж. Увидевший письмо Пришвин как-то замялся и тем окончательно отвернул от себя девушку. Не простив его колебания, Варвара разорвала письмо и выбросила его в Сену.

«Тогда я снова взлетел. Наверное, тогда для моего полета нужна была недоступная, и из обыкновенной девушки я сделал себе недоступную», — запишет позже писатель.

Они расстались, но, вернувшись на родину, Михаил продолжал писать девушке письма, пока, наконец, она не прислала ему письмо, в котором просила более не беспокоить ее.

Именно тогда, в 1905 году, Пришвин начал вести дневник — выплеснутые на бумагу эмоции делали жизнь легче и спокойнее.

На родине будущий писатель стал работать земским агрономом. Какое-то время даже работал в Петровской сельскохозяйственной академии под руководством профессора Прянишникова, публиковал статьи, стараясь внести передовые и прогрессивные мысли в сельское хозяйство. Здесь ему тоже помог навык дневниковых записей. Так писательство постепенно входило в его жизнь.

Пережив несчастливую любовь, Пришвин считал, что личная жизнь должна быть у каждого человека, поэтому снова решил жениться. Его выбор оказался неожиданным. Простая крестьянка из деревни Ефросинья Павловна была сильной, волевой женщиной: незадолго до знакомства с писателем она выпросила свой паспорт у урядника и с годовалым сыном Яшей сбежала от

пьяницы-мужа. К Пришвину она сначала поступила в качестве прислуги, а затем стала его женой. Он выучил женщину читать и писать, но интересы их все равно были очень далеки друг от друга. В этом браке родилось трое сыновей, старший из которых умер в младенчестве, а двое других выросли и в какой-то степени пошли по стопам отца: Лев стал известен как литератор и фотограф, а Петр работал в зверохозяйстве.

стал искать удовлетворения в работе. Он понимал, что быть агрономом — не его призвание, и переехал в Петербург, который назовет в дальнейшем «писательской родиной», начиная в нем «свой путь бродяги-писателя». Почти бесплатно он работал корреспондентом в газетах, а в 1906 году отправился на Север собирать народные сказки. Фольклор и путевые заметки вошли в его первую книгу «В краю непуганых птиц» — дань памяти

Не имея возможности быть счастливым дома, Михаил Михайлович стал искать удовлетворение в работе. Понимая, что быть агрономом — не его призвание, он переехал в Петербург, который позже назовет своей «писательской родиной». Там он работал корреспондентом в газетах, а вскоре отправился на Север собирать народные сказки. Фольклор и путевые заметки вошли в его первую книгу «В краю непуганых птиц»

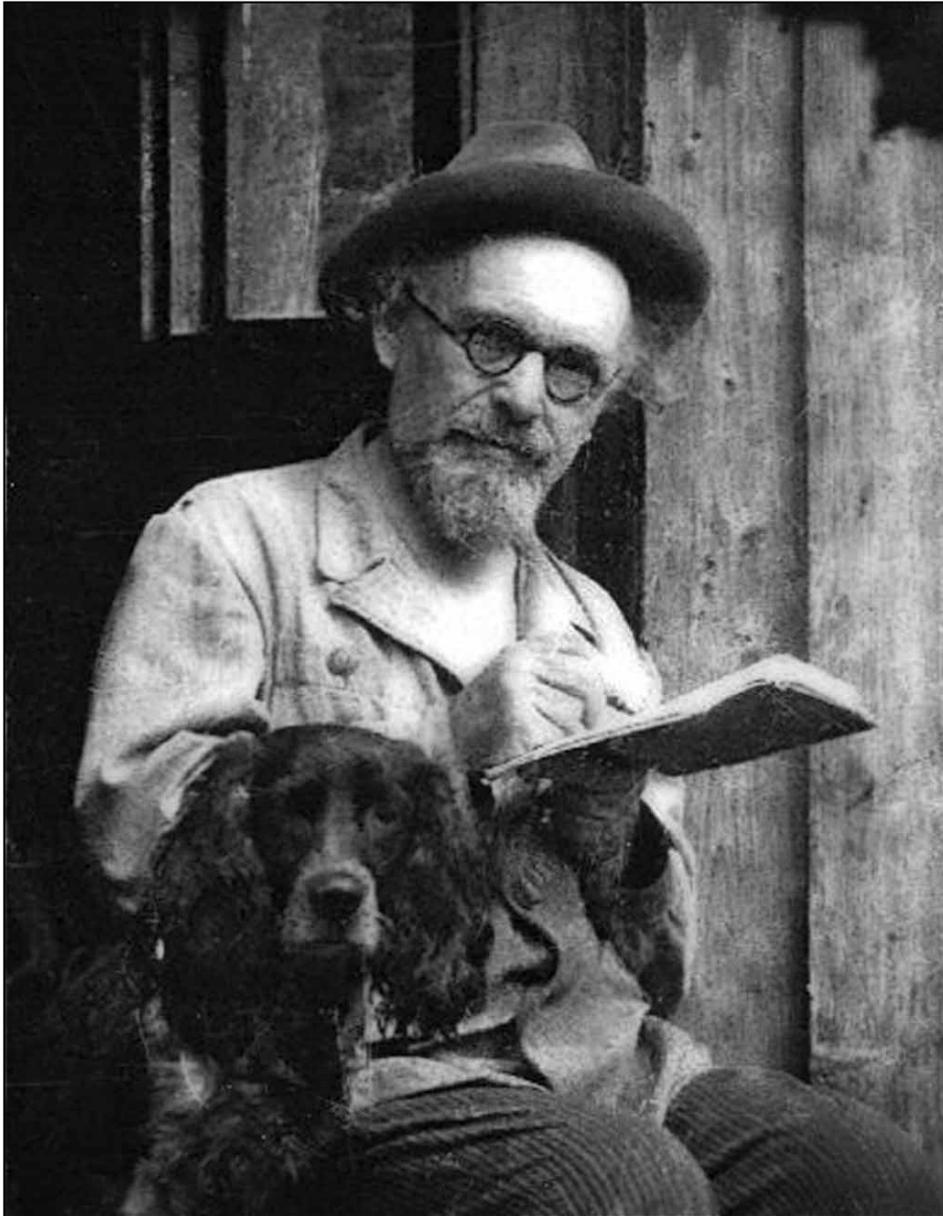
Единственным другом писателя в этом не самом счастливом браке на долгие годы стал дневник. Пришвин записал слова жены: «Не дам чистую рубашку — не пойдешь к образованным». Конечно, они проводили вместе время, даже ездили на охоту, но жена все равно была очень далека от своего мужа. Только в 1936 году он решился на расставание. «С ними я всю жизнь промолчал», — будет вспоминать он в старости.

Не имея возможности быть счастливым дома, Михаил Михайлович

неудавшемуся путешествию в Америку.

Попутно он увлекся фотографией, изучил технику фотосъемки, считая, что собственными иллюстрациями сможет украсить и дополнить свой литературный замысел. Эту книгу очень тепло и душевно встретили критики, и уже в 1913 году вышел трехтомник сочинений Михаила Пришвина.

Во время Первой мировой войны писатель в качестве корреспондента отправился на фронт и писал

репортажи с передовой. Революция вызвала в его душе только отторжение, статьи Ленина он называл «образцами логического безумия» и осудил большевиков, открыто называя их переворот антинародной авантюрой. Его статья о Ленине, вышедшая в конце 1917 года, называлась «Убивец». За это он получил месяц тюрьмы. Выйдя на свободу, Пришвин вернулся в родительскую усадьбу, но имение скоро

национализировали, и он стал работать школьным учителем и библиотекарем.

Многие в те годы выбрали эмиграцию, но Пришвин сразу отметал для себя эту мысль. В дневниках он писал: «Я» — можно сказать только на родном языке!»

Наряду с работой учителем в 1920-е годы писатель много путешествовал по Смоленской области. К этому периоду относятся расска-

зы и сказки о природе и животных: «Лисичкин хлеб», «Еж», «Берестяная трубочка», «Двойной след», «Золотой луг», «Жизнь на ремешке» и многие другие.

Не забывая о фотографии, он делал не только художественные снимки, но и документальные. Так, в конце 1929 года появилась его серия фотографий в Троице-Сергиевой лавре во время уничтожения колоколов. Он написал в дневнике: «В Лавре снимают колокола, и тот в 4000 пудов, единственный в мире, тоже пойдет в переливку. Чистое злодейство, и заступиться нельзя никому, и как-то неприлично: слишком много жизней губят ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокол...»

В 1940 году Пришвин уже несколько лет жил отдельно от семьи в Лаврушинском переулке, оставив жене дом в Загорске. Ему хотелось разобраться с дневниками, издать их. Но кому в такое непростое время можно доверить самое драгоценное? В какой-то момент писатель начал искать секретаря, и в его доме появилась сорокалетняя Валерия Лебедева.

Она была младше Пришвина на 27 лет. Когда она пришла к Пришвину, их беседа затянулась до позднего вечера. Два человека, жизнь каждого из которых была очень непростой, нашли друг друга.

Пришвин боялся поверить в то, что к нему, наконец, пришло то чувство, которое он уже и не на-

деялся встретить, и написал в своем дневнике: «После нее остался у меня голубь в груди, с ним я и уснул. Ночью проснулся: голубь трепещет. Утром встал — все голубь...»

Михаил Михайлович развелся с женой. Были и упреки, и скандалы с детьми, но он знал, для чего это делает. Он женился на Валерии и прожил с ней еще 14 лет — до своих последних минут. И не забывал в дневнике каждый день благодарить судьбу за этот подарок.

За годы, проведенные во втором браке, Пришвин написал очень многое: «Кладовая солнца», «Повесть нашего времени», «Рассказы о ленинградских детях».

Скончался он 16 января 1954 года. Валерия Дмитриевна стала хранительницей его дома-музея в подмосковном Дунине, который, в отличие от многих других домов-музеев, возник спонтанно после того, как почитатели писателя начали паломничество к его жилищу. Для дневников она заказала жестяные ящики и всегда держала рядом паяльную лампу, чтобы в случае чего быстро сложить тетради, запаять их и закопать в надежном месте.

Уже через много лет дневники писателя были изданы в полном объеме. Не сразу, но вышли все 18 томов. По оценкам издателей, объем дневников втрое превышает объем произведений Пришвина в других жанрах творчества. □

Не тревожь мне душу, скрипка!

Мне всегда горячо хотелось, чтобы сынуля стал известным музыкантом, виртуозом-скрипачом. В самых смелых фантазиях я неизменно видел его стоящим на сцене в ярком свете софитов, облаченным во фрак, с бабочкой. Вот перед ним, затаив дыхание и в ожидании волшебства, застыл зал, полный респектабельных ценителей высокого искусства. Вот чадо, откинув назад длинную челку и сомкнув веки, уверенно берет первый аккорд, за ним следует второй, третий... Смычок так и порхает в его ловких и чутких руках, даря миру сладкие, волшебные звуки. На этой мажорной ноте я, как правило, просыпался.

Наконец, пораскинув, что к чему, я от купания в мечтах перешел к их исполнению. Первым делом с рук приобрел красавицу-скрипку. Продавец не без гордости признался, что на ней играл чуть ли не сам Никколо Паганини. Судя по назначенной им цене, этому вполне можно было верить. В тот же вечер, нарядив своего отпрыска в выходной костюм, я дал ему в руки инструмент и попросил откинуть челку. Таким нехитрым образом сбылась примерно половина моей фантазии. Остались, правда, не претворенными в жизнь рукоплещущий зал и софиты. На первый взгляд вроде бы ерунда, мелочь, но для реализации этой мелочи необходимо было, по меньшей мере, научиться играть.

Тогда я начал тормошить по очереди всех своих знакомых, пока мне не порекомендовали очень компетентного педагога по классу скрипки — лауреата всевозможных конкурсов и дипломанта различных международных фестивалей. Это был круглолицый человечек более чем средних лет, с куцым хвостиком волос на голове, и походил он на перебродившего Чиполлино. Весь рабочий кабинет маэстро был увешан дипломами, всевозможными грамотами и уставлен статуэтками. На внутренней стороне двери висела афиша с его фамилией, а над столом в обрамлении красного дерева — фотография, на которой хозяин кабинета был запечатлен рядом с Ростроповичем.

После пробного урока лауреат вышел в гостиную, яростно растирая себе ладонями виски и стирая пот с красного лба.

— Что тут еще скажешь? Юноша — подлинный талант, — заявил он.

— Неужели?

— Уж поверьте моему многолетнему опыту. Настоящий Давид Ойстрах в отрочестве. Такая же уверенная рука, врожденное чувство ритма. Но! Надо работать, развивать. Расценки знаете?

Я кивнул и на радостях протянул ему пухлый конверт. Он пересчитал содержимое и, по-видимому, остался доволен.

— Будет толк. Бог даст, папаша, мы с юношей еще на международном фестивале или на конкурсе сыграем. Дуэтом!

— Только вы уж постарайтесь.

— Не извольте сомневаться.

Два раза в неделю, сразу же после обеда, я снаряжал сына к преподавателю. Возвращался он уже практически перед ужином, едва живой, и, не дожидаясь, пока накроют на стол, как был в сандалиях, падал на кровать.

Наконец наступил торжественный момент, когда на мой суд было представлено первое разученное произведение — «Дуэт Балды и Поповны» Шостаковича.

— Ну давай-ка, сынку, покажи, чему ты тут научился, порадууй папеньку.

Я уселся поудобнее в кресле, а мой талантливый мальчик, откинув волосы назад и прижав подбородок к деке, приступил к священнодействию. Едва смычок коснулся струны, как окружающий меня эфир наполнила ангельская музыка. В том смысле, что так, наверное, вострубят ангелы, призывая грешное человечество на Страшный суд. Грозные и гнусавые звуки въедались в мой мозг, откуда по нерву вытягивали душу и кромсали ее на части.

Уи-и-и — о-о-о-о — а-а-а-а — о-о-о-у!

Где-то на четвертом такте у меня резко поднялось давление, а на шестом категорически захотелось вскрыть себе вены — от переполнявших сердце тоски, безнадеги и отчаяния.

«Да уж, настоящий Ойстрах. Нет, пожалуй, даже «Ой, страх!», или еще лучше «Ой, ужас!»

Я громко захлопал в ладоши, стараясь по возможности заглушить рев пикирующего бомбардировщика, но куда там...

— Может быть, конечно, я чего-то не понимаю, — сказал я педагогу, когда шум в голове подутых и более-менее нормализовался пульс. — Вы уверены насчет таланта?

— Точнее не бывает. Все-таки уже полгода наблюдаю за тем, как он творчески растет не по дням, а по часам. Такое легато сегодня выдал — блеск!

Скажу вам по секрету: ваш Михаил, он почти... почти... гений, будущий золотой фонд. Тем не менее, даже в его случае необходимо терпение и еще раз терпение, чтобы раскрыть чакры, расколдовать, так сказать, душу. Для лучшего эффекта раскрытия, кстати, неплохо было бы увеличить нагрузки. Не возражаете, если я подберу для него дополнительное время в среду или субботу?

«Что ж, колдуй, волшебник».

— Ну, надо так надо, — порывшись в бумажнике, я со вздохом протянул ему несколько красненьких. — Только пусть в следующий раз будет что-нибудь полегче, полонез Огинского, например.

Через месяц мне представили полонез. Если прошлым музыкальным вечером мою душу вынимали, то сейчас ее заколачивали обратно в тело, трамбовали грубо и бесцеремонно, пока она, пройдя по пищеводу и перепрыгнув через копчик, окончательно не обосновалась в пятках. Хотя что там я, не удивлюсь, если в тот момент сам господин Огинский беспокоило заворочался у себя в гробу. У меня же на глазах пока только выступили слезы. Возможно, это было то, что называется катарсисом, хотя, скорее всего, со мной произошел банальный нервный срыв.

В себя я пришел от звенящей тишины, которую нарушил вкрадчивый голос преподавателя.

А у нас сюрприз, — сказал он, улыбаясь. — Мы с Мишелем договорились в следующий раз подготовить вам Сонату ми минор. Не возражаете?

Я поежился и кивнул.

— Благодарю... Тогда с вас еще двадцать тысяч. Деньги можете отправить на карту...

Увы, я так и не услышал Ференца Листа в исполнении будущего лауреата международных конкурсов. Утомившись отстегивать по пять штук за урок, я отвел сынулю в музыкальный кружок при городском Доме культуры и творчества. Пусть там, думаю, дальше свой талант раскрывает. За пять тысяч в месяц. После прослушивания моего чада ко мне вышла симпатичная женщина — педагог.

— Не хочу вас понапрасну обнадеживать, — сказала она, нервно подрагивая веком, — но возможно — я повторюсь — возможно, ваш сын когда-нибудь не слишком сильно ударит лицом в грязь на детском утреннике в школе. Разумеется, если он будет не музыкальный. И, само собой, если мальчик будет долго и упорно упражняться.

— А как же международные конкурсы? — робко поинтересовался я.

Вместо ответа женщина посмотрела на меня с плохо скрываемой жалостью...

Скрипку я оставил в музыкальном кружке в качестве гуманитарной помощи, а сына определил в шахматную секцию при том же Доме культуры. Пока вроде — тьфу, тьфу! — ничего, хвалят. □

Слон Гавроша

Имя этого славного и отважного мальчугана-беспризорника из романа Виктора Гюго «Отверженные» (1862) стало нарицательным. А вот где же все-таки жил парижский бродяга, где он укрывался от холода сырыми ночами? Согласно тексту романа классика французской литературы Гаврош, вместе с такими же, как он, детьми-беспризорниками, жил в... слоне. И это была не просто художественная выдумка автора. Слон в Париже, в котором жили бездомные дети, действительно существовал.

Большой гипсовый слон стоял в первой половине 19 столетия на площади Бастилии — том самом месте, где некогда существовала страшная тюрьма, полностью уничтоженная восставшим народом в ходе Великой Французской революции. После расчистки площади от остатков строительного мусора образовалось большое и пустое место. Сам Наполеон озаботился этой проблемой, повелев в 1810 году устроить позади бывшей тюрьмы большой фонтан, в центре которого стоял бы большой слон. (Правда, фонтан на площади Бастилии с фигурой в центре существовал и ранее.)

В 1793 году на месте бывшей тюрьмы появился Фонтан Возрождения в египетском стиле. Он был установлен в первую годовщину событий 10 августа 1792 года, завершившихся взятием королевского дворца Тюильри и знаменовавших начало французской революции, приведшей к падению монархии. В центре фонтана была установлена массивная статуя богини Исиды в окружении двух львов, причем, струи воды били из ее обоих сосков. Однако такое экзотическое сооружение, полное неприкрытого эротизма, было слишком фривольным для своего времени и вызвало недовольство парижан, поэтому вскоре Исиду убрали. И вот теперь на ее место должен был встать 24-метровый слон. Но почему именно слон?!

Это мощное и величественное животное символизировало бы мощь и величие самого Наполеона, блеск и славу его побед. Слона планировалось отлить из бронзы, и этот проект был, конечно, грандиозный. Бронзу для памятника должны были получить из переплавленных трофейных орудий. А в одной из ног слона находилась лестница, по которой посетители могли бы подняться на обзорную площадку. Строительство курировал один из основоположников музейного дела во Франции, организатор и первый директор со-

временного Луврского музея Доминик Виван. Главным архитектором стал Жак Селлерье, которого вскоре сменил Жан-Антуан Алавуан. Поскольку до полной реализации великолепной идеи требовался большой объем средств и времени, Алавуан решил вначале поставить на площади гипсовую модель слона, для чего наняли скульптора Пьера-Шарля Бридана. Модель сделали довольно быстро, гипсового слона в 1814 году поставили на то место, где в будущем предполагалась установка бронзового оригинала, что, безусловно, замкнуло архитектурную доминанту и украсило саму площадь, сделав ее намного более привлекательной с архитектурно-художественной точки зрения. В реализации такого плана был свой резон — парижане воочию увидели, как будет выглядеть площадь «при слоне». И надо отдать должное, фигура гигантского животного поражала воображение.

Вид экзотического для Европы животного, с массивными бивнями, к тому же, богато украшенного упряжью и с башенкой на спине, привлекал любопытных горожан поглазеть на сие чудо. Вокруг слона бил живительный фонтан, усаждавший зор и охлаждавший в летнюю жару примостившихся у его подножия. В хобот была проведена труба, откуда лилась вода. Однако из-за отсутствия должного внимания городских властей к скульптуре полый внутри слон быстро стал домом-ночлежкой для малолетних беспризорников, коих тогда было немало на парижских улицах. Как же они добирались до него? Очень просто: у ног слона была внутри винтовая лестница. Вот так Гаврош со своими беспризорными приятелями там и оказывался!

После того, как власть Наполеона после поражения при битве при Ватерлоо окончательно пала, проект бронзового слона был заброшен. Его полностью перестали финансировать. Архитектор Алавуан еще 20 лет пытался найти деньги и реализовать-таки изначальный план, но все было тщетно — новым властям Франции было глубоко наплевать на слона, который был символом свергнутого Наполеона.

Между тем, неумолимое время оказалось безжалостно к гипсовой модели. Гипс вообще крайне непрочный материал, так что неудивительно, что слон начал разрушаться. Он быстро лишился бивней, а внутри него нашли себе приют полчища крыс. Уже с конца 1820-х годов от жителей окрестных домов в городскую мэрию начали поступать жалобы на то, что в памятнике живет огром-

ное количество серых хвостатых тварей, которые в поисках пищи устраивают набеги на их дома.

Вот как описывает слон Бастилии, после того, как городские власти потеряли к нему всякий интерес, в романе «Отверженные» Виктор Гюго: «Иностранцы редко осматривали это сооружение, прохожие вовсе не смотрели на него. Слон разрушался с каждым годом; отвалившиеся куски штукатурки оставляли на его боках после себя отвратительные язвы. «Эдилы», как выражаются на изящном аргосалонном, забыли о нем с 1814 года. Он стоял здесь, в своем углу, угрюмый, больной, разрушающийся, окруженный сгнившей изгородью, загаженный пьяными кучерами; трещины бороздили его брюхо, из хвоста выпирал прут от каркаса, высокая трава росла между ногами. Так как уровень площади в течение тридцати лет становился вокруг него все выше — благодаря медленному и непрерывному наслоению земли, которое незаметно поднимает почву больших городов, — то он очутился во впадине, как будто земля осела под ним. Он стоял загрязненный, непризнанный, отталкивающий и надменный — безобразный, на взгляд мещан, грустный, на взгляд мыслителя. Он чем-то напоминал груды мусора, который скоро выметут, и, одновременно, нечто исполненное величия, что будет вскоре развенчано».

В таком виде слон стал представлять реальную опасность для парижан, однако городские власти снесли его только в 1846 году. Поэтому бесстрашный Гаврош, сражавшийся на парижских баррикадах и погибший от пули в ходе Июньского восстания 1832 года, вполне мог жить в ставшем давно-давно бесхозным на тот момент слоне.

Но от слона кое-что осталось до сих пор. Это круглое основание-постамент, на котором в настоящее время в Париже стоит Июльская колонна, воздвигнутая в честь революционных событий 1830 года. Золотыми буквами на ней высечены имена парижан, погибших во время боев на уличных баррикадах. Внутри колонна представляет собой...могильный склеп, в котором покоятся останки 504 жертв Июльской революции 1830 года. Позднее к ним добавилось около двухсот павших во время Революции 1848 года.

...Виктор Гюго своим романом «Отверженные» и одним из его главных героев Гаврошем фактически прославил на тот момент уже давным-давно не существовавшего слона Бастилии. Так этот реальный исторический эпизод не канул в Лету, а благодаря яркому и образному художественному произведению остался в памяти потомков.

Любовь Сердечная

СВОИХ НЕ БРОСАЕМ

«Никто, кроме нас!» и «Своих не бросаем!»
Мы помним! Мы любим! Мы верим! Мы знаем!

Проходят эпохи, столетья, года —
Так было, так есть и так будет всегда!

Лишь лучшие парни готовы собою
Другого прикрыть среди смертного боя.

И лихо рубаху рванув на груди —
С гранатой под траки! Врагу не пройти!

Герой, кто сумел у «беззубой» в объятьях
Спокойно промолвить: «Работайте, братья!»

Работайте, братья, спокойно! Мы с вами!
Молитвами, мыслями, снами, делами.

Мы помним, мы любим, мы верим, мы знаем:
«Никто, кроме нас!» и «Своих не бросаем!»

Крещу украдкою в метро
Ребят в военном камуфляже.

РЕБЯТА В КОМУФЛЯЖЕ

Молюсь... Хоть мне они никто.
Их лиц я не увижу даже...
Они мне больше, чем родня!

Они защитники Отчизны!
Пусть крест вдогонку от меня
Поможет сохранить им жизни.

ДАЛЬНЕМУ ДРУГУ

Мой дальний, мой давний, мой преданный друг!
Пускай среди всяких невзгод
Любовь, как надежный спасительный круг,
Тебя сохранит и спасет!

Любовь к материнским бездонным глазам,
К речушке, где падал на лед,
К отцовскому дому, святым образам,
К той женщине, что тебя ждет.

Мой друг, мой «Походный», мой «Лис» или «Барс»,
Меня ты не знаешь, и пусть.
Молюсь за тебя каждый день, каждый час.
А значит, за всех я молюсь.

НОСКИ БОЙЦАМ

Петелька — к петельке, петелька — к петельке:
Вот готовы носочки для Петеньки...
Ты сохрани его, Боженька святой!
Пусть невредимый вернется обратно!

Ниточка — к ниточке, ниточка — к ниточке:
Вот и готовы носочки для Витечки...
Убереги его, праведный Боже!
Пусть ему эта молитва поможет!

СТАРИК И МОРЕ

Я заштопаю старый, потрепанный парус,
Просмолю свою лодку остатком мечты...
И в открытое море! И к черту усталость!
Я сегодня — Старик.
Море — жизнь.
Рыба — ты!

Будет ветер трепать мое утлое судно,
Будет солнце меня обжигать с высоты...
Я поймаю тебя, как и надо, под утро...
Я — отличный Старик!
Море — жизнь.
Рыба — ты.

У меня на крючке будешь рваться и биться
И утащишь меня в голубые края...
Мы напишем с тобой новой книги страницы:
Ты, конечно, Старик,
Море — жизнь,
Рыба — я...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ

Что день без тебя? — стон,
Что ночь без тебя? — страх,
Что жизнь без тебя? — сон,
Что свет без тебя? — мрак.

А я не хочу так.
А я все хочу ввысь,
И чтобы в руках — флаг,
И чтобы в глазах — жизнь...

Чтоб день без меня — мрак,
Чтоб ночь без меня — бред,

Чтоб жизнь без меня — страх,
Чтоб мысль обо мне — свет...

Прошу я, пусть будет так:
Пусть перевернется мир,
Пусть время замедлит шаг,
Пусть станет реальностью миф,

Что день для двоих — свет,
Что ночь для двоих — стон,
Что жизнь друг без друга — бред,
Что наша любовь не сон...

ШОУ ТОЛСТУШЕК

Пациент скорее мертв, чем жив

— Привет, МММ, — тихонько сказала Дарья, войдя в административное здание частной клиники через боковую дверь и прикрыв ее за собой.

— А почему я МММ? — удивленно отозвался сидящий на диване мужчина. — Ничего вроде не украл, никого не разорил...

— Потому, Егор, что ты Мужчина Моей Мечты. Я же не спрашиваю, почему я Кошка?

— Потому что ты Тигр и Лев. Очень большая Кошка. И очень любопытная. И как тебе тут? Есть интересные персонажи для будущих нетленок?

— Чехов как-то сказал Короленко, что сможет написать маленький рассказ даже про пепельницу, — ответила Даша, усевшись в кресло напротив него.

— Но ведь не написал же.

— Зато породил этой фразой массу последователей, которые создали рассказы с таким названием. Так что было бы желание, а приключения найдутся.

— Не сомневаюсь. Ты, если их не найдешь, то придумаешь. Ну и как там наши дамы?

— Прибыли все девять дам, которые оплатили путевки, — смеясь, ответила Даша. — Те, кто хочет попытаться похудеть. Самые колоритные — две Алены, мама с дочкой из Москвы. Обе холостые, толстые и веселые, раз-

говаривают и одеваются одинаково. Просто клоны. У них собственное ателье по пошиву штор.

— Сколько им лет?

— Соответственно, пятьдесят шесть и тридцать четыре.

— Давай угадаю. Живут и работают вместе, отдыхают вдвоем. Классический случай, когда женщина рождает ребенка, который в молодости для нее игрушка, а в старости сиделка, и лишает дочь возможности сделать то же самое, — сказал Егор и жестко добавил: — У дочери ни мужа, ни детей никогда не будет.

— Ну, вроде бы они и приехали сюда для того, чтобы Алена Младшая похудела и смогла выйти замуж, или хотя бы нашла парня, от которого родит ребенка.

— Чтобы она это сделала, нужно не от лишнего веса избавляться, а от материнской опеки.

— Может быть, и так. Далее — другая «пара», хотя и посторонние женщины, но тоже похожие. Марина и Майя, лет по сорок, дети у них есть. Милые женщины, доброжелательные, только первая все время улыбается, а вторая грустит. Кажется, Марина влюблена в доктора Андрианова, она просто млеет, когда он оказывается поблизости. Есть еще Жанна сорока пяти лет, у мужа своя фирма и, как она считает, молодая любовница, а обманутая жена нервозная и недоверчивая. Любит делать поспешные и негативные выводы и договаривать за всех то, что они, как ей кажется, хотели сказать.

— Понятно, — кивнул Егор, который по профессии был юристом. — И с кем ты больше других общаешься?

— Я изначально решила не отдавать никому предпочтения и не заводить дружеских отношений. Но за мной часто увязывается Марина, задает много вопросов. А за одним столом сижу с Катей, она моя ровесница, и из тех, у кого, что называется, «интеллект на лице написан». Есть Оксана, яркая такая, красивая, слегка за тридцать, так она вообще почти ни с кем не разговаривает. Еще одна — не очень общительная, лет под шестьдесят, называет себя Нина, хотя по документам, насколько я помню, она Нинель. В общем, коллектив настолько разношерстный, что получается не компания, а сборище, — резюмировала Дарья.

— И как сюда вписалась Татьяна Николаевна? — Егор достал из рюкзака металлический термос, отвинтил крышку, налил в нее поостывший кофе и сделал большой глоток.

— Никак. Настолько печально, что даже говорить не хочется. Она все на дочерей жаловалась, как они ее молодость заели. А на третий день после приезда, когда выходила из корпуса на завтрак, споткнулась на лест-

нице, упала и подвернула ногу. Так что сейчас самостоятельно ходить не может и в данное время находится в отдельной палате.

— Ты Юльке об этом сообщила?

— Нет. Зачем девочку расстраивать? Она-то думает, что мама отдыхает, а тут такое. Но, с другой стороны, ничего страшного не случилось. Татьяна Николаевна сейчас мало двигается, зато не поглощает килограммами торты и арбузы, повышая уровень сахара в крови, да и под врачебным присмотром находится.

— Знаешь, Кошка, я сюда за триста километров мчался не для того, чтобы новости о тетках послушать. Ладно, пойду в подземный гараж, проверю машину, а ты пока одевайся и приходи в себя.

Закрыв за Егором дверь, Дарья натянула на себя джинсы и футболку, отлила коньяка из бутылки в стограммовую фляжку, сложила постельное белье в шкаф, застелила диван-кровать пледом, выключила настольную лампу и, выйдя во двор, двинулась по тропинке к березовой роще, чтобы немного подышать свежим воздухом, пока Егор занимается своей машиной. Вдруг сквозь ветки деревьев она заметила женский силуэт. Кто бы это мог быть? Ничего удивительно нет в том, что кто-то из пациенток вышел прогуляться, если не спится, но эта женщина стояла неподвижно среди кустов, поодаль от тропинки, словно пряталась или следила за кем-то. Дарья вытащила из заднего кармана джинсов зажигалку с мощным фонариком, подойдя к кустам, направила тонкий луч света на лицо женщины и, тихо пробормотав «е-мое», нажала тревожную кнопку на браслете.

Она сразу узнала женщину — это была Оксана. Она стояла с закрытыми глазами у бетонного столбика, слегка свесив голову на левое плечо и не подавая признаков жизни. Дарья прошла фонариком по ее фигуре. Никаких веревок или скотча, которые могли бы удерживать тело, никаких внешних повреждений снаружи, только у ног лужа крови. Но как-то же она стояла!!

Даша шагнула в сторону, провела фонариком по телу Оксаны, заметила, что из угла ее рта тоже стекает струйка крови, и тут сообразила, что на столбе должны быть металлические штыри, которые пригвоздили к нему тело. Обойдя столб, она заметила, что штыри недостаточно длинны, чтобы проткнуть женщину насквозь.

Охранник Владимир прибежал буквально через минуту после поданного ею на пульт сигнала тревоги. Дарья издали увидела свет его мощного фонаря, выскочила на тропинку и замахала руками:

— Это здесь!

Едва взглянув на тело, Владимир выругался матом и помчался обратно к корпусу, бросив на ходу:

— Я за носилками!

Ему навстречу уже бежал Махран, на ходу застегивая пуговицы на клетчатой рубашке, за ним доктор в спортивном костюме. Оба остановились перед телом и переглянулись. Олег Викторович схватил Оксану за запястье, подержал на нем пальцы и облегченно выдохнул:

— Жива! Но два арматурных штыря вошли практически горизонтально. Могут быть пробиты почка и легкое...

В это время подбежал Владимир с носилками, и Олег Викторович приказал:

— Осторожненько снимаем, ребята... На живот кладем, на живот!

Дарья побежала в корпус вслед за доктором и мужчинами с носилками, предполагая, что понадобится ее помощь. Она даже догадывалась, какая именно в первую очередь, и угадала.

— Даша, это же ты хвасталась, что у тебя первая группа крови, которая подходит всем? — спросил Олег Викторович.

— Сдам, конечно, сколько понадобится, — с готовностью ответила Дарья.

— Сколько надо, пока неизвестно, а больше пол-литра с тебя все равно не выкачаешь. У нас есть, конечно, небольшой запас плазмы, но лучше заранее подстраховаться.

Носилки внесли в процедурный кабинет, где хлопотала Оля, уже в белом халате, а Дарья тут же поняла, что Олег Викторович принял решение оперировать Оксану сам. Впрочем, у него не было другого выбора. До города больше трех часов на машине, раненая может не выдержать дороги, местами отнюдь не гладкой. Вертолета санитарной авиации тоже не дождешься. Да и скандал с попыткой убийства в частной клинике не замаять. А что будет, если пострадавшая все-таки умрет? Это же для доктора конец карьеры.

Тут к ней подбежала Ольга:

— Пошли со мной. Я сейчас у тебя быстренько кровь возьму, чтобы ты тут полночи не сидела, и побегу мужчинам помогать.

Дарья присела в кресло в холле, поморщилась от неприятного ощущения в перетянутой жгутом руке и отвернулась, чтобы не видеть, как игла войдет в вену:

Ольга извлекла иглу, прикладывая к месту укола тампон, сказала:

— Посиди тут минут десять, не вставай пока, а то голова закружится, — и скрылась за дверью процедурного кабинета.

А Даша решила остаться в холле до конца операции. Можно спокойно подумать: кто же это сделал? Хорошо, если Оксана утром придет в себя и все расскажет. А если нет? И тут ее осенило. Пока идет операция, можно пойти в комнату к Оксане и все там спокойно осмотреть.

Дарья тут же бегом понеслась к спальному корпусу. Входная дверь оказалась запертой изнутри. Она подошла к окну своей комнаты, огляде-

лась по сторонам, толкнула створку и легко перемахнула через подоконник. Попав внутрь, решила на всякий случай проверить, все ли женщины в своих комнатах, и пошла по коридору, осторожно поворачивая ручки-замки. Увы, все комнаты, кроме той, в которой жили мама и дочь, оказались заперты. Даша осторожно приоткрыла дверь и заглянула в проем. На кроватях были четко различимы две массивные фигуры с пышными формами, обе женщины похрапывали, одна тише, другая громче. В общем зале, где стояли несколько диванов и телевизор с видеоприставкой, никого не было. Оставалось только войти в палату Оксаны, что Даша и сделала. И замерла на пороге. На кровати явно лежало тело. Чье же оно, если пациентка в операционной? Сдерживая дыхание, она сделала шаг вперед, толкнула в плечо спящего (или уже мертвого?) человека и с облегчением вздохнула, когда ее рука провалилась во что-то мягкое. Это было не тело, а муляж, сооруженный из запасного одеяла и утепленной куртки.

Итак, новая загадка. Зачем Оксана уходила ночью, создав видимость, что спит? Она ведь понимала, что входную дверь закроют, а когда она вернется, придется стучать, и ее отсутствие обнаружится. Впрочем, эта загадка разрешилась, как только Даша подошла к окну. Рама была прикрыта, значит, Оксана вышла через окно и целенаправленно отправилась на встречу со своим убийцей.

Она повесила стеганую куртку пострадавшей на вешалку в шкаф, сложила одеяло и убрала его на верхнюю полку. Заправляя постель, случайно смахнула покрывалом стоявший у прикроватной тумбочки пластиковый флакон, машинально подняла его и вздрогнула: запах! Что-то с ним связано неприятное. Тревожное что-то, опасное... Даша брызнула из пульверизатора на запястье, принялась усиленно внюхиваться, но никак не могла уловить воспоминание, с которым ассоциировался этот аромат.

В потайном кармане на дне почти пустой дорожной сумки лежала сложенная вдвое файловая папка. Внутри оказалась тоненькая стопка российских купюр и долларов и два листка ксерокопии паспорта на имя Дорошенко Оксаны Геннадьевны. Год рождения — тысяча девятьсот восемьдесят второй, место — город Донецк. Надо же, она жительница республики, где какой уже год не прекращаются боевые действия!

Решив, что завтра при дневном свете сделает в комнате профессиональный обыск, Даша отправилась на место преступления.

Она долго светила зажигалкой вокруг бетонного столба, пытаясь рассмотреть на светло-серой почве и пробивавшейся сквозь нее траве какие-то следы. Но какой из нее следопыт?

Продвинувшись на несколько метров в том направлении, в котором, предположительно, мог отходить преступник, Даша присела на корточки

и направила узкий лучик на землю. Ей показалось, что здесь какое-то темно-серое пятно. Наклонилась ниже, и в нос ударил резкий аромат. Она чихнула и сразу поняла, что это такое — рассыпанный черный молотый перец. Итак, преступник захватил с собой пакетик со специями, чтобы присыпать пути своего отхода на случай, если приедут кинологи. Значит, он специально шел убивать и был уверен в том, что без полиции дело не обойдется.

Больше тут вынюхивать нечего, подумала Дарья и побежала к врачебному корпусу.

— Как там? — спросила она у сидящего за административной стойкой Владимира.

— Неизвестно пока, — пожал плечами охранник. — И главное, непонятно, кому понадобилось ее убивать. Дай бог, выживет, иначе завтра тут такое начнется! Ранение-то скрыть можно, а убийство — никак.

— Это почему же? У нас на базе что, пары лопат не найдется или места в лесу свободного мало?

— Ну и шуточки у вас, Дарья Дмитриевна... — усмехнулся Владимир и добавил: — Шла бы ты лучше спать, Даша.

— Нет. Дождусь. Хоть до утра сидеть буду.

В этот момент из процедурной вышел доктор и, снимая на ходу белый халат, произнес:

— Ну что, господа переживающие, жить Оксана будет. Как сказал Махран, она «повезучая», все жизненно-важные органы оказались неповрежденными. Дарья, срочно спать! А утром никому ни слова. Официальная версия — у пациентки двусторонняя пневмония. Никто не должен знать, что случилось.

— Даже тот, кто пытался ее убить? Вот уж он или она, удивится диагнозу, — улыбнулась Даша. — Все, все, ухожу!

Она вышла из лечебного корпуса и машинально пошла по центральной аллее к себе. Поднялась по лестнице и уже потянула за ручку двери, но тут же замерла. Лестница! Именно здесь был этот запах! Дарья внюхалась в слабый аромат масла для волос, который еще сохранился на ее запястье, и вспомнила: здесь пахло миндалем два дня назад, в тот момент, когда упала Татьяна Николаевна. А это значит, что она не просто оступилась, а поскользнулась на ступеньке, где было пролито это масло. А ведь впереди пострадавшей тогда шла Оксана. Неужели она брызнула масло на ступеньку нарочно, зная, что грузная и неповоротливая Татьяна следует за ней? Хотела, чтобы ее соседка по столу упала и разбилась? И вот ирония судьбы — сейчас они обе находятся в лечебном корпусе, но состояние второй пострадавшей гораздо серьезнее, чем у первой, получившей по ее вине травму. Если, конечно, Оксана действительно виновата.

Дарья влезла через окно в свою комнату и машинально подумала, что так много вопросов уже давно себе не задавала. Несмотря на тяжелый день, она безуспешно пыталась заснуть, постоянно возвращаясь мыслями к раненой, которая сейчас отходила от наркоза. Ей казалось очень важным то, что женщина приехала в клинику из воюющего Донбасса. И в голове стали прокручиваться картинки их с Юлькой самовольной командировки в самопровозглашенную республику...

Точка и многоточие

В первых числах октября в редакции началась традиционная вспышка сезонных простуд. Большая часть редакционного коллектива синхронно чихала и кашляла. Особенно в этом занятии упорствовали сознательные граждане, дружно привитые от очередного штамма вечно мутирующего вируса. И только не признающую вакцинации Дарью инфекция упорно обходила стороной.

— Ты не болеешь, потому что всегда такая оптимистичная? — завистливо спросила после утренней планерки коллега, каждые пять минут отправлявшая в мусорную корзину использованный бумажный платочек.

Дарья ничего не ответила, терзаемая совсем другим вопросом: почему три дня подряд не объявляется любимый мужчина.

Вступать в переписку первой, а тем более звонить ему без значительного повода, предприятие сомнительное. Неизвестно, чем он занят, и какое у него настроение. Если не в духе, может начать придирается к словам и фразам. И все же вчера она рискнула отправить ему ВКонтакте приветствие:

«Доброго времени суток! Как жив-здоров? Хотелось бы на днях пообщаться».

Ответ пришел ближе к обеду: «Я тут на днях так пообщался, что надолго отпало всякое желание. Только напряженная тренировка восстановит мою потрясенную нервную систему и приведет в согласие с мирозданием мою тонкую и нежную душевную организацию. Объявляю Болдинскую осень. В деревню. В глушь... Два-три раза в неделю в спортзал. И все! Никого видеть и слышать не хочу».

С трудом выдохнув, Даша смогла отстучать по клавишам единственное слово: «Счастливо». И получила в ответ фразу: «Жестко-то как... Прямо как послала...»

Умом она понимала, что надо немедленно прекращать эту опасную переписку, которая могла перерасти в настоящую ссору, вышла из Контакта и приступила к работе. Интервью с начальником городского уголовного розыска, невзирая на личные драмы, нужно было сдать сегодня, а написать так, чтобы читать было интересно не только самой.

Ее отвлекла подсевшая к ней Юля:

— Пойдем сегодня кофе пить вдвоем, без Марины. Есть к тебе одно необычное предложение.

— Давай, — согласилась Дарья. — Люблю необычные предложения. Обычные — тоже.

Они разместились в подсобке с чашками и пакетиком маленьких печений, и Юля без обиняков заявила:

— Я хочу сделать интервью с Мазаем.

— Так он же сейчас вроде в Донецке, — удивилась Даша, припомнив, что Мазай — это лидер кубанской «волчьей сотни», прославившийся во время «Крымской весны», тогда он с сотоварищами прибыл защищать полуостров от бендеровцев, а теперь воюет в Донбассе.

— Вот именно. Я хочу съездить туда на несколько часов, уже договорилась встретиться с Мазаем в следующую пятницу. Значит, выехать надо в четверг. Но одной как-то неуютно. Составишь мне компанию?

— А как ты с ним договорилась? — снова удивилась Дарья. — Где ты его нашла?

— ВКонтакте, естественно. Ополченцы сейчас все там общаются, и друг с другом, и с внешним миром. Ну что, поедешь со мной?

— Поеду, конечно.

После обеда позвонил сын, сообщил, что приехали его тесть с тещей, и пригласил к себе на ужин. Повидаться со сватами, которые приезжали всего пару раз в год, очень хотелось, и Дарья отправилась в гости к сыну в соседнюю высотку. Посидев с полчаса за общим столом, она позвала его на лоджию и сообщила:

— Я собираюсь в четверг вечером в Донецк.

— Что? — опешил Дмитрий. — Ты вообще понимаешь, что говоришь?! Я даже слышать не хочу об этом!

— Не поняла. Ты что, запрещаешь мне служебную командировку?

— Это, конечно, твое личное дело. Но если ты отправишься в Донбасс, считай, что тебя у нас нет, ясно?

— Что за тон, Дима! Мне, вообще-то, уже полтинник стукнул, ты не забыл?

— Если ты поступишь так с нами, значит, мы тебе безразличны. В таком случае, ты нам тоже станешь безразлична, и общаться мы больше не будем.

Дарья вышла с лоджии, и, попрощавшись с родственниками настолько сердечно, насколько позволило угнетенное моральное состояние, поспешила домой. Чего она никак не могла ожидать от сына, так это любого запрета, тем более, касающегося ее профессиональной деятельности. Вырастила, называется, юридическое образование дала, на престижную работу пристроила!..

В субботу Даша проснулась и почувствовала, что заболела. Отсидевшись дома в выходные и добросовестно принимая лекарства от простуды, она надеялась в понедельник явиться в редакцию «как новенькая». Но в начале рабочей недели болезнь отступать не собиралась, и в среду Даша позвонила Юле:

— Боюсь, я тебя подведу. Что-то мне все хуже и хуже. В таком состоянии ехать как-то чревато.

— Ничего страшного, я на всякий случай подготовила запасной вариант. Предложила съездить со мной другу, и он страшно обрадовался. Говорит, давно мечтал посмотреть, что на самом деле происходит в Донбассе.

— Что за друг?

— Его зовут Тимур. Это, скорее, старый друг моей сестры, мне достался по наследству. Парень надежный, двухметрового роста, так что буду под защитой.

— Эх, Юльчик, высокий рост еще никого не спас от пули. Скорее, наоборот. Мне жаль, что так получилось.

— Ну что ты, Даш! Выздоровливай.

Огорченная тем, что не сможет поддержать в опасной поездке более молодую и неопытную коллегу, измученная неизвестностью в отношениях с любимым мужчиной, Дарья решила еще раз выйти с ним на связь и написала: «Как проистекает твоя Болдинская осень?» Егор тут же ответил, но в его сообщении стояла просто точка. Сначала она подумала, что он случайно нажал на кнопку, но тут же осознала: это действительно точка в их отношениях. На какое-то время сознание отключилось, а потом, придя в себя, она набрала Юлин номер и решительно произнесла:

— Юль, я еду с вами.

— О! Замечательно! Тогда пришли скорее свои паспортные данные. Тимур как раз оформляет электронные билеты на поезд. Только что ты скажешь Славе, если в пятницу тебя не будет на работе? Меня он официально в командировку не отпустил, заставил написать заявление на один день в счет отпуска. Не хочет рисковать и брать на себя ответственность за сотрудников, пока редактор в отпуске.

— Юльчик, если я чего-то очень хочу, я это обязательно сделаю. И никто меня не вычислит — у меня же криминальное мышление, забыла?

Отключившись, Дарья принялась собираться в дорогу. Выбрала из своих многочисленных дамских сумок самую большую и мягкую, чтобы не таскаться с пакетами. Что могло понадобиться в поездке, которая не продлится и двое суток? Она положила в сумку блокнот, запасное белье, влажные салфетки, зубную щетку и пасту в маленьком дорожном тюбике. Больше

всего места в сумке занял полупрофессиональный фотоаппарат, который пришлось взять, чтобы Юлька не тащила свою тяжеленную камеру с огромным объективом. К тому же имелось опасение, что с таким подозрительным предметом в военное время не пропустят через границу.

Аппетита не было, но Даша насильно впихала в себя бутерброд с сыровяленой говядиной и взглянула на часы. Почти десять вечера, пора выходить из дома. Надела джинсы и легкий джемпер, выдернула из розетки зарядку для сотового телефона и погасила в спальне свет. Через несколько минут, радуясь тому, что ее подъезд из окна сына не просматривается, она уже бодро шагала в сторону железнодорожного моста. У входа в здание вокзала ее встречали Юля и Тимур.

Билеты в поезд «Краснодар — Ростов» в целях экономии были куплены в плацкартный вагон, но им удалось даже пару часов поспать перед тем, как в пять утра, разбитыми и помятыми, выйти на станции «Ростов Главный» и оказаться в холодном зале ожидания. До электрички в село Успенское надо было продержаться здесь три часа. Дарья ежилась от холода в легкой стеганой куртке, отхлебывала из пластикового стаканчика невкусный кофе и мысленно ругала себя за пренебрежение к собственному здоровью. Как показывала практика, следующая стадия ее простуды — температура под сорок. И когда это случится, хорошо бы оказаться дома, а не на территории сопредельного государства, где ведутся боевые действия.

Звонить заместителю редактора, чтобы предупредить, что она пока не выйдет на работу, было еще рано, поэтому Даша отправила сообщение: «Слава, у меня совсем пропал голос, температура поднялась. Хочу еще денек отлежаться». Вскоре пришел ответ: «Хорошо. Лечись. Ты нам здоровенькая нужна».

— Ну вот, вопрос с работой решен, — сказала она, показав Юле переписку.

— Даш, ты думаешь, Слава не догадался, что ты отправилась со мной? Он у нас перестраховщик, конечно, но далеко не дурак, — усмехнулась девушка.

Выйдя из электрички, авантюрная троица устремились к скромному КПП, похожему на временный вагончик. Дарья первой подошла к окошку и протянула паспорт. На вопрос о цели визита выдала заранее придуманную легенду:

— У нас сестра в Донецке живет, и вот уже неделю на связь не выходит, телефон вне зоны доступа. Мы просто с ума сходим от беспокойства, даже не знаем, жива ли она, или что-то случилось.

Сумку открыть не попросили. Стоящую позади и скорбно кивающую в подтверждение Дашиной легенды Юльку тоже пропустили без проблем.

Тимур сообщил, что сопровождает и оберегает девушек, и прошел вслед за ними.

На той стороне у них бегло просмотрели паспорта и ни о чем спрашивать не стали. Вдоль трассы тянулась длинная вереница автомобилей, водители и пассажиры которых намеревались выехать в Россию. В обратном направлении практически никто не двигался.

Юля написала ВКонтакте Мазая, что перешла границу и стоит с друзьями у дорожного указателя. Казак ответил, что за ними скоро приедут.

Через полчаса подъехал черный джип с двумя мужчинами в камуфляже, вооруженными автоматами. Путешественники представились и втроем уселись на заднее сиденье. Ополченцы ждали, пока еще один человек пересечет границу и присоединится к ним.

Пассажир джипа рассказал, что его позывной «Горец», он земляк и друг Мазая, а в данный момент и его командир. Водитель Сергей, как оказалось, приехал воевать из Одессы, там у него осталась семья, потому о своей биографии распространяться не стал и заранее предупредил, чтобы его не фотографировали.

Увлеченная общением с сопровождающими, Дарья не заметила, как у джипа внезапно возник худосочный мужчина лет сорока, и увидела его в тот момент, когда он легко запрыгнул в просторный багажник. Она достала блокнот и спросила у «Горца»:

— Как вам тут живется во время перемирия?

— А его и не было. Это все условности для политической верхушки ради получения дотаций. В районе аэропорта Донецка бомбят двадцать четыре часа в сутки. Фронт сейчас вроде есть, а вроде его и нет, вспыхивает очагами. С начала войны украинская армия потеряла шестьдесят процентов своего вооружения.

— А ваше оружие откуда? — спросил Тимур.

— Полностью трофейное, отвоеванное. Есть новенькие пусковые установки, прямо в смазке, гранатометы, минометы, но мы приводим своими силами в порядок и восстанавливаем даже недействующее или разбираем его на запчасти. Кстати, первыми не стреляем — только в ответ.

— Вы численностью в пятьдесят восемь человек взяли четыре города. Прямо-таки подвиг трехсот спартанцев, сдержавших в ущелье нападение целой армии! Как это делается? — продолжила расспросы Леденева, которая перед поездкой прочла об ополченцах все, что успела найти в Интернете.

— На войне за один месяц всему научиться можно, если сразу не убьют. Хотите знать, в чем дело? Разница в том, что мы за идею воюем, а не за деньги.

Джип ехал вдоль убранных полей пшеницы и подсолнечника, мелькали частные домики, во дворах — куры, гуси. Мирную картину сельского бытия искажали застывшие на обочинах обгоревшие грузовые машины и искореженная бронетехника.

На одном из участков дороги, в районе лесополосы, джип разогнался до предельной скорости, о чем возмущенно сообщил навигатор.

— Так по нам сложнее попасть снайперам, — пояснил Сергей.

— Откуда они здесь? Ведь это же подконтрольная вам территория, разве нет? — Дарья не переставала сыпать вопросами, с трудом пытаясь делать заметки в блокноте, потому как из-за тряски вместо букв выходили закорючки.

— Тут котел образовался радиусом километров в десять, где застряли остатки батальона «Айдар». Это те, кого отбили от Иловайска, командование их бросило.

— Сколько человек?

— А кто их считал? Может, тысяча, может, больше. Сейчас нет смысла никого ловить — только силы и средства тратить. Выйдут на местных ополченцев — будут уничтожены.

— А если кто-то захочет сдаться?

— Под суд пойдут. Свидетели из окрестных деревень расскажут, кто из военных что делал.

— Как к вам относится местное население? Не считают вас виновниками бомбежек и гибели людей?

— С пониманием относится. Пирожки для нас пекут. Деньги брать у жителей — строжайший запрет, а продукты питания можно.

Водитель сообщил, что в машине заканчивается солярка, но на ближайшей заправке ее не оказалось. «Горец» позвонил кому-то по сотовому и принял решение доехать до ближайшего блокпоста, куда ему пообещали подвести канистру с горючкой.

У бетонного ограждения все, кроме Митяя, вышли из машины, и Юля принялась делать снимки. Вскоре подкатила легковушка, из которой выскочил парень в яркой вязаной шапке с большим помпоном и широкой улыбкой на гладком мальчишеском лице.

— «Красная шапочка» приехал! — радостно сообщил Сергей.

«Очень подходящая экипировка для района боевых действий, — неодобрительно подумала Дарья. — Осталось только светоотражающие элементы на куртку спереди и сзади нацепить, чтобы уж точно никто не промазал».

Парень поздоровался за руку с мужчинами, приветливо покивал женщинам, выставил на бетонную плиту полную металлическую канистру, забрал взамен пустую и уехал. Заправленный джип тоже отправился в путь.

«Горец» и Сергей упорно искали какой-то конкретный съезд на лесную дорогу, перезванивались с кем-то по рации, но несколько раз сворачивали не туда и убеждались, что очередной поворот опять не тот.

Нужная тропинка все-таки нашлась, и «Горец» с Сергеем ушли по ней вдвоем в лес с автоматами. Юлька собралась, было, выйти из машины, чтобы размять затекшие ноги, но Дарья строго возразила:

— Сказал командир в машине сидеть — значит, сидеть.

Ждать сопровождающих пришлось больше часа. Вернулись они сосредоточенно-мрачными, молча уселись на свои места, и джип поехал дальше.

Целых пять часов ушло на то, чтобы добраться до базы кубанских казаков и местных ополченцев, располагавшейся в подземном бункере на территории полуразрушенного завода алюминиевых профилей. Бункер делился на рабочие кабинеты, спальные отсеки, оружейные комнаты, кухню-столовую и санитарный блок. По крайней мере, именно эти помещения показали журналистам.

Юля принялась задавать Мазаеву заранее подготовленные вопросы, но их осталось не так много, потому как ответы на многие уже были получены по дороге от его соратников. А сам он рассказывал, что воевать пошел за идею, а вовсе не потому, что вынужден скрываться от правосудия, желающего впаять ему реальный срок. А еще о том, что в Крыму под Балаклавой уже выделена земля, где вскоре будет основана станица Вознесенская. Казаки станут жить там автономно, по Божьим законам и будут охранять, как при царской власти, южные рубежи.

«Горец» провел журналисток и Тимура в большую общую комнату, явно бывшую ранее сборочным цехом, где находились около тридцати мужчин. Дарья подсаживалась то к одному ополченцу, то к другому, записывая их рассказы о боевых действиях, а потом «Горец» предложил всем поужинать. В центре столовой стоял длинный деревянный стол человек на двадцать, на электроплите — алюминиевые котлы, на деревянных тумбочках — стопки тарелок. Здесь царил принцип самообслуживания: положил еды, поел, помыл тарелку. В тот вечер в меню был густой мясной суп с лапшой и грибами, на второе — плов. На отдельном столике стояли чашки и несколько чайников с заваркой. Спиртное на базе было строжайше запрещено.

После ужина началось построение перед разводом. Группы по четыре человека распределялись на ночное дежурство по стратегическим объектам. В последнюю «четверку» оказался включен давешний попутчик Митяй, стоящий в строю в камуфляжной форме и с автоматом.

В одиннадцать часов вечера уже другой водитель, назвавшийся Степаном, повез журналистов в гостиницу. Донецк выглядел чистым и темным, на улицах нет мусора, а в окнах — света. Уже давно наступил комендант-

ский час, и на перекрестке патруль остановил троих парней, нарушивших запрет на ночные прогулки. На Дашин вопрос, как с ними поступят, сопровождающий гостей ополченец ответил:

— Улицы будут мести.

— Вам здесь не страшно? — спросила Дарья у пухленькой горничной-блондиночки, которая в полутьме записывала в журнале фамилии приезжих и выдавала им ключи от номеров.

— Конечно, страшно, ведь в любой момент может снаряд прилететь, — призналась девушка и посоветовала: — Если услышите грохот, бегите сразу в подвал, это вот сюда, под лестницу.

Женщины вошли в свой номер, Тимур пожелал им спокойной ночи и направился в соседний. Кое-как помывшись ледяной водой, Даша залезла в холодную постель, вскоре рядом пристроилась Юля, и они обе сразу же заснули.

Разбудил их звонок внутреннего телефона. Тимур доложил, что сбегал в ближайший гастроном и купил кое-что на завтрак. В номер к ним он зашел с бумажным пакетом, выложил на письменный стол бутылку молока, три сдобных булочки, и они с аппетитом позавтракали.

В девять утра за «военными туристами» приехали парни с позывными «Штурмовик» и «Джокер». «Горец» дал ополченцам задание отвезти журналы в район поселка Солнцево, где ведутся работы по уничтожению неразорвавшихся снарядов.

На фоне восхитительных пейзажей — равнин и холмов, леса и небольшого синего озера — «Джокер» рассказывал:

— Здесь тысяч девять военных стояло, тысяча танков, тысяча единиц техники. До сих пор получаем заявки обезвредить заминированные поля, на которых надо урожай собирать. Подрывались уже и люди, и коровы. Сейчас наша задача — очистить землю для мирной жизни.

Задачу ополченцы выполняли тщательно. Человек с опаленным лицом и позывным «Волк», пострадавший от сработавшей растяжки, и еще ряд мужчин в камуфляже сносили в воронку в земле метровые снаряды. Дарья такого количества металла на квадратный метр земли никогда не видела. Она попросила Юльку сфотографировать ее на фоне снарядов и рядом с колоритным «Волком» и подумала при этом: главное, чтобы сын никогда не увидел этих снимков!..

Лекция о похудении

В частную клинику доктора Андрианова «Стройная жизнь» Егор привез Дарью глубокой ночью. Они въехали на его новенькой «Ладе» в подзем-

ный гараж под административным корпусом и немного погуляли по территории клиники. Здесь располагались одноэтажное помещение с палатами для пациенток, двухэтажное, того же предназначения, но пока без внутренней отделки, а также столовая и спортивный комплекс. С трех сторон база была огорожена от леса сплошным металлическим забором, а с четвертой — частоколом из чугунных прутьев, через которые открывался вид на бурную горную речку.

— Хорошо здесь, тишина и воздух особенный, — отметил Егор, бесшумно шагая по слабо освещенным редкими фонарями аллеям.

— Оставайся, — предложила Дарья. — Поселим тебя в комнате отдыха, будешь наслаждаться природой и покоем. К процессам можно и здесь готовиться.

— Да я же сбегу через два дня. Не такой уж я старый и толстый, чтобы обитать в подобном заведении. Давай, забирай свои пожитки, и я погнал. К утру как раз доберусь до офиса.

Егор выгрузил из багажника дорожную сумку с вещами, чмокнул Дарью в щеку и выехал из гаража, а она направилась к своему корпусу и вошла в комнату. Сумку разбирать не стала, лишь вытащила лежащие сверху тапочки и трикотажную пижаму, переделалась и откинула покрывало с застеленной кровати.

Собираясь прилечь, Дарья вдруг услышала за стеной тихие всхлипы. Она знала, что завтра, вернее, уже сегодня, приедут москвички Алены, Юлькина мама Татьяна Николаевна и еще одна женщина по имени Марина. Значит, сейчас в других палатах должны находиться пятеро прибывших поздним вечером: Жанна, Майя, Оксана, Нинель и Катя. Интересно, кто из них поселился справа от ее комнаты и плачет в первую же ночь на новом месте? И почему? От жалости к себе или от тоски по тем, с кем рассталась?

Конечно, завтрак Даша проспала. Впрочем, нарушая один из главных принципов диетологии, она не намеревалась ходить по утрам в столовую ни сегодня, ни в другие дни, потому как есть спросонья не могла и обходилась до обеденного времени чашкой кофе. Она даже не слышала, как пациентки собирались, и проснулась только тогда, когда все уже ушли, и можно было спокойно привести себя в порядок после бессонной ночи и разложить по полкам и ящичкам вещи. Закончив с этим, Даша вышла из корпуса и присела на лавочку у входа. Проходившая мимо миловидная пухленькая женщина лет сорока в спортивном костюме вежливо поздоровалась с ней.

— Привет! Я — Дарья, — ответила Даша.

— А я — Марина. Дарькина. Ты когда приехала?

— Рано утром, — соврала Даша, — но я уже немного осмотрелась здесь и выяснила, где что находится, изучила режим дня.

— А мы совсем недавно прибыли. Со мной вместе в «Газели» ехали мама с дочкой, обе Алены, они москвички, и одна пожилая интеллигентная женщина, Татьяна Николаевна. Она вообще такая грузная, что еле ходит. А кем ты работаешь?

— Корректором в одном издательстве, специализирующимся в основном на технической литературе. Надоело буквы править. Пару лет — и на пенсию.

— Правда? Но тебе же никак не может быть за пятьдесят, ты так молодо выглядишь!

— Генетика хорошая, — улыбнулась Дарья.

Придумать подходящую легенду ей было непросто. Ясно, что выдать себя за представителя технической профессии, или той, при которой надо работать руками, она бы не смогла. Ну, какой из нее инженер или парикмахер? Сказать, что юрист, значило бы обречь себя на бесконечные бесплатные консультации — от проблем жилищно-коммунального хозяйства до бракоразводных процессов с дележом совместно нажитого имущества. Она и так постоянно это делала в редакции, ведя еженедельную колонку «Спрашивали — отвечаем», но за это хотя бы платили гонорар. Так что незачем было признаваться в том, что уголовный и гражданский кодексы она знает не хуже любого прокурора и адвоката. А корректор — это просто и понятно, вроде бы образованная и начитанная дама, но совсем обычная. Кроме того, будет легко объяснить, почему она много времени проводит за компьютером — работает над правкой чужих текстов.

— А ты тоже худеть решила? Тебе ведь вроде и не особенно надо, если только совсем немного, — не унималась Марина.

— Я часто дистанционно работаю, зимой дома в основном сидела, вот лишних восемь килограммов и набрала... В общем решила резко сменить обстановку, воздухом свежим подышать, оздоровиться. А ты чем занимаешься?

— Технолог на комбинате питания. Вот видишь, как напилась, — новая знакомая развела руки в сторону, словно подчеркивая объемы своей пышной фигуры.

— Кстати, о питании. Через двадцать пять минут начинается обед. По крайней мере, так написано в расписании на «Доске объявлений», а потом будет лекция доктора Швеца. Так что зови своих новых знакомых, пойдём в столовую, тут все корпуса не очень близко друг от друга расположены. Специально так устроено, чтобы мы побольше двигались.

Марина послушно направилась к дверям корпуса, а Дарья с тоской оглядела свои мешковатые синие брюки и безразмерную голубую тунику, связанную из объемной пряжи. Хороша! Зато в этом специально прикупленном гардеробе фигура смотрится гораздо полнее, как минимум, на размер больше, а то и на все два.

Через несколько минут на крыльце показались две темноволосые женщины в мужских ботинках на «тракторной» подошве, черных джинсах и тесных футболках, плотно обтягивающих их многочисленные жировые складки, называемые в народе «эффектом гусеницы». Даша поняла, что это две Алены, следом за которыми семенила Татьяна Николаевна, что-то убедительно внушая маме и дочке.

— А ты тоже пациентка Александры Швец? — спросила у Даши Марина.

— Нет.

— Значит, попала сюда через доктора Андрианова?

— Да.

— А я к Александре Александровне несколько раз в разные годы приходила на приемы, она мне все объясняла, рассказывала, правильное меню рекомендовала. Но меня больше чем на несколько дней никогда не хватало. Работа у меня такая, и силы воли нет совсем. А в последнее время мама стала говорить, что осенью Настеньку в школу вести, и она будет меня стесняться перед своими одноклассниками. И я при таких габаритах личную жизнь никогда не устрою. Ну вот я и решила сюда приехать.

— Личная жизнь от веса не зависит, — возразила Даша. — Иной раз лежишь на пляже и наблюдаешь такие сцены. Стройные красотки сидят в одиночку, а вокруг какой-нибудь страшенькой пышки увивается молодой красивый парень — и смотрит восхищенно, и обнимает ее, и за мороженым бегают... Но с лишним весом бороться надо, я согласна, это проблема, скорее, медицинская, чем эстетическая.

— Ну вот и поборемся, — улыбнулась Марина.

Они поднялись по ступеням и вошли в просторное помещение, где в отдалении друг от друга стояли двухместные столики. Дарькина собралась присесть за один из столов, но с удивлением отметила, что перед каждым прибором стоит табличка с именем, и двинулась по залу в поисках своего места. Леденева тут же заметила сложенный треугольником листок с распечатанным на принтере словом «Дарья» и опустила на стул. Она разглядывала висящие в простенках между широких окон яркие натюрморты, когда напротив нее села женщина с густыми пшеничными волосами и темно-серыми глазами.

— Добрый день, меня зовут Катя, — сказала она.

— Я — Даша, — отозвалась Леденева и добавила: — Интересно, по какому принципу нас рассаживали? По возрасту или весу?

— Может, по размерам аппетита или по степени вредности? — рассмеялась Катя, и Даша сочла, что интересный собеседник на время трапез ей обеспечен.

В столовую вошли еще несколько пациенток и принялись рассаживаться. За одним столиком с Мариной Дарькиной оказалась Майя, а с Татья-

ной Николаевной — Оксана. Две Алены сидели вместе, как и Махран с Олей. Шестой столик пустовал — Жанна и Нинель еще не подошли.

За раздаточной стойкой появилась упитанная женщина в белом халате. Дарья знала, что повару сорок три года, но тусклые волосы и угрюмое выражение лица придавали ей с десятков лишних лет. Подкрашенная и ухоженная Катя, напротив, выглядела намного моложе своих пятидесяти двух.

— Борщ или окрошку? Говядину или курицу? — спрашивала повар у подходящих к стойке женщин.

Дарья выбрала борщ и говядину, Катя то же самое. Они вернулись с подносами к своему столу, на котором в плетеной корзиночке лежали два кусочка черного хлеба и два крошечных пирожных. За едой разговор пошел о правильном питании.

— А я в Интернете клип такой смотрела о здоровье и продуктах, — сказала Катя. — Там говорится, что некоторые фрукты и овощи очень похожи по форме на наши внутренние органы, для них же и полезны. Например, грецкий орех напоминает по форме полушария мозга, и всем известно, что орех хорош для деятельности серого вещества. Срез моркови похож на глаз, будто зрачок и радужная оболочка, поэтому этот овощ улучшает зрение. Сельдерей немного схож с костями и восстанавливает их структуру. Виноград по форме как сердце, фасоль — как почки, имбирь — как желудок. А апельсины, грейпфруты и лимоны — как женские груди.

— Дыни и арбузы — тоже как груди, только очень большие, — улыбнулась Дарья. — Прямо-таки «божественная аптека» получается.

— Точно! А вот яблоки Бог есть не велел, это от лукавого.

— В оригинале были фиги, иже с ними фиговый листочек. Яблоки — это особенности перевода с адаптацией для тех местностей, где не произрастает инжир, — возразила Дарья и с выражением добавила: — Бог создал картошку, а Дьявол придумал чипсы!

Собеседницы уже поели и несли свои подносы на большой стол, стоящий у входа в кухню, когда раздался громкий и раздраженный голос Жанны, только что получившей свой обед:

— И это все? Что за порции? Для детского садика, что ли? К мясу даже гарнира нет! Я сюда приехала худеть, но не голодать!

— И даже бисквитный торт к сладкому чаю не подают, — тихо прокомментировала Даша, выходя из столовой.

До лекции доктора Швеца оставалось чуть меньше часа, и в это время можно было погулять. Она взглянула на наручный браслет, показавший, что сегодня она прошла всего-то чуть больше трех тысяч шагов, а полдня уже миновало.

Приобретение и ношение фитнес-браслетов, отображающих время, количество пройденных шагов и потерянных калорий, было обязательным для всех пациенток клиники. По желанию и возможности можно было выбрать гаджет с дополнительными функциями, к примеру, измерение пульса и давления, или возможность слушать музыку.

У Дарьи в браслете был цифровой диктофон, она любила записывать живые диалоги с интересными собеседниками, о чем им было вовсе не обязательно знать. Во время обеда она уже успела незаметно зафиксировать оригинальные соображения Кати о пользе разных овощей и фруктов для тех или иных органов человека. А теперь предстояло часа три подряд слушать лекцию Александры Швец, заранее зная все, что будет сказано, и в какой последовательности это произойдет. И журналистка решила сосредоточиться на реакции слушающих. Ее затемненные очки с диоптрией позволяли наблюдать за людьми незаметно, поскольку было сложно определить, на кого именно она смотрит.

Вспомнилось, недавно она прочла, что солнцезащитные очки из дымчатого кварца были изобретены в Китае еще в двенадцатом веке и были тогда профессиональным аксессуаром судей. Назначение окуляров заключалось в том, чтобы скрывать выражение лица представителей Фемиды при допросах и казаться беспристрастными.

Когда они с Катей вошли в небольшой зал с расположенными в нем полукругом двенадцатью стульями, доктор Швец уже подключила ноутбук к настенному экрану, и сейчас на нем светилась надпись: «Правильное и полезное питание — долгая и здоровая жизнь». Александра, легко стоящая на высоких каблуках в элегантном синем платье, приветствовала входящих в зал и рассаживающихся женщин, перед каждой из которых на выдвинутой полочке лежали блокнот и ручка.

Дарья села рядом с Катей, открыла свой блокнот и записала: «Немного важного о себе и лишнего о других». Она понимала, что перечислить свои регалии, рассказать об опыте работы и достижениях своих пациенток кандидат медицинских наук Швец была просто обязана. Но когда Александра начинала перечислять своих именитых преподавателей и наставников, профессоров и главврачей, журналистке это казалось излишним и отвлекающим от основной темы.

Наконец о себе и своем пути в медицине под руководством светил науки доктор Швец уже рассказала, и на экране появились таблицы и диаграммы.

— Ожирение — это серьезная болезнь, ставшая в последние годы уже эпидемией. В России более шестидесяти процентов женщин и половина всех мужчин старше тридцати лет страдают от избыточной массы тела. Эта глобальная проблема затронула и детей, каждый десятый наш ребен-

нок с лишним весом. Выбор еды, досуг и образ жизни невозможно изменить в мировом масштабе, поэтому каждому придется спасать свое здоровье самому...

— Полные люди страдают от варикоза, заболеваний позвоночника и суставов. Каждый день их сопровождают одышка, неповоротливость и утомляемость. Им грозят сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, импотенция и бесплодие. Увеличивается риск смерти от инфарктов и инсультов, занимающих первое место среди причин смертности, — уверяла диетолог. — Большинство людей с лишним весом находятся на стадии преддиабета, то есть, диагноз «диабет» им еще не поставлен, но этот процесс может развиваться годами, прежде чем произойдет сбой, и клетки поджелудочной железы перестанут самостоятельно вырабатывать инсулин. Диабет чреват такими страшными последствиями, как слепота и ампутация конечностей.

После этих слов лица всех дам приняли озадаченное, а у кого-то и тревожное выражение.

Часто я задаю вопрос: «Считаете ли вы, что едите мало?» И процентов восемьдесят пациентов отвечают: «Да». Люди путают слово «мало» со словом «редко». Мало — это тарелочка пятнадцать сантиментов в диаметре, содержимое которой человек ест три раза в день. Но у полных людей питание неправильное. По утрам чашка кофе, в обед два бутерброда и десять конфет или печений, а вечером полный комплексный обед: первое, второе, третье и компот с булочкой. А человек недоумевает: «Разве я много ем? Да я почти весь день ходил голодным».

Человеку необходимо питаться для того, чтобы жить, двигаться. Но во многих семьях привит культ по приему гостей и питанию домочадцев. И для некоторых людей еда становится не средством к существованию, а его единственным смыслом. Так что причина лишнего веса — не наследственность, а переедание.

В старину слово «худеть» ассоциировалось с понятием «худо», то есть, плохо. Поэтому современные психологи не рекомендуют использовать термины «похудеть» или «потерять килограммы». Лучше использовать фразу «Я хочу избавиться от лишнего жира и быть стройным». Однако у некоторых есть и другая крайность — стремление бесконечно худеть, доводя себя до анорексии.

Жить с нормальным весом совсем не сложно. При этом не стоит голодать и сидеть на «волшебных» и изнурительных диетах. Иначе вы все равно сорветесь,пуститесь «во все тяжкие» и снова вернете килограммы жира, потерянные с таким трудом. Поэтому не надо отказывать себе в любимых блюдах. Есть можно все но. в умеренных количествах. Мои авторские

методики коррекции веса и рационального питания я применяю уже более пятнадцати лет, за эти годы сотни моих пациенток избавились от десятков лишних килограмм...

— А можно небольшой перерыв? — вдруг громко спросила Даша. — В таких количествах даже самая ценная информация начинает плохо усваиваться.

— Да, конечно, — охотно согласилась Швец. — Сейчас организуем кофе-брейк, сегодня он заменит вам полдник или послеобеденный перекус, а потом я отвечу на ваши вопросы.

Дарья с видимым облегчением поднялась и пошла к двери, Катя двинулась за ней следом.

Когда они снова вернулись в зал, на столике у окна закипал электрический самовар, рядом с которым стояли маленькие кофейные чашечки и покрупнее — для чая. Повар Вера расставляла блюдечки с творожной запеканкой. Дарья взглянула на пышные кусочки с румяной корочкой, вздохнула, насыпала в маленькую чашечку ложку растворимого кофе, залила кипятком и снова отправилась на улицу.

После перерыва доктор Швец отвечала на вопросы пациенток клиники.

— У нас, что, всегда будет такой жиденький обед? — первой спросила Жанна.

— Да. Всегда. В советские годы диетологами были разработаны комплексы питания, в которые обязательно входили первое блюдо, второе и компот. Такие обеды в те времена были актуальны для людей физического труда — рабочих и колхозников, которые с утра трудились на заводах и в полях и нуждались в большом количестве калорий для восстановления сил. В принципе, после одного обеда в этот день можно уже больше ничего не есть. Но до сих пор этот комплексный набор блюд предлагают в кафе во время бизнес-ланчей и на обедах в санаториях тем, кто физическим трудом не занят. Есть такая закономерность: чем больше ты съешь за один прием пищи, тем сильнее через несколько часов у тебя разыграется аппетит. После обильной обеденной трапезы возникает резкий приступ голода в вечернее время. Так что на обед надо выбирать какое-то одно блюдо, а если их все же несколько, то порции должны быть минимальными. Поэтому от комплексных обедов лучше воздержаться. Ваш дневной рацион строго сбалансирован и составлен таким образом, чтобы продукты были полезными, питательными и низкокалорийными.

— А хлеб тогда дают зачем? — не унималась Жанна.

— Исключение хлеба с целью похудеть не имеет смысла. Полезные углеводы не делают нас толще, а отказ от них не приводит к стройности.

При правильном питании углеводы должны составлять половину дневного рациона.

— А что делать, если неприятности хочется заедать? — подала голос Катя.

— Ешь хоть каждую ночь по тортнику с коробкой конфет, горю это не поможет, — строго произнесла Швец. — Так что лучше повышать уровень «гормона счастья», проводя время на свежем воздухе. При депрессии это дает положительные результаты.

— А что, сахар и соль действительно «белая смерть»? — раздался веселый голос Нинель, и Дарье показалось, что веселость эта какая-то наигранная. — Сколько можно их съесть, чтобы не навредить организму?

— Безопасно для здоровья потреблять не более пятидесяти грамм сахара в сутки. Но наш современник съедает до двухсот, то есть, в четыре раза больше, чем нужно. Имеется в виду сахар не только в чистом виде, но и в соках, компотах, различных блюдах. Учтите, что сахар есть даже в лимоне. Что же касается соли... Взрослому человеку в сутки необходимо примерно пятнадцать грамм соли. Специалисты ориентировочно подсчитали, что в продукты, составляющие средний суточный рацион человека, входит около десяти грамм соли. Следовательно, на подсаливание блюд остается пять, это примерно половина чайной ложки. Любое блюдо может быть вкусным и без избытка соли и масла...

Тут дверь в зал распахнулась, и вошел доктор Андрианов:

— Здравствуйте, дамы! Вы не слишком замучили Александру своими сложными вопросами?

— Это она нас замучила своими умными ответами, — позволила себе едкую реплику Дарья, у которой не осталось никаких сил сидеть на одном месте и в десятый раз слушать одно и то же.

— Ну, тогда поблагодарим доктора Швеца аплодисментами, а я расскажу вам о некоторых правилах нашего с вами общежития и распорядке дня, — и он принялся растолковывать «клинические» порядки.

Марина не сводила с Андрианова восхищенных глаз, так смотрят на любимого учителя, или — мужчину. Не в этом ли причина того, что Дарькина решила приехать в клинику и постройнеть? Шансы завоевать его у нее были: она — миленькая, а он вдовец.

Выходя из зала и направляясь на ужин, Даша услышала за своей спиной звонкий голос Нинель:

— Ну ладно, без сладкого еще как-то можно обойтись. Но как это соленое не есть? А если все кажется пресным и невкусным, что делать? Я даже когда дома сама готовлю, все равно во время еды обязательно сыпану в тарелку соли, а уж в гостях — особенно.

— Попробуй убрать солонку со стола, — посоветовала Дарья.

Ты останешься в сердце моем

На второй день пребывания в клинике Марина постучалась в дверь Дашиной комнаты и, осторожно приоткрыв дверь, участливо спросила:

— Ты завтрак проспала?

— Заходи. Не проспала, просто никогда не ем с утра. А что вам подавали?

— Овсяная каша, бутерброд с красной икрой. Чай, кофе.

— Звучит аппетитно.

— Съедается с удовольствием, — улыбнулась Марина и предложила: — Пойдем гулять!

— Пошли, — кивнула Дарья, щелкнула мышкой, выключая ноутбук и принялась обувать кроссовки.

— А я тебя от работы не отвлекаю?

— Всего не переработаешь. У меня сейчас не так много текстов, к тому же вчера сидела до полуночи, так что обязательно надо пройтись.

Они вышли из корпуса, и Марина сообщила:

— А я вчера после ужина фильм прикольный смотрела в нашем зале. Там девушка познакомилась с парнем на сайте знакомств и пошла на свидание, но оказалось, что случайно встретилась совсем не с тем, с кем переписывалась и тут начинается комедия ситуаций.

— Да уж, эти сайты таят столько комедий, что порой остается только хохотать, чтобы не расплакаться.

— А ты тоже знакомилась по Интернету? — с удивлением спросила Марина.

— Конечно, сто раз.

— Странно. Я думала, что ты такая красивая и умная, мужики и так на тебя липнуть должны.

— Так и есть. Вернее, так было еще лет десять назад. Но поклонники, подходящие мне сейчас по возрасту, изрядно постарели и обленились, вот и сидят на сайтах.

— А сейчас у тебя есть любимый мужчина?

— Он у меня всегда есть. Нынешний уже четыре года как любимый. Хотя это такой человек, что может внезапно исчезнуть и запросто вернуться.

— Надолго? — встревожилась Марина.

— На неделю, месяц, полгода...

— Ничего себе. И ты его ждешь?

— Нет, конечно, в окошко не выглядываю — я не Пенелопа, — ответила Дарья, стараясь говорить как можно равнодушнее. — Как только мужчина исчезает больше чем на месяц, выхожу на сайт и набираю себе массу поклонников, с которыми провожу время в кафе и на прогулках. Узнаю множество интересных жизненных историй. Судьбы-то у всех разные, как

и характеры. С некоторыми умными мужиками мы потом остаемся друзьями, переписываемся, перезваниваемся. А потом опять появляется Он, и все мои поклонники вдруг сами по себе отваливаются, как-то растворяются в пространстве.

— Но он же манипулятор! Исчезает, появляется, — возмущенно сказала Марина. — Я читала, что Фрейд прятал погремушку ребенка, а потом подбрасывал ее и наблюдал за малышом. В результате психоаналитик пришел к выводу, что ничто не доставляет такую радость как возвращение потерянной вещи. Так же поступает и твой мужчина. Ну не только твой, а многие. Он исчез, а ты страдаешь, испытываешь горечь разлуки, ощущение потери и не знаешь, найдется ли любимая пропажа. И когда ты уже оплакала его и мысленно простилась, он выскакивает как черт из табакерки: «А вот он, я»!

— Я понимаю, что это манипуляция, но, скорее, не умышленная. Когда мужчине комфортно — он общается с женщиной, но если что-то случилось — он прячется, как улитка, в свой домик. Ему легче пережить проблему одному.

— А вдруг он однажды опять исчезнет и больше уже никогда не появится? Такое же может быть?

— Конечно. Когда-нибудь именно так и случится, — философски согласилась Дарья.

— И что тогда будет с тобой?

— Грустно будет. Но он останется в сердце моем.

— Ой, Даша, это все только красивые слова. Но они совсем пустые!

— Все нет, — возразила Дарья. — Я раньше тоже так считала. Но жизнь доказывает обратное... Расскажу тебе одну историю. Еще во время первого моего брака, который превратился в исполнение договора по совместному воспитанию ребенка, была у меня великая Любовь по имени Сережа. Он тоже в то время был женат, но страсти у нас кипели нешуточные — со слезами и стихами, бурными ссорами и горячими примирениями. Потом я называла наши отношения «пять лет любви, два года расставаний». И вот когда уже отношения совсем сходили на «нет», он мне сказал: «Ты навсегда останешься в сердце моем». И я тоже тогда с отчаянием подумала, что это пустые красивые слова, произнесенные только для того, чтобы смягчить боль от предстоящей разлуки. Ведь мужчины не хотят быть виноватыми в разрыве, они боятся покинуть женщину, ибо знают, как опасны обиженные женщины...

Но прошли долгие годы, мы иногда пересекались, даже сидели вместе в кафе: я со вторым мужем, он со второй женой... Потом он жил уже в Туапсе, и когда я приехала на фестиваль прессы в Ольгинку, то позвонила ему. И он подъехал, там же недалеко совсем. Выпили в моем номере на

балконе, как в былые времена. Я сказала, что до сих пор храню все стихи, которые он писал мне карандашом на листочках. Он просил передать их ему, но я возразила, что он все растеряет, а у меня они будут храниться всегда. А он повторил ту самую фразу, только теперь уже в настоящем времени, а не в будущем: «Ты навсегда осталась в сердце моем».

Наша последняя встреча произошла в Туапсе, через пару месяцев после тех посиделок на балконе. Я ехала к друзьям в Сочи на «Ласточке» и заранее предупредила об этом Серегу по телефону. Электричка стояла в Туапсе десять минут. Он пришел на перрон, и я отдала ему ксерокопии всех его стихов. Большая такая пачка была. Постояли, пообнимались, и я вернулась в вагон. А еще через несколько месяцев друзья-журналисты сообщили мне по телефону, что он умер. Тромб... Сереге было пятьдесят два года, у него осталась сорокалетняя вдова и пятилетний сын. А я снова была в разводе, и у меня уже был мой нынешний Любимый. И я поняла, что Серега навсегда останется в сердце моем... Просто людьми надо быть, Мариша! Помнить надо не то плохое, что случилось, когда расставались с любимыми, а то лучшее, что было у вас в этих отношениях.

Даша резко поднялась с лавки, и они отправились дальше по тропинке накручивать шаги. Марина последовала за ней и долго молчала, обдумывая непростой для ее понимания рассказ, а потом сказала:

— А знаешь, ты, наверное, права! Моя первая любовь тоже навсегда осталась в сердце моем. Правда, что толку-то... Думаю, он был моей судьбой, потому-то другой у меня и нет. Утонула моя судьба!

— Как это случилось? — спросила Дарья, не понимая, в прямом смысле произнесла последнюю фразу Марина, или в переносном.

— Мы с Сашкой еще со школы встречались. Я тогда худенькая была, а талия такая тоненькая, что мама говорила: «Не начнешь питаться как следует, пополам переломишься!» Потом я в институт поступила, а он в армию ушел. Я его ждала, письма почти каждый день строчила. Сейчас уже не помню, о чем, наверное, о всякой девичьей ерунде. Когда он вернулся весной, я была на третьем курсе. Решили осенью пожениться, родители, и его, и мои, начали к свадьбе готовиться. А в июле мы поехали компанией на море. Он с другом, и я с подружкой. Море штормило так, что никто не купался, и мы сидели вечером на базе, сняли там домик на две комнатки.. А потом мужчины решили немного прогуляться. И больше мы их не видели... Сашку на следующее утро нашли, а друга его только через три дня выловили. Я долгие годы все думала, ну зачем, зачем они в воду полезли?.. Дарья, которая предпочитала плавать вдоль побережья, чтобы иметь возможность в любой момент встать на ноги и передохнуть, но уже после кружки пива легко и бездумно заплывала за буйки, грустно сказала:

— Наверное, и правда, судьба.

— Ну да. Верка уже через год замуж выскочила. А я так ни разу и не сходила.

— А кто отец твоей Настеньки?

— Это я так родила, от женатого мужчины. После того как мне тридцать исполнилось, мама стала бесконечно напоминать, что останусь без детей. Ну я и завела роман с одним симпатичным мужчиной, у которого были три сына. Мне так мальчика хотелось, и я рассудила, что они у него хорошо получаются. А получилась девочка, — рассмеялась Марина.

— А он знает?

— Да. Я, как забеременела, решила все ему рассказать. Ни на что не претендовала, просто поставила в известность. Имеет же он право знать, что у него будет еще один ребенок. И я совсем не ожидала, что он так серьезно к этому отнесется. А он из роддома нас забрал с букетом, кровать заранее купил. И сейчас иногда заходит, подарки Настеньке дарит, денег по возможности приносит. Между нами ничего нет, это понятно, и годы прошли, и я так растолстела, что как женщина больше его не интересую, но ребенок папу знает.

— Ну, вот похудеешь тут и все же сходишь замуж, — улыбнулась Дарья.

— А твой нынешний Любимый — тоже по Интернету? — поинтересовалась Марина.

— Ага, — рассмеялась Даша приятному воспоминанию. — Это очень длинная и занятая история. Потом как-нибудь расскажу.

Но она знала, что никогда никому не расскажет...

— Как его зовут, этого твоего мужчину?

Обоих Дашиных мужей звали Андрееями, и вот третий кандидат на эту должность с таким же именем! Это было уже перебором, поэтому он стал для нее Егором, по аналогии с его фамилией.

— У него много имен, каждый день новое, смотря по обстоятельствам, — загадочно улыбнулась Даша и, взглянув на свой браслет, объявила: — Все! Есть десять тысяч шагов. До обеда можно расслабиться.

— Интересно, насколько быстро мы начнем сбрасывать килограммы, если каждый день будем столько ходить?

— Сбрасывать? — удивленно спросила Дарья и жестко добавила: — Набирать! Десять тысяч шагов — это всего лишь семь километров, мы их проходим примерно за полтора часа и сжигаем за это время всего-то четыреста калорий.

— Так что же, мы не похудеем? — испуганно спросила Марина.

— Быстро худеет только кошелек. Но мы, конечно, постройнеем. Кстати, ты сегодня уже в бассейне плавала?

— Да, еще до завтрака. Я рано встаю, поэтому и записалась на восемь утра. А две Алены к этому времени уже отплавали. Они вообще с рассветом поднимаются.

— А что ты можешь о Майе сказать? Вы за столом сидите вместе, что она о себе говорит?

— Ничего особенного. Иногда о школе и учениках, иногда о своих сыновьях. Скучает по ним. Но... — Марина задумалась и неуверенно продолжила: — Знаешь, мне кажется, что-то не в порядке у нее в семье. Обычно, когда грустишь по близким, это называется «печаль моя светла». А у нее печаль мрачная какая-то, тягостная.

— Интересное наблюдение, — улыбнулась Даша. — Ну, спасибо за компанию. Пойду в бассейн. Может, вечером еще пройдемся?

— Обязательно.

Как разводят лохов и заводят друзей

Дарья вошла в столовую с целлофановым пакетом, в котором лежали мокрый купальник, шапочка и очки для плавания. Повесив пакет, который не было времени отнести в палату, на спинку своего стула, она двинулась к раздаточной стойке. Повариха наполнила большую тарелку, разделенную на три неравные части. На половине — винегрет, на двух четвертушках — гречка и кусочки тушеной индейки. Все по правилам здорового питания.

Пока Дарья шла к своему столу, до нее донесся монолог Татьяны Николаевны, которая довольно громко втолковывала сидящей напротив Оксане:

— И вот итог. Младшая дочь растит своих детей с единственным мужем. А старшая два раза замуж выскакивала, а сейчас одна двух своих дочек тащит. Кроме того, она консерваторию окончила, кандидат наук, искусствовед, а чем занимается? С фотоаппаратом бегает! Где это видно? Она всегда была неудачницей.

«О, началось пережевывание Юлькиных косточек, — подумала Даша. — Впрочем, судя по тому, с каким кислым выражением лица слушает авторитарную даму Оксана, то не началось, а уже давно продолжается».

И она оказалась права.

— Удачница, неудачница! Детей надо любить такими, какие они есть, а не недостатки вечно выискивать! — Оксана поднялась и, резко отодвинув свой стул в сторону, направилась к выходу, едва не столкнувшись с идущей ей навстречу Катей.

— Что происходит? Я что-то пропустила? — весело спросила Катя, сядя напротив Даши.

— Кажется, Оксана с Татьяной Николаевной не сошлись во мнении по поводу воспитания детей.

— О, это серьезный повод для разногласий, — рассмеялась Катя.

После ужина Дарья сидела в своей комнате за ноутбуком, когда через наушники услышала стук. Она быстро закрыла файл, который назвала «Утонувшая Судьба», и пошла открывать дверь, которую запирала во время расшифровки аудиофайлов во избежание нежелательных свидетелей.

— Мы пойдем на прогулку? Ты вроде предлагала... Или я тебя отвлекаю? — стоя на пороге комнаты, спросила Марина.

— Пойдем. Хватит на попе сидеть и глаза портить!

Дарья обулась, заперла дверь на ключ и пошла вслед за новоиспеченной подружкой к выходу из здания.

— А ты мне расскажешь про других мужчин, с которыми ты по Интернету знакомилась, ну, кроме Любимого? — попросила Марина.

— Это было примерно так. На фото в Инете — высокий плотный мужчина, мне такие нравятся. В анкете значится, что он профессор, преподает юриспруденцию, а намерения в отношении будущей избранницы у него самые серьезные.

Мы несколько раз созвонились, поболтали, потом договорились встретиться в два часа дня в центре города. При живом визуальном контакте он показался мне мягкотелым и мешковатым. Сразу же достал из целлофанового пакета книжку, предупредив, что не дарит мне ее, а просто дает посмотреть. Книга юридическая, на обложке его фото и фамилия — Михаил Зубович. Это, дескать, вместо паспорта, как доказательство того, что не авантюрист какой-нибудь. Я, конечно, подумала, что вообще-то авантюризм — это моя стезя, и пусть не примазывается. Потом профессор вручил мне крошечную жалкую розочку. Я восхищенно поблагодарила и почти раскланялась. Предложил пойти в китайский ресторан, но тут же уточнил, что после бани застудил нерв на ноге и теперь хромает. И не лучше ли пойти к нему? Его дом в двух шагах, и у него замариновано мясо кролика. Почему же не пойти? Интересно было узнать, как мужик живет, да и кролика давно не ела. Жил профессор, по моим понятиям, довольно жалко, я бы даже сказала, убого. Однокомнатная квартирка в хрущевке на втором этаже, обстановка спартанская. Налил мне шампанского, запек в духовке кусочки кролика. Вполне съедобно. Поели, потом поболтали, а когда он перешел разговор на музыкальные телепрограммы и стал их обсуждать, я уже откровенно заскучала и стала прощаться. Вот так и закончилось это свидание. Профессор потом еще долго писал, звонил, но встретиться еще раз так и не уговорил... Ну, уж очень скучный был человек, — заключила

Дарья и замолчала, вспоминая продолжение того вечера, о котором она никак не могла рассказать Марине.

Она вышла из квартиры профессора, умышленно забыв подаренную им розочку, и тут ей позвонил Александр, с которым они переписывалась на сайте, но еще не встречались. Даша знала, что мама у него была русской, а отец армянином, и семья постоянно жила в Ереване. По образованию Саша филолог, но сейчас работает в фирме по продаже электроинструментов. В Краснодар он окончательно перебрался год назад, после того, как похоронил жену, с которой они приехали на Кубань начинать новую жизнь на новом месте, но вскоре расстались по воле Судьбы.

Александр предложил приехать в его компанию на шашлык, сказал, что только дрова разгорелись, назвал адрес, попросил вызвать такси и приехать. Уже стемнело, но Дарья, которая под парами шампанского и в предвкушении новых приключений уже успела догулять до Вечного огня у Всевяцкого кладбища, вызвала такси.

Странности начались сразу. Машину пообещали подать через пять минут, но уже через минуту рядом с ней остановилась белая Лада-приора с шашечками. Звонка о том, что такси подъехало, не было, но водитель открыл дверцу и спросил:

— Вы вызывали такси?

— Я. — Дарья села на переднее сидение и удивилась тому, что водитель спросил, куда едем. — А вам что, в службе не назвали адрес?

— Не записал.

Она сообщила номер улицы и дома, и буквально через десять минут они въехали в узкий темный проулок. В этот момент зазвонил ее телефон, и оператор службы такси извинилась за то, что машину найти не удалось. Даша заплатила водителю и выскочила из машины, которая тут же уехала. Вокруг одни глухие заборы, и никакого освещения. Тогда она выбрала подсказку «звонок другу» и набрала Ларкин номер.

— Лар, слушай, тут такое дело. Я с мужиком познакомилась, отправилась к нему на свидание, куда-то приехала и вот... Полная темень, заборчики какие-то...

— Куда-то приехала — это куда? — строгим голосом уточнила капитан полиции.

— Ой! Я адрес таксисту сказала, и тут же забыла. Улица имени какого-то художника. Кажется, Репина.

— Ну, тебя и занесло! Это же черти где.

— Или Брюллова?

— Нет такой улицы в нашем городе. Даша! Ты сейчас будешь перечислять фамилии всех известных тебе художников или просто посветишь телефоном на забор и прочитаешь адрес с таблички вслух?

Леденева послушно посветила и прочитала.

— В общем, так, если я тебе через пять минут позвоню, а ты не ответишь, я вызываю на этот адрес патруль. А если скинешь звонок и ничего не скажешь, я вызываю ОМОН, — пригрозила подруга.

Дарья набрала номер Саши, сообщила, что подъехала, и калитка вскоре распахнулась. Высокий мужчина в белом джемпере и кожаной куртке попенял на то, что она отпустила такси и сама расплатилась за проезд, и предложил ей проходить. Они обошли одноэтажный домик, за которым под тусклым светом фонаря у дымящегося мангала стояли двое мужчин.

— Арсен, — представился один из них.

— Махран, — отозвался второй и широко улыбнулся.

Дарья безошибочно опознала в черноволосом белозубом парне сирийца и прикинула, удастся ли незаметно нажать на лежащем в кармане плаща телефоне номер последнего вызова. Похоже, тут нарядом патрульно-постовой службы не отделаешься, точно нужен ОМОН.

В этот момент открылась дверь домика, и полная блондинка предложила ей зайти.

— Я Лена, сестра Арсена, — представилась она.

Даша шагнула через порог и попала в свет, тепло и сигаретный дым. Курила черноволосая стройненькая казачка лет тридцати.

— А это Наташа, девушка Арсена, — представила женщину Лена и рассмеялась. — Сейчас еще приедет подружка Махрана Оксана. Она обещала привезти нам уголь для мангала. Но что-то никак не приедет. Наверное, разгружает вагон с углем. А ты с нами посидишь или с мужчинами постоишь у костра?

Дарья предпочла выйти на улицу, и женщины предложили ей сменить легкий плащ на теплую дубленку. Она переоделась, переложила сотовый в карман дубленки и вышла во двор, и тут раздался звонок. «Наша служба и опасна, и трудна», — запел телефон.

— Оперативная обстановка спокойная, — машинально отозвалась Даша на Ларкин звонок условной фразой, чем вызвала взрыв хохота у Саши и Арсена.

Махран, который тогда еще плохо знал русский язык, ничего не понял, но рассмеялся вслед за друзьями.

— Ты что, подстраховалась? Ты что, меня боялась? Ты что, дурочка? — ласково спрашивал Саша.

Потом он часто задавал ей последний вопрос по самым разным поводам.

К тому моменту, когда в комнате был накрыт стол, и Арсен торжественно внес кастрюлю с тремя видами жареного мяса, приехала светленькая и худенькая Оксана, молчаливая девушка без тени косметики на лице.

Махран побежал к ее машине, чтобы забрать мешок с углем, без которого уже прекрасно обошлись.

К полуночи было выпито три бутылки водки, и компания перетанцевала с десяток танцев под мелодии «Дискотеки восьмидесятых». К двум часам ночи и еще после пары бутылок они перепели все известные им песни из советских мультфильмов. После того, как во второй раз отзвучало «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету», Дарья попросила вызвать ей такси.

Они ехали в машине вместе с Александром, он жил на несколько трамвайных остановок дальше от домика своих друзей, чем она. Сначала он упорно зазывал к себе в гости на кофе с тортиком и огорчился ее решительным отказам, а потом откинул голову на сидение и тихонько заснул. Когда Дарья вышла из машины у своего подъезда, таксист взмолился:

— Мне не нужен этот пьяный пассажир!

— Мне тоже, — рассмеялась она.

Вообще-то Саша как мужчина ей понравился, он был романтичным, ироничным и начитанным, да и внешностью отличался привлекательной. Она знала, что тоже нравилась ему как женщина. Но он слишком скорбел по своей умершей жене, и во время их посиделок за рюмкой коньяка в его кухне часто рассказывал о ней. Какая она была красивая, какие эксклюзивные вещи ему шила, и как он повез ее в Ереван за несколько дней до смерти, решив, что лучше она полетит проститься с родственниками еще живой, чем ему придется доставлять на родину гроб с телом...

А Дарья жалела неизвестную ей ереванскую красавицу и одинокого в Краснодаре Сашку и думала, что больше никогда не станет знакомиться с вдовцами. Умершие спутницы стоят у них на недостижимом для всех остальных претенденток на их сердца пьедестале. Может, не так уж велики шансы у Марины Дарькиной завоевать доктора Андрианова? Если она, конечно, действительно этого хочет.

Сама Даша тогда грустила по Любимому мужчине, в очередной раз исчезнувшему из ее жизни, хотя ничего о нем Саше не говорила. В общем, любовные отношения у них так и не завязались. Зато разномастной интернациональной компанией они собирались довольно часто, как по поводу, так и без оного.

Журналистка вникала во все миграционные перипетии своих иностранных друзей и пыталась хоть чем-то помочь, где юридическим советом, где телефончиком нужного человека. Лена никак не могла получить гражданство, хотя и официально работала в России уже двенадцать лет, Арсен — подтвердить в краснодарском Медицинском университете диплом врача-рентгенолога, полученный в Ереване. Махрану, оформлявшему пока только вид на жительство, нужна была регистрация, и Дарья прописала его

в своей квартире. Он был страшно благодарен и искренне переживал, что у нее могут быть неприятности.

Когда они пришли в здание полиции на оформление регистрации, сотрудник паспортно-визового отдела грозно предупредил, что участковый будет периодически наведываться и проверять, действительно ли гражданин Сирии проживает по краснодарскому адресу.

Дарья только посмеивалась, она прекрасно знала, что уголовная ответственность грозит владельцам «резиновых квартир», если в них прописаны десятки иностранцев. Сама не раз писала об этом статьи. Доказать же, что один парень не живет там, где прописан, практически невозможно. Тем не менее, когда компания собиралась у нее дома, она фотографировала Махрана и приговаривала:

— Это для участкового. Вот Махран смотрит телевизор на диване... Вот он чинит стул... Вот он варит кофе...

Как-то Махран тоже собрал друзей в своей съемной квартире. С хозяином он договорился, что живет бесплатно, но делает за свой счет ремонт. Когда он его закончил, Дарья отметила, насколько профессионально парень выложил кафель и как аккуратно наклеил обои. А сделанные своими руками из подручного материала тахта с выдвигаемыми ящиками, книжные полки и обеденный стол вызвали одновременно и восторг, и жалость. Сирийскому врачу-хирургу получить право практиковать в России в ближайшее время вряд ли удастся, а пока этот специалист, покинувший родину из-за войны, вынужден зарабатывать на жизнь ремонтными работами и массажем в косметическом салоне.

В тот день позже всех пришла девушка Махрана. Пока она снимала пальто в прихожей, наблюдавшая за ней из кухни Дарья подумала: «Оксанка немного похудела, даже моложе выглядеть стала».

Девушка вошла в кухню и сказала:

— Здравствуйте, я Оля.

И Дарья в очередной раз поразилась, как мужчины умудряются находить себе новых подружек, которые являются точными копиями предыдущих. Оля была такой же светленькой, стройной и молчаливой, как и ее предшественница. Выяснилось, что познакомились они с Махраном в косметическом салоне, где вместе работали.

Куда подевалась Оксана, Дарья уточнять не стала. Но когда обсуждалось открытие клиники «Стройная жизнь», она предложила доктору Андрианову взять Махрана и Ольгу на работу. Свободные от семейных обязательств и не имеющие особых амбиций врач и медсестра оказались здесь как нельзя кстати, они прекрасно справлялись со своими обязанностями и легко вписались в небольшой коллектив.

Пружинисто шагая по тропинке, Дарья настолько глубоко погрузилась в свои воспоминания, что не сразу отреагировала на очередной вопрос, который задала ей Марина:

— Ну, ладно, занудный и мягкотелый профессор тебе не понравился. А как насчет того поклонника, который тебя возил в рестораны и на кино-премьеры на ленд-круизере «Прадо»?

— Так он же старый! Он на десять лет старше меня!

— Ну, говорят, что богатые мужчины старыми не бывают, — лукаво заметила Марина.

— Еще как бывают! У этого мужчины такая тоска в глазах, что он сам себе скучен. Представь, брат-миллионер ему подарил годовой абонемент на фитнес, а он всего два раза за год туда съездил. Есть возможность выезжать за границу — а ему неинтересно. Понятно, что о сексе речи тоже быть не может. Так что он раньше годился только как сопровождающий на мероприятия и платящий по счетам, а сейчас только изредка перезваниваемся. Ему уже и жить лень!

— А любимый мужчина? Он не старый?

— Он тоже старше меня. На целую неделю. Но это как-то можно пережить, — рассмеялась Дарья.

И было утро...

На следующее утро после покушения на Оксану Дарья, как обычно, проснулась от звуков шагов и голосов, хлопающих дверей и льющей воды. Пациентки клиники собирались на завтрак. Журналистка встала с кровати, взглянула в увеличивающее настольное зеркало и неодобрительно покачала головой своему изображению. Косметику она ночью из-за треволнений и бесконечной беготни стереть забыла, и вот результат — на лице следы от размазанного темно-коричневого карандаша. Она нанесла на ватный ролик средство для снятия макияжа, потерла под глазами и включила керамическую электрокофеварку.

Все знали, что Леденева на завтрак не ходит и пьет по утрам в одиночку кофе, но никто не подозревал, что у нее имеется рафинированный сахар и пластиковая упаковка порционных сливок, иначе ничему этому не бывать. Вечно голодные сластены эти вкусные припасы непременно выпросили бы и уничтожили. А ей без них никак нельзя. Ну, что поделаешь, если есть до полудня совершенно не хочется, но без порции глюкозы и кофе со сливками мозг не просыпается!

Сварив кофе, Дарья вышла на крыльцо вслед за уходившими по тропинке в сторону столовой женщинами, присела на лавку и закурила. У нее есть, по крайней мере, сорок минут до тех пор, пока кто-то из худеющих

не вернется в жилой корпус, и за это время надо успеть основательно пошарить в комнате Оксаны. Конечно, опытные опера учили, что на полноценный обыск одной комнаты должно уходить не менее четырех часов, но речь шла о жилых квартирах, в которых за долгие годы накапливается уйма полезных вещей и горы никому не нужного хлама. Тогда как в казенной клинике, куда пациентки прибыли с парой дорожных сумок, а то и вовсе с одной, искать особо негде и нечего.

Занеся чашку в свою комнату, женщина с криминальным мышлением на всякий случай заперла изнутри двери корпуса и отправилась в комнату раненой. Пересмотрела все пузырьки, тубики и баночки у прикроватной тумбочки и в душевой — шампунь, кремы для век, лица, рук. Пошарила в ящике с нижним бельем и в постели, ничего криминального там не нашла и двинулась к шкафу.

Проверила карманы висящих на плечиках спортивной и утепленной курток. В одном из них обнаружила ключ от окна. Интересно, как Оксана его раздобыла, и зачем он ей понадобился? Чтобы вылезти ночью из окна и отправиться навстречу своему убийце? Получается, она все же его знала, и они заранее договаривались о встрече?

Леденева снова извлекла из потайного кармана дорожной сумки ксерокопию паспорта Оксаны, взгляделась в черно-белую фотографию миловидной женщины и подумала, что всего за какие-то полтора месяца — с момента выдачи паспорта самопровозглашенной республики и до сегодняшнего дня — она заметно располнела. Дарья помнила Юлькин репортаж о первых паспортах ДНР, выданных в Донецке, это было в середине марта. Впрочем, женщина ведь могла сняться для нового документа за год, к примеру, за полгода, а набрать за зиму пять-шесть килограмм — не велика задача, такое сплошь и рядом случается.

Пересчитала купюры — пятьсот долларов и тридцать тысяч рублей. Дарья нажала кнопку на ручном браслете и зачитала на диктофон паспортные данные пострадавшей, но потом решила забрать ксерокопию с собой и засунула листы под джемпер. Взглянув на часы, Леденева поспешила в лечебный корпус.

Считалось, что ее время массажа с девяти до десяти утра. На самом деле Дарья, исповедовавшая принцип доктора Швеца: «Хочешь похудеть с массажистом — стань на место массажиста», в это время общалась в социальных сетях и просматривала свою электронную почту. Не доверяя технике, извлекала из медальона флешку и отправляла с одного своего адреса на другой файлы с набранными накануне текстами. Она считала, что в Интернете они хранятся надежнее, чем на жестком диске ноутбука, который может в любое время выйти из строя.

Но сегодня она первым делом все же заглянула в процедурный кабинет.

— О, Даша! Рад на тебя смотреть. Как ты? — поприветствовал ее Махран.

— Я-то нормально, ты скажи, как Оксана.

— Она хорошо. Доктор смотрел утром. Молодец она.

— Пришла в себя?

— Немножко пришла.

— А тебе вчера было страшно?

— Страшно? Зачем? — удивился Махран. — Олег хороший доктор. Резал, шил, все правильно делал.

Даша улыбнулась специфичной разговорной манере сирийца и отправилась в кабинет главврача.

— Олег Викторович, добрый день, — обратилась она к хирургу официально, хотя вошла без стука и без приглашения уселась на стул напротив доктора. — Как там наша больная? Заглянуть к ней можно?

— Не стоит, Даш. Зрелище не для слабонервных. Она вся в дренажных трубках...

— Говорить может?

— Вряд ли. Но она и не хочет.

— Спросить бы ее, кто это с ней сделал.

— Спрашивал, — устало вздохнул Андрианов, на лице которого явно читались следы недосыпания. — Она только отрицательно машет головой. Не видела, не знает. Ни мужчина, ни женщина, ни толстый, ни худой.

— Скорее, просто не хочет признаваться, — предположила журналистка. — Толкнули-то ее на пруты спереди. Даже если это был человек в капюшоне и в маске, она должна была хотя бы по силуэту определить, мужчина это или женщина, и крупный он или стройный. Я думаю, ей есть что скрывать. Вы знаете, что она приехала в Краснодар из Донецка?

— Да? Это имеет значение? Я не видел ее документы, а в Договоре не обратил внимания на паспортные данные, их помощница вносила.

— А обязательно было предъявлять паспорт? Или достаточно ксерокопии?

— Паспорта обязательно проверяли.

— А можно мне посмотреть договора всех пациенток?

— Уже взялась за расследование? Подозреваешь кого-то из них? — понимающе улыбнулся доктор и протянул Дарье папку с файлами. — Изучай.

— Если исключить персонал, которому вряд ли выгодно убивать пациентку, то остается только кто-то из семи женщин. А что вы можете сказать о двух Аленах? Они же были вашими пациентками еще в Москве.

— Нормальные женщины. Добрые, веселые.

— А могли они побывать в недавнее время в Донецке?

— В Доминикану точно летали, а Донецк — вряд ли, это не их направление.

— Татьяну Николаевну, думаю, тоже можно из числа подозреваемых исключить.

— Да уж, она этого точно не делала, просто физически не смогла бы, поскольку еле ходит. Сейчас отпущу ее на волю, пусть катается по территории на коляске и спит у себя в комнате. Жаль, что двигательная активность ей почти недоступна, но хотя бы питание под контролем, так что вес все же понемногу сбрасывать будет.

Любительница расследований не стала сообщать директору клиники о своей догадке, что это Оксана помогла упасть Татьяне Николаевне с лестницы, и, поблагодарив за документы, ушла в выделенный ей в лечебном корпусе кабинет. Включив компьютер, она подключилась к Интернету, вошла на сайт ВКонтакте и написала: «Когда сможешь приехать? Надо срочно поговорить», но тут же стерла второе предложение.

Если Егор во время просмотра сообщения вдруг окажется в дурном расположении духа, то непременно язвительно ответит в стиле: «Кому надо?» И она дописала: «Мне необходима твоя профессиональная помощь». Так-то лучше. Этим текстом она подчеркнула, что мужчина профессионал, и женщина в нем нуждается. Теперь он обязательно должен примчаться на помощь. Кроме того, он тоже, как и она, любопытная кошка, и обязательно захочет узнать, что произошло. Не так-то просто манипулировать манипулятором!

Леденева вошла на сайт родной газеты, вбила в поисковике «паспорт ДНР» и нашла недавний Юлькин репортаж о первых вручениях нового документа. Рассмотрела на снимке к материалу красную, с двуглавым орлом, обложку паспорта, выданного миграционной службой Министерства внутренних дел Донецкой народной республики. На другом снимке было изображение первой страницы документа, лицо и фамилия получателя размыты в фотошопе. Приложив сбоку от экрана ксерокопию паспорта Оксаны, Дарья пришла к выводу, что бланки документов идентичны.

«А ведь Юлька, когда вела репортаж и делала снимки, могла увидеть Оксану и даже пообщаться с ней, если они вдруг оказались в одно время в одном месте, а именно — в здании Миграционной службы Донецка, где новенькие паспорта вручал лично глава республики Захарченко», — подумала Дарья.

Она достала из ящика компьютерного стола тот самый фотоаппарат, с которым ездила полтора года назад в горячую точку, и первым делом сняла ксерокопию паспорта Оксаны, а затем — еще пяти пациенток клиники.

Войдя в электронную почту, Дарья принялась строчить письмо подруге:

«Юльчик, привет! У нас тут все хорошо, с мамой твоей порядок. Но у меня к тебе огромная просьба. Если есть возможность, свяжись, пожалуйста,

с кем-нибудь из знакомых ополченцев, которые именно сейчас находятся в Донецке. Я понимаю, что во время нашей совместной поездки мы общались в основном с кубанскими казаками, но были ведь там и местные ребята. Штурмовик, например. Надеюсь, у тебя есть чьи-нибудь координаты.

Мне нужна любая информация об одной жительнице города. Паспорт она получила как раз шестнадцатого марта, когда ты делала репортаж о вручении документов нового образца. Может, ты даже видела ее в зале и вспомнишь. Фото паспорта высылаю, адрес регистрации там есть, местные могут по нему наведаться и что-нибудь узнать о ней. Например, о ее семье или работе. Это очень важно и срочно».

Леденева воткнула переходник фотоаппарата в гнездо компьютера и скачала снимки документов на рабочий стол. Присоединила к письму для Юли два файла с ксерокопиями паспорта Оксаны Дорошенко и щелкнула мышью по надписи «отправить».

Звонить подруге бесполезно, телефон она почти никогда не берет, поскольку даже в выходные дни носится с одной съемки на другую, сидит за рулем или берет интервью, и ей частенько не до разговоров. Правда, позже, когда появляется свободное время, Юлька на непринятые вызовы отвечает, таким образом, деньги на сотовом у нее всегда быстро заканчиваются. Несколько раз для того, чтобы срочно пообщаться, Дарье приходилось пополнять в онлайн банке телефонный счет коллеги.

Леденевой очень хотелось набрать имена и фамилии пациенток в социальных сетях и заглянуть на их странички в «Одноклассниках», «Фейсбуке» или в «ВКонтакте». Обычно там можно почерпнуть много полезных сведений о дамах — увлечения, путешествия, близкие люди... Но тут были два больших НО... Во-первых, вернувшись домой, женщины узнали бы, что Дарья разгуливала по их страничкам, обнаружив ее присутствие среди «гостей».

А создавать «левый» аккаунт дело хлопотное, тем более, у нее не было с собой второго телефона, а на основной номер зарегистрированы все собственные странички. А во-вторых, многие не обозначают своих истинных имен. К примеру, одна ее знакомая была зарегистрирована под Ником «Олюшка Очаровательная», а приятель и вовсе числился как «Бутер Брод».

И тогда Дарья применила испытанный и практически не дающий сбоев прием «помощь друга». Рассудив, что сведениями о москвичках Аленах ГУМВД края не располагает, любительница детективов отправила подруге из пресс-службы полиции фото документов четырех жительниц Краснодара и одной дамы из Сочи. В письме попросила:

«Ларчик, пробей, пожалуйста, по вашим базам этих упитанных девушек. Законопослушные ли они гражданки, нет ли на них штрафов и судимостей? Не меняли ли фамилию, возраст, пол? С меня ролы и пиво».

Жаль, что сегодня суббота, и ответа ждать теперь придется до понедельника, да и то не к утру, а к вечеру. Леденева просмотрела в Яндексе новости и уже собиралась выключить компьютер, когда ВКонтакте пришло сообщение от Егора: «Не сегодня. Завтра возможно». И следом второе: «Я в пятистах километрах от тебя».

Слабо знающая географию криминальная журналистка открыла в Яндексе карту Краснодарского края и прилегающих к нему регионов. Прикинула, что примерно в пятистах километрах от клиники находятся как Ростов, так и Сухум, и Элиста. И нечего гадать, где пребывает сейчас Любимый, если он, играя в конспирацию, не пожелал сообщить свои точные координаты. Дарья написала: «ОК», взглянула на электронные часы, показавшие «9:48», убрала в ящик компьютерного стола папку с договорами о пребывании в клинике и щелкнула кнопкой мышки по экранной надписи «Завершение работы».

Через двенадцать минут наступит ее время общаться со своими близкими по общему телефону. Заодно можно будет заглянуть в Журнал вызовов мобильного и выписать номера, по которым звонят другие женщины. Хотя, что это даст? Установить, кому принадлежат эти номера, все равно не удастся. Даже оперативники получают такую информацию только в рамках возбужденного уголовного дела.

Леденева приоткрыла дверь кабинета, выглянула в щель и, не заметив никого в холле, осторожно выскользнула из своего убежища на улицу. Обойдя здание слева, она увидела Майю, спускающуюся со второго этажа по наружной лестнице и проводящую по влажным глазам тыльной стороной руки.

— Привет, — поздоровалась Дарья. — Что-то случилось?

— Нет, все нормально, — отозвалась пациентка. — Кажется, начинается аллергия. Давно у меня ее уже не было, я даже таблеток с собой не взяла.

— Ты же сейчас на массаж? Зайди к доктору, у него наверняка найдется что-нибудь подходящее от аллергии. Аптечка у него обширная, — посоветовала Леденева.

Учительница кивнула и пошла в сторону входа в корпус, а журналистка поднялась по металлической лестнице, вошла в «переговорную», села в кресло у журнального столика и раскрыла блокнот в клеточку, выполняющий функцию «Журнала записей». Майя была записана на девять тридцать.

Но в телефоне последним исходящим значился номер московского сотового оператора, разговор длился с семи утра до семи двадцати пяти. Звонила в столицу Алена Старшая, по крайней мере, на это время в Журнале была записана именно она. Стало быть, Майя поговорила с кем-то и удалила номер телефона абонента. Странно. Даже если бы на ее звонок никто не отозвался, вызов в мобильнике должен сохраниться, но она предпочла его уничтожить. Зачем?

А ведь пару дней назад у нее тоже были утром заплаканные глаза, припомнила Даша. И именно Майя жила в комнате справа, стало быть, она же и всхлипывала в первую ночь на базе. Так что никакая это не аллергия. Майя врет, плачет и что-то скрывает. Неужели это она, школьная учительница и мать двоих детей, пыталась убить Оксану?

Но женщины, скорее всего, не были знакомы до того, как приехали в клинику, и конфликтов между ними вроде не случилось. Или что-то произошло непосредственно перед покушением? А, может, это Оксана напала на Майю, а та всего лишь оттолкнула ее, не разглядев в темноте бетонный столбик с торчащими из него арматурными прутьями?

Пообщавшись несколько минут с сыном, Леденева пролистала блокнот «Журнала записей», тщательно сверила его со списком вызовов на телефоне и обнаружила, что в то время, когда Майя должна была с кем-то общаться, никаких звонков не значилось. То есть, она не только сегодня удалила номер, по которому звонила. Она делала это каждый день. Вот это конспирация! Сложно предположить, что эта пациентка приходила сюда не для того, чтобы поговорить с мужем, детьми или мамой, а просто поплакать в одиночку. Стало быть, ей есть что скрывать.

Еще удивительнее показалось любительнице детективов то, что Оксана вообще ни разу никому не звонила. По крайней мере, на общение не записывалась.

Дверь переговорной комнаты распахнулась, и на пороге возникла Алена Младшая:

— Привет, Даш. Я тебе помешала?

— Нет, Ален. Я уже ухожу. Сейчас только запишусь на завтра. — Как дела? Что у нас новенького?

— Да, особо ничего. Оксана только в лазарет попала.

— Да, Махран мне сказал. Интересно, где она воспаление легких подхватила?

— Бегала же постоянно, на велике каталась, потела, вот и продуло на ветру. Зато Татьяну Николаевну отпустили, катается теперь по аллеям на инвалидной коляске.

— Смена караула, — улыбнулась Леденева.

Нарезая круги по бассейну, она пыталась представить, кем могла быть Оксана в Донецке. О своей работе обитателям клиники она не рассказывала, а в ее Договоре в графе «род занятий» значилось всеобъемлющее и ничего не значащее слово «менеджер». Ну уж явно не высшего звена. Была продавцом в магазине, секретарем в офисе, риэлтором в агентстве, администратором в гостинице?

Судя по тому, что женщина оплатила пребывание в клинике, да еще имела при себе деньги, она не бедствовала. А если учесть, что прибыла

из-за границы, а паспорта у нее в данный момент при себе нет, то документ она оставила кому-то из знакомых на территории России. Почему же тогда не звонит им?

И главное: чем она занималась во время боевых действий в ДНР? Скрывалась вместе с мирными жителями от бомбежек в подвале или воевала против ополченцев в прославившейся жестокостью женской «карательной сотне», о которой Горец рассказал журналистам в подземном бункере в районе аэропорта?

Вернувшись домой, Леденева не призналась в родной редакции в том, что самовольно отправилась в район боевых действий. Написала репортаж обо всем, что увидела и услышала в Донецке и предложила его нескольким редакциям под псевдонимом. Никто не опубликовал. Слишком реалистичным и жестоким вышел текст.

Шагая после плавания в жилой корпус, Дарья не смогла удержаться, чтобы еще раз не взглянуть на место трагедии, и была крайне поражена, увидев вместо бетонного столбика со штырями и пятнами крови комья вскопанной земли.

Она решила зайти еще раз в административное здание, но заметила выходящих из него Нинель и Жанну. Они были единственными из пациенток, кому медсестра Оля ежедневно колола препарат для снижения аппетита. Татьяна Николаевна принимала таблетки для подавления чувства голода. Остальные женщины, если и страдали от непривычного для них небольшого объема пищи, то держались мужественно.

Обе Алены во время общих бесед в зале отдыха рассказывали, что могли месяцами сидеть на самых разнообразных, но всегда изнуряющих диетах, сбрасывали до тридцати килограммов каждая и обновляли гардероб. Но потом все возвращалось на круги своя. Они снова начинали есть все, чего душа просит, в неограниченных количествах, и тогда возвращались и килограммы, и объемы, и старые вещи. Так что голодать им было не в новинку. Лишь бы только после завершения курса лечения в клинике мама и дочка снова не сорвались, откатившись к привычному образу жизни и «семейным традициям питания», о которых говорила Александра Швец во время своей лекции.

Майя, по-видимому, пребывала в глубоком стрессе. Дарья заметила, что она умудрялась не доедать даже те скромные порции, которые им подавали во время обеда и ужина, и ни разу не приходила на полдник.

У Марины, скорее всего, была очень сильная мотивация сбросить вес. Либо она и правда хотела, чтобы ее дочь, которая в сентябре станет первоклашкой, гордилась красивой мамой, либо все же надеялась покорить главврача клиники стройной фигурой.

Оксана явно держалась на внутренней злобе. Ей зачем-то позарез надо было сбросить вес. Она была единственной в клинике, кто не гулял по территории, а бегал. И делала она это с сосредоточенным и даже ожесточенным выражением лица. И с таким же лицом она крутила педали на велосипеде, когда каталась по аллеям базы. Дарье пару раз показалось, что она будто бежит от кого-то, спасается. Может, от себя самой, располневшей и потерявшей былую привлекательность?

Хотя журналистка не могла не признать, что небольшая полнота не сильно портит внешность некоторых женщин, перешагнувших сорокалетний рубеж. И Майя, и Марина, к примеру, выглядели премиленькими. Алена Старшая и вовсе была красавицей, но вот ее молодой дочери лишний вес сильно портит внешность. У девушки были прекрасные миндалевидные глаза и губки «бантиком», но толстые щеки уничтожали впечатление от очаровательных черт лица.

Впрочем, это чисто субъективное мнение, признала Даша и, дождавшись, пока Нинель и Жанна отойдут подальше, постаралась незаметно прошмыгнуть внутрь лечебного корпуса. Ни к чему, чтобы все видели, как часто она туда забегает.

За административной стойкой сидел Алексей, что ее несколько удивило. Она привыкла видеть здесь Владимира, который постоянно жил на территории базы и исполнял обязанности охранника и по совместительству мастера-ремонтника в тех случаях, когда что-то ломалось, или просто помогал, если требовалась мужская сила. Тогда как Алексей поставлял по заранее составленным доктором и поваром спискам свежие продукты и необходимые товары бытовой химии, вывозил мусор и уезжал на ночь к себе домой в ближайший от базы городок.

— Привет, Леша! Тебя на смену припахали? — спросила Дарья.

— Да, Володька в шесть утра позвонил, попросил приехать. У вас тут такое творится, что он к утру с ног валился. Теперь полдня уже отсыпается.

— А кто столб вырыл?

— Да мы же с ним и вырыли и за ворота вынесли от греха подальше. Кровь землей присыпали и место разровняли. Прямо страшно глядеть было на этот ужас. — Алексей широко распахнул свои синие глаза, словно и правда от ужаса, но Дарья знала, что это игра. Парень в армии служил в «горячей точке», и видом раненого человека, тем более, кровавым пятном на земле, его не испугаешь.

— А ты представь, как нам было страшно, когда у этого столба стояла пригвожденная к нему Оксана!

— И кому это понадобилось такое с ней сотворить?

— Самой любопытно.

— Так что придется и мне тут пожить какое-то время. Доктор попросил подежурить, пока ситуация прояснится.

— Думаешь, Оксану могут попытаться добить?

— Попытаться могут. Но мы не позволим, — залихватски улыбнулся Алексей.

— Кстати, где ты ее забирал, когда сюда привез?

— А вот это интересный вопрос! Со вторым заездом, который состоялся на следующий день после первого, никаких проблем не было. Рано утречком в аэропорту я встретил московский самолет с этими толстушками-болтушками Аленами. Туда же, в аэропорт, муж подвез на своей машине Татьяну Николаевну, которая еле ходит при своем весе. А он седовласый мужчина лет семидесяти, стройный как тополь. Вот ведь сводит людей судьба, а? Марина подъехала на такси. Я всех погрузил в свою «газель» и за пару часов доставил на базу. В пути все дамы мило беседовали и обсуждали условия проживания в клинике. Все понятно, никаких загадок и проблем, — Алексей понизил голос, в котором зазвучала загадочная интонация, и продолжил: — А вот накануне вечером просто цирк какой-то был с фокусами и клоунами. Первой я забирал Майю. Заранее позвонил какой-то мужик, вроде родственник ее, объяснил куда подъехать. Какие-то заросли у гаражей за жилой высоткой в микрорайоне Гидростроителей. Еле нашел это место. Стою, жду. Тут Майя из легковушки выпрыгивает, в «газель» ко мне ныряет и сползает по сидению вниз, словно прячется от кого-то. А мужик, что ее привез, принимается отмывать номера своей машины.

Поехали мы к высотной клинике, где должны были подсесть еще четыре пациентки. Приезжаю — только трое ждут. И тут звонит эта Оксана и просит-умоляет забрать ее на трассе на выезде из города. Дескать, что-то у нее там случилось, и в центр она вовремя никак не доберется. Ну, ладно, хоть по пути. И снова повторяется та же самая история. Притормозил, где договаривались, жду. Опять легковушка подъезжает, Оксана из нее выскакивает и ныряет быстренько в мою «газель», а на ней черные очки на пол-лица и волосы шарфиком обмотаны. Как у героини детектива «Дама в очках, с ружьем и в автомобиле». Полный маскарад.

— То есть, ты думаешь, что и Майя, и Оксана от кого-то скрывались. Не спокойненько себе на базу ехали, а словно бежали, — утвердительно спросила Дарья, озадаченная необычным рассказом водителя-экспедитора.

Она подумала, что если бы не разыгравшаяся трагедия, то никогда не узнала бы о странностях доставки пациенток в клинику. Но ведь есть вопросы, которые и в голову не придет задать не то что криминальному журналисту, но и бывалому оперативнику, пока не случится нечто из ряда вон выходящее.

— Именно такое у меня сложилось впечатление, — подтвердил Алексей. — И обе они всю дорогу до базы упорно молчали.

— Леш, а тебе не показалось, что эти две женщины были между собой знакомы?

— Вот это точно нет. Майя какая-то жалостная сидела, а Оксана настроженная. Так же они смотрели и на трех других попутчиц, и друг на друга. Такое не сыграешь, я бы сразу понял. Трасса-то ненапряженная и для меня уже наезженная. Сколько я стройматериалов сюда перевозил во время реконструкции помещений! Так что мог по пути отстраненно и внимательно наблюдать, что происходит в салоне.

— Спасибо тебе, это очень интересно.

— А что, детективщик, у тебя есть уже какие-то версии?

— Увы, Леш! Пока только сбор информации. Но ситуация тревожная. Ты, главное, будь начеку.

— Лишь бы только не с чекой!

И был вечер

К ужину всем пациенткам полагался бокал вина, но не все женщины любили спиртное. Так, Майя и Марина свои порции не забирали, и Дарья, заметив это еще в первый вечер на базе, попросила, чтобы трезвенницы отдавали свои напитки им с Катей. Взамен две сладости получали крошечные шоколадки или мини-пирожные, которые выдавались на десерт. Оставалось надеяться на то, что повар Вера, если и заметит эти маленькие хитрости, не расскажет об этом Доктору. Махран и Оля уж точно доносить не станут.

Вот и сегодня Марина поставила на столик, за которым уже сидели с полными тарелками Катя и Даша, два фужера и с улыбкой произнесла:

— На здоровье, девочки. Приятного аппетита.

— Спасибо, а это вам, — отозвалась Катя, протягивая сотруднице комбината питания блюдечко с двумя печеньками в форме грецкого ореха.

— Придете сегодня на нашу репетицию? — спросила Марина. — У нас уже кое-что получается. Может, все же захотите присоединиться?

— Придем, — пообещала Дарья.

Во второй вечер пребывания на базе Алена Старшая попросила всех пациенток собраться в холле их спального корпуса и высыпала из дорожной сумки на широкий диван массу легких и ярких предметов: ободки с заячьими ушками, платки с монисто, разноцветные парео, боа из перьев, гипюровые перчатки, металлические браслеты и еще какую-то мишуру.

— Девочки, предлагаю создать танцевальный ансамбль.

— «Шоу толстущек»? — догадалась Дарья.

— Точно! Точно! Я привезла аксессуары, девочки из моего ателье из обрезков тканей сделали, тут хватит на всех. И есть флешка с записями номеров, как нашего, российского ансамбля, так и американского. Там такие зажигательные композиции! И место для репетиций в нашем спортзале есть, там же и телевизор, через который можно запустить запись. Как вы относитесь к этой идее?

— Замечательно, — первой отозвалась Марина. — Это будет так весело!

— Лишние физические нагрузки, к тому же приятные, — согласилась Майя.

Дарья танцевать любила и умела, но только индивидуально, а не в группе, и потому отказалась:

— Я бы с удовольствием, но мне работать надо.

— Мне тоже, — вторила ей Катя.

Жанна презрительно фыркнула, Оксана молча вышла из холла, а Татьяна Николаевна улыбнулась:

— Шоу так шоу! С удовольствием буду за вами наблюдать, девочки. Могу даже предложить услуги хореографа.

И вот несколько вечеров подряд две Алены, Майя и Марина собирались через час после ужина и, нацепив поверх маек и колготок звенящие платки или блестящие парео, под зажигательную музыку разучивали движения танцевальных номеров.

Погуляв по территории базы, Катя с Дашей, как и обещали, зашли в спортзал, минут двадцать наблюдали за репетицией и тихонько переговаривались о том, что у пациенток клиники очень даже неплохо получается подражать участницам популярных шоу. Татьяна Николаевна сидела поодаль в кресле, отбивала такт ладошкой по колену и одобрительно кивала головой.

— Молодцы девчонки, не комплексуют и двигаются в такт музыки, — отметила Катя, когда они вышли из спортзала.

— Еще бы на шпагат садились, — рассмеялась Даша.

Они шли к корпусу по боковой аллее парка и собирались свернуть на центральную, но притормозили, когда из-за кустов донеслись голоса сидящих на лавочке женщин.

— Да здесь много странного, взять хоть эту якобы корректора, которая якобы тексты правит, — говорила Нинель.

— Ага, пятьдесят три года ей, как же! Мне тогда сколько? А еще лифчик на веревку вывесила, а он пятого размера! Интересно, у меня тогда какой? — вторила ей Жанна.

— Пьют с этой якобы бухгалтершей двойную норму вина на ужин и что-то строчат на ноутбуках и днем, и ночью. А от Дашки однажды утром шел конкретный перегар!

Леденева подумала, что такое могло быть после той бессонной ночи, когда она нашла пригвожденную к столбу Оксану, и мысленно возразила сплетничающим кумушкам: «Не перегар, а аромат вчерашних приключений!»

— А еще эта училка, которая...

Дарья с Катей не стали подслушивать дальше, рискуя обнаружить свое присутствие, и благоразумно продолжили путь по боковой аллее, так и не узнав, что не так с Майей.

Вернувшись в корпус, соседки по столу разошлись по своим комнатам. Катя отправилась составлять очередной бухгалтерский отчет. Дарья, подумала, что хорошенькое же впечатление она производит на соседок по комнатам, и решила, что сколько о себе ни рассказывай, все равно за твоей спиной о тебе расскажут интереснее. А размер лифчика у нее действительно 80Е, что тут удивительного?

Она открыла файл под названием «Куда уплывают дельфины» и принялась править набранный накануне текст. Иногда она записывала рассказы от первого лица, обычно в тех случаях, когда в повествовании ее героинь главенствовало местоимение «я», у Кати оно выделялось особенно отчетливо.

* * *

Отметила я свое пятидесятилетие, как полагается, в ресторане, с сыном, невесткой, друзьями. И все парами. Только я одна, такая вся из себя красивая! Конечно, все желали счастья, здоровья и чтобы обязательно встретила любимого человека. Говорили, какая я молодая и красивая. Я и сама в это верила, а все же в мозгу стучало: «Пятьдесят, пятьдесят!» Понимала, что не выгляжу на свои годы, но осознавала, что в такие годы уже не встретить свою любовь. На меня уже засматривались только невзрачные мужички за шестьдесят, а зачем мне чужой дедушка? И все же я дала себе слово попробовать, решила: А что я теряю?», и зарегистрировалась на сайте знакомств.

Конечно, много там всяко хлама было вроде тех самых дедушек и юнцов-альфонсов. Но однажды написал очень симпатичный мужчина, мой ровесник. Узнала о нем, что он отставной военный, живет в частном доме, в «родовом гнезде», сын занимается бизнесом, дочь в рекламном агентстве работает. Зовут Андрей. В общем, все меня устроило, подумала только, лишь бы юмор у него не армейский оказался.

Созвонились в пятницу. Он предложил встретиться. Погодка такая была чудесная, солнечная, золотая осень, я сказала, что хорошо бы в Дендрарии погулять. А он ответил, что лучше уж в настоящий лес поехать. Записал мой адрес, обещал утром за мной заехать. А на рассвете просыпаюсь от шума и грохота — сумасшедший ливень! Так что какие уж тут

прогулки по лесным дорожкам и разноцветным листьям — слякоть и грязь кругом. Но к свиданию все же подготовилась, даже маску на лицо сделала, не поленилась.

В одиннадцать утра выглянула в окно — стоит у подъезда серебристая «тойота». Я пожалела, что выходить придется не в красивом платье и на каблучках, а в джинсах и кроссовках. Но нелепо было вырядиться, когда дождь только закончился, и ведь не в ресторан меня звали, а на прогулку. Спустилась на лифте, и он вышел из машины. Высокий, стройный, сбитый такой и с шикарными белыми розами. Вручает букет и говорит, что придется мне домой возвращаться. Вернулась, поставила розы в вазу, опять спустилась и села в его машину.

Андрей предложил погулять по Горячему Ключу, городок красивый, зеленый, и грязи по колено, как в лесу, не будет. По пути рассказывали друг другу о себе, и он оказался таким приятным в общении, и много знает, и здраво рассуждает. Он сказал, что бывший офицер каких-то спецслужб, якобы, и альпинист, и аквалангист. Я не поняла. Как это — и то, и другое? Разве есть такие войска? Меня это немного смутило. А еще больше, что до военной пенсии он, увы, не дослужил два года, а теперь таксует. Но таков удел многих умных работающих мужиков после пятидесяти лет в России! Самое главное, он как мужчина мне понравился, как-то сразу к нему повлекло. Руку мне в машине на колено положил, я аж машинально глаза закрыла...

Погуляли по городку, и через несколько часов он привез меня обратно. В общем, вроде все было красиво, но когда я поблагодарила за поездку и собиралась выйти из машины, Андрей у меня четко спросил:

— Ну, что? Когда будем друг друга пробовать на вкус и запах? Я человек прямой, прямо и спрашиваю.

Вот это уже, конечно, не очень приятный был поворот дела, зачем же так сразу договариваться? Мужчина должен секс не требовать, а устраивать. Я ушла от ответа, так же ранее не ответила и на его вопрос, кто я по гороскопу. Вообще-то мы одногодки, но на сайте я поставила дату рождения на пять лет меньше.

Вернулась я домой в раздумьях, получится ли у нас что-то при таких раскладах, и правда ли то, что он хочет серьезных отношений и брака? Или очередной «спортсмен», который от одной бабы к другой бегаёт? Зачем мне становиться очередной победой в его списке?

А на следующий день рано утром меня разбудил звонком сын и сообщил, что у меня внук родился! И я подумала, что это знак судьбы. Значит, и новые отношения зародятся. Но дни шли, а Андрей не писал на сайте и не звонил.

Я обрисовала подружке Зине ситуацию, а она мне:

— Так напиши ты первая!

— Ну, я не знаю... Может, я ему не понравилась?

— Не могла не понравиться. Ты шикарная, все при тебе.

— Но это же мужчина должен женщину завоевывать, а не наоборот.

— Ты в каком веке живешь? И тебе, что, семнадцать? В нашем возрасте на десять женщин приходится один нормальный холостой мужик! И никого он не собирается завоевывать. Бабы сами ему на шею вешаются.

Я опять подумала, а что я теряю, и тривиально написала ему смс: «Как дела?» Сразу же ответил: «У меня хорошо. Готова встретиться для секса?» Вот тут я и завелась! Просто вскипела! Ну, что за хамство! Написала: «Где и когда? Как — не спрашиваю, монетку бросим». Ответил: «Хочешь у тебя, хочешь у меня. Сегодня». Что значит, у него? Он же сам сказал, что живет в своем доме с мамой!

Побежала к Зине в кабинет, переписку показываю, а она мне:

— Ну, и что тут удивительно? Хочется мужику секса — о нем и говорит. Радуйся, что не импотент попался.

— Но нельзя же так сразу?

— А ты что сексом разбрасываешься? Он у тебя в последний раз когда был? Год назад с твоим женатым поклонником? Еще годик хочешь подождать?

Вернулась я в свой кабинет и написала Андрею: «А как ты себе это мыслишь? Пригласить к себе мужчину, даже фамилию его не зная?» В ответ прислал одно слово — «Ермаков». Отвечать я не стала. Пришла домой, и он мне позвонил. Сказал, хочет приехать ко мне в гости и насиловать меня не собирается, я опять разозлилась и ответила, что кто еще кого изнасилуется! Дескать, привяжу и поимею!

— Меня женщина еще никогда не привязывала.

— Ничего, все когда-то случается впервые!

В общем, договорились, что на следующий день он заедет за мной после работы. Вышла из здания в семнадцать часов, смотрю, сидит в своей «тойоте», фарами мне мигает. Приехали ко мне. Я специально не стала заранее готовить праздничный ужин. Не такое уж это событие — мужик в гостях.

Андрею очень понравилась планировка моей квартиры. Попросила его нарезать бутерброды, пока салат сделала. Предложила выпить коньячка, и он удивился:

— А ты меня у себя до утра оставишь?

— А куда тебя уже теперь девать?

Я и сама дергалась, как все в первый раз с ним пойдет, и мужику решила тест на алкоголь устроить, посмотреть, каким он будет после выпивки. В результате, прежде чем оказаться в постели, мы выпили на двоих целую бутылку коньяка. Тест на алкоголь мужик прошел: ни грубости, ни мата, только секс и нежность. В постели он меня очень впечатлил. Говорил, что я гладкая, сладкая и удивительная...

Потом почему-то стал рассказывать, как здорово плыть с дельфинами. Какие они гладкие — хоть в ту сторону гладь, хоть в эту. Я его гладила и говорила, что он тоже Дельфин, такой же гладкий и приятный.

Заснули в спальне, потом посреди ночи я в зал сбежала, потому что слишком отвыкла спать с мужчиной. Он пришел за мной, расстроился, что я сбежала, сказал, что мне на диванчике неудобно, вернул в спальню. Обнимал постоянно, во сне поглаживал. А я спать толком не могла. Спросила: а если бы я ему не написала первая, мы бы не встретились? Сказал, что нет. Дескать, выбирает женщина. Так что, получается, я выбрала. Но тогда еще не знала, что... А он все удивлялся: чего моему мужу не хватало? Гладил меня и спрашивал: «Как можно было все это бросить и уйти?» Будто, на этот вопрос есть ответ.

В шесть утра Андрей стал собираться, пошел в душ, сам себе кофе сделал, я ему выдала новую зубную щетку и снова завалилась в постель. Он поднял меня закрыть за ним дверь, обнял в коридоре и сказал: «Ты — женщина моей мечты». Правда — не правда, а слышать это было так приятно.

Днем пришла куча смс от Андрея в стиле: «Опять хочу моего прекрасного котенка!» Потом позвонил и стал сетовать, что я не звоню. Да я же работаю! Договорились, что он приедет за мной в семь вечера. Забрал меня, поехали ко мне. Вышли у подъезда, он достал из машины три шикарные розовые розы на длинных стеблях. Аж голова закружилась. А ведь раньше я была равнодушна к цветам.

Я заранее предупредила, что второй бессонной ночи не выдержу. Он сказал, что долго не задержится. Поели фрукты, я выпила коньяка чуть-чуть, поставила в духовку курицу, и мы отправились в постель. Мужик был просто чудо. Весь ладный, уютный, под меня. А запах! Отрываться не хочется. Вылезли из постели как раз к тому моменту, когда курица приготовилась, поели, и он уехал.

В этот раз я заметила несколько шрамов на его спине и ногах, и он сказал, что он падал в расщелину с высоты в сто четырнадцать метров, был весь поломанный, так что сейчас много пешком не ходит, хотя и купается в водоемах круглый год. Но его шрамы не портили, а главным украшением было то, что не говорил со мной, а мурчал! Вел себя как влюбленный дурак, и это было так чудесно.

В пятницу он опять приехал ко мне. Заранее позвонил и спросил, что нужно купить к ужину? Я ответила, что люблю ножки индейки. Он со смехом ответил: «Хоть страуса!» и напомнил, что я обещала его привязать к кровати. Я рассмеялась:

— Ох, запала тебе эта идея!

— Ну, если женщина хочет — надо исполнять.

Приехал с пакетом с продуктами и одной роскошной розой. Насколько же он был полной противоположностью моему бывшему женатому любовнику! И пунктуальный, и заботливый, и сексуальный! Сказал, что он двадцать четыре часа в стуки на связи со мной, и если что, чтобы я сразу звонила, и он, если только находится в пределах досягаемости, тут же примчится.

Мы пили коньяк, и он рассказывал об армейской службе и о своей маме, которая у него заслуженный налоговый инспектор Российской Федерации. Она очень волнуется, когда он уже женится? А он ей рассказал про меня, и она так обрадовалась, что он нашел такую замечательную женщину. А мне было все равно, что он говорит, мне нравилось его слушать...

В субботу утром я только закрыла за ним дверь — и тут же соскучилась. И я знала, что уже завтра мы увидимся, и валялась в зале на диване, пялясь в белый потолок и мечтая о том, как мы вместе будем встречать Новый год, и я впервые за много лет буду отмечать этот замечательный праздник с любимым мужчиной.

Вечером ко мне приехала в гости подружка Зина, и я под вино и оливье замучила ее своими восторженными рассказами об Андрее. Она сказала, что он — моя награда за все мучения с бывшим мужем и бывшим любовником, и что она за меня рада. А уж как я радовалась!

Наш бурный роман развивался стремительно, мы виделись через день, и через пару недель все члены моего коллектива уже знали, что у меня новый мужчина. Некоторые видели, как он забирает меня после работы, и, конечно, насплетничали другим. Многие делали мне комплименты, говорили, что я очень похорошела и помолодела, цвету и летаю. Я смеялась и говорила, что очень радуюсь своему внуку, потому и летаю. И одна из коллег язвительно усмехнулась:

— Хорошенький у тебя внук! Это тот, что на «тойоте» ездит?

Во время очередного визита к сыну я попыталась ему намекнуть, что у меня завязались новые отношения и мечтательно сказала:

— Мне бы познакомиться с мужчиной малопьющим, желателен, бывшим военным, и чтобы была у него хорошая машинка и собственный домик.

И сын с юношеской прямолинейностью заявил:

— А зачем ты такому нужна? Он найдет себе лет на двадцать моложе. Ну, если только ему уже семьдесят лет, тогда может, и ты сгодишься.

— Ну вот, так на корню все мечты обломал, — рассмеялась я. А так хотелось похвастаться, что у меня уже есть такой мужчина и он любит меня в мои пятьдесят!

Андрей во время одной из встреч спросил:

— Когда готова посмотреть мою берлогу?

— Не знаю. Ну, давай в ближайшие выходные...

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты была последней женщиной в моей жизни. Ну, если, конечно, ты не найдешь кого-то получше, чем я...

— А ты?

— Я не найду.

В субботу Андрей должен был заехать за мной и забрать к себе, показать дом. Я заранее испекла свою фирменную творожную запеканку с курагой и черносливом, чтобы покори́ть сердце будущей свекрови. Но в четыре дня он позвонил и сказал, что мероприятие отменяется — у мамы сердечный приступ, скорую она отказывается вызывать, и он с ней сидит, лекарствами пичкает. Оставалось только посочувствовать.

На воскресенье я пригласила в гости Зину с мужем. Андрей позвонил и сообщил, что его маме уже лучше, и я сказала, чтобы приезжал ко мне часов в семь вечера, с друзьями познакомлю. Он долго мялся, говорил, что ему неудобно, что он помешает нашей компании. Но в итоге пообещал приехать к восьми вечера. И не приехал. И даже не позвонил. Было страшно обидно и перед ребятами неудобно. Они так за меня радовались, хотели посмотреть на моего мужчину, и вот...

В понедельник Андрей позвонил и извинился, сказал, что неожиданно приехал сын, у которого проблема с машиной, и они до полночи чинили ее у него в гараже. И я так обрадовалась, что все в порядке, что ничего у нас не закончилось. И он опять ворковал и рассказывал, как сильно по мне соскучился...

Я позвонила ему в восемь вечера. Не ответил. В десять вечера послала смс: «Все в порядке?» Нет ответа.

А на следующий день вечером пришло сообщение: «Я в Питере, потом в Калининград. Позвоню».

Пошла переписка.

«Круто! Когда назад?»

«Если все сложится, то месяцев через восемь»

Я аж задохнулась от такого сообщения и в отчаянии написала: «Ты сделал мне очень больно. Молодец, получилось эффектно».

«А в чем обида? Мне предложили работу на корабле. Если пройду медкомиссию — пойду. Нет — вернусь обратно. Ты же не обязана меня ждать».

«Нет обиды. Просто не ожидала, что ты так легко откажешься от женщины, которой сказал, что она последняя в твоей жизни. Это моя проблема, что я тебе поверила».

Прощай встреча Нового года вдвоем с любимым мужчиной! Я закинула в стиральную машинку все, к чему он прикасался в моей квартире — постельное белье, полотенца, свою пижаму. Зубную щетку его выбросила. Вмазала коньяка, немного поплакала, позвонила Зине и рассказала, что произошло. И она выдала интересную версию произошедшего:

— Ты говорила, что вещи у Андрея очень дорогие, но их у него мало, носит два джемпера и двое джинсов на смену. Слушай, а может, он всегда в море ходил, просто не говорил тебе об этом? Ведь в пятьдесят лет никому в первый раз не предлагают в море пойти. А таксовал он между рейсами, и на это время находил себе женщину на месяц или два.

Я не могла знать, так ли это, но после разговора с подругой налила себе еще рюмку, подняла ее вверх и сказала вслух:

— Андрей, я хочу, чтобы твое желание исполнилось, и я осталась последней женщиной в твоей жизни!

Проверка обитателей

— Привет, Супер-опер Юга России, — заговорщически прошептала Даша, когда Любимый мужчина поздним воскресным вечером появился на пороге комнаты для отдыха.

— О как! Судя по срочности вызова и приветствию, что-то тут у вас произошло? — Егор скинул у порога кроссовки и поставил на стул рюкзак. — Вряд ты за одни сутки так сильно по мне соскучилась. Кого-то убили?

— Почти. Было покушение. Доктор с Махраном сделали операцию и буквально сотворили чудо. Представляешь, женщину пригвоздили к бетонному столбу, из которого торчала арматура. Тело было прошито двумя железками на уровне легких и почек, чудом сердце не задело. Она так и стояла пригвозженная...

— Как распятая? Похоже на казнь.

— Так вот то ж. Это вторая мысль, которая пришла мне в голову, когда я ее увидела.

— А первая — нажать тревожную кнопку?

— Ну да, аж три раза подряд от страха нажала!

— Место, где это случилось, на схеме местности покажешь?

— Ну, ты же знаешь, какой из меня рисовальщик, я в географических картах вообще не ориентируюсь. Вот, скопировала сегодня у доктора план размещения строений на территории. — Дарья вытащила из пакета сложенный вчетверо листок и протянула его мужчине, и пока он его разглядывал, продолжила: — Столба этого на схеме нет, я поставила крестик на том месте, где он примерно стоял. Никто из персонала не обратил внимания, когда и как он появился. По крайней мере, никто не сознался, что видел это сооружение. Но сегодня днем его уже выкопали.

Егор внимательно рассмотрел схему и вынес резюме:

— Очень удобное место. С одной стороны, столб располагался рядом с жилым и врачебным корпусами, к этому месту не сложно заманить

жертву. С другой стороны, за деревьями и кустами не видно, что происходит буквально в метре от тропинки.

— Это точно. Я совершенно случайно ее заметила, когда курила позавчера на лавочке после твоего отъезда.

— Кстати, о перекуре, — бывший оперативник достал из кармашка рюкзака пачку сигарет и неизменную газовую зажигалку, прикурил, выпустил струю дыма вбок и решительно произнес: — Хотя и говорят «ищите женщину», но это чисто мужское убийство.

— Почему ты так решил? С силой толкнуть женщину могла и другая женщина. Между прочим, у нас на территории постоянно находятся четверо мужчин, и это проверенный персонал. А пациенток, кроме меня, девять, и некоторые из них — темные лошадки.

— Я тоже сейчас нахожусь на вашей территории, хотя я не персонал, и проникнуть сюда извне — не проблема, была бы цель такая. А убийство не случайное, оно явно планировалось. Выбрать орудием убийства пыточный столб и пригвоздить к нему человека — это мужской поступок, и сделано это было, скорее всего, из ревности или мести, что, в принципе, часто одно и то же.

— И женщины вполне на такое способны, — снова возразила Дарья. — Я занималась серией уголовных дел, в которых женщина вообще играла роль сексуального маньяка! И тоже из ревности и ненависти к более удачливым соперницам.

— Ты о жертве расскажи. Кто она?

— Зовут Оксана Дорошенко, тридцать пять лет, девяносто килограмм, родом из Донецка. Там же всего полтора месяца назад получила новый паспорт ДНР. Я вчера полночи вспоминала, как мы с Юлькой ходили туда на войну...

— Прекрати, даже слышать об этом не хочу, — раздраженно перебил Егор, — я тебе говорил уже, что ты знать ничего не знаешь об этой войне! Ты увидела всего лишь маленькую картинку, которую тебе показали, услышала единственный аргумент, приведенный одной из сторон по делу. И потому не можешь видеть весь процесс в целом и судить, кто прав, кто виноват, и даже — кто есть кто!

— При чем тут «знаю — не знаю»? Это мои воспоминания, мои впечатления! И то, что женщина, которая совсем недавно была в районе боевых действий, оказалась в закрытой клинике, и здесь ее настиг убийца, может оказаться не случайным. Может быть, это мотив, нить, след!

— Вот это уже другой разговор.

— Я попросила Юльку связаться с ребятами, с которыми мы общались во время той нашей поездки, у меня нет их телефонов, переписывалась и договаривалась о встрече она. Она же и материалы наши ВКонтакте им на утверждение отправляла.

— Это другой разговор, — еще повторил Егор. — Что о других пациентках расскажешь?

И Дарья принялась рассказывать обо всем, что удалось узнать к этому моменту о своих соседках по корпусу. Но Егор неожиданно перебил ее вопросом:

— А что насчет вашего сирийского террориста?

— Не террориста, а врача!

— Одно другому не мешает.

— Махран явно не причастен к покушению, — возмущенно заявила Дарья и принялась перечислять веские доводы в защиту своей убежденности: — Когда я подняла тревогу, они с Олей были вместе. Он через пару минут прибежал на место трагедии явно заспанный, одевался на бегу. И не думаешь же ты, что парень, живущий в одной комнате с невестой, кстати, молодой и стройной, станет назначать посреди ночи свидание другой женщине? Зачем? Чтобы убить ее с целью уменьшения количества стареющих толстух?

— Это ты хорошо сказала, — рассмеялся Егор. — А кто у вас тут готовит?

— Повар у нас Вера, мрачная такая женщина, тоже полная. Кстати, что-то я о ней вообще не подумала. Она ведь тоже здесь ночует, спит в комнатке при столовке. Спасибо за подсказку, попытаюсь выяснить о ней что-нибудь.

— А кому эта база раньше принадлежала?

— Одному краснодарскому бизнесмену по фамилии Разгуляев. Он понастроил тут всего, собирался развивать территорию как базу отдыха, потом передумал и продал Андрианову, а тот уже приспособил помещения под клинику.

— А до того бизнесмена?

— Так далеко я не заглядывала. А это имеет отношение к делу?

— Никогда не угадаешь заранее, что имеет, а что не имеет.

— Ладно, я завтра попытаюсь выяснить все подробнее. И, надеюсь, Юлька с Ларкой информацию пришлют.

— Сама тут будь поосторожнее, — предупредил мужчина на прощание, — а то что-то у вас начинается история в стиле «Девять негрятят». Одна упала, другую к столбу пригвоздили... Как бы еще чего не случилось.

— Буду, — пообещала Дарья и, вернувшись в свою комнату, дописала в электронный список подозреваемых имя «Вера».

Думалось, как все же хорошо общаться с Егором! С ним можно говорить обо всем на свете. Только не о любви. Он само это слово не переносил и никогда не говорил, что любит ее. А так хотелось это услышать, даже если это неправда. Конечно, лучше сводить с ума, чем сходить с ума. Но с ним этого не получалось. Несколько лет назад написанное стихотворение до сих пор не потеряло своей актуальности.

*Спектакли каждый день смотрю
С одним актером в главной роли.
Я за талант благодарю,
И за изысканность гастролей.*

*А в каждом акте монолог
И разноплановые сцены:
Стрельба из пушки в потолок,
Погони, драки и измены.*

*Репертуар представил свой,
Продемонстрировав все свойства:
И склонность лихо впасть в запой
И безрассудное геройство.*

*Исполнил роли ты царя,
Шута, творца и негодяя...
Сыграй влюбленного в меня!
И я с восторгом подыграю.*

* * *

Леденева проснулась от отдаленного однообразного жужжания, напоминающего звуки, издаваемые газонокосилкой при обрезке травы. Она посмотрела на часы, поняла, что все уже ушли на завтрак, и попыталась снова заснуть, но звук приближался и становился все громче и настойчивей. Выглянув в окно, она увидела Алексея, продвигающегося от лечебного корпуса к жилому с красным триммером. Когда она вышла на крыльцо с чашкой кофе, он приветственно помахал рукой, не прекращая работать.

Любительница детективов допила кофе, поставила чашку на скамейку и пошла по выложенной речным камнем дорожке навстречу работающему мужчине, и когда приблизилась почти вплотную, он выключил косилку.

— Привет, Леш! А ты не знаешь, как сюда попала Вера? Вы же с ней из одного городка.

— Так и попала. По моей рекомендации. А ты что, включила ее в список подозреваемых? Да не. Нормальная несчастная баба. Не стала бы она ни на кого нападать.

— Ну да! Нормальная несчастная! Где ж нормальной быть счастливой, — рассмеялась Дарья. — Да не подозреваю я. Просто хотела узнать о ней побольше. Вернее, вообще хоть что-нибудь. Сама-то она не слишком словоохотливая.

— С сыном у нее проблемы. Уехал жить в Краснодар и заболел игроманией. Все пытался обогатиться в подпольных игровых домах. И задолжал такую сумму, что ей пришлось продать квартиру.

— А зачем продавала-то? Он же взрослый мальчик, пусть бы сам решил свои проблемы.

— А куда денешься, когда сын рыдает, что его убьют? Обещал больше не играть, начать зарабатывать, все вернуть.

— Вернул?

— Сел! Зарабатывать он начал закладками наркоты и быстро попался. Так что он теперь на зоне парится, а Вера здесь трудится. — Алексей вздохнул и вдруг припомнил: — Кстати, в ту ночь, когда напали на Оксану, Веры здесь не было. Я как раз уезжал вечером, а она со мной попросилась, дочь с внучкой провести. Собиралась утром со мной же и вернуться, но меня-то еще до шести утра выдернули в связи со всеми этими событиями, так что она сама добиралась.

— А как сюда из города добраться?

— Только на такси. Так что, детективщик, вычеркивай повара из списка, алиби у нее, — рассмеялся Алексей и снова включил триммер, продемонстрировав тем самым, что разговор окончен, и ему надо работать.

А Леденева пошла в административный корпус. В электронной почте оказались только рабочие письма и три личных сообщения. Одно от Юли: «Даш, я не вспомнила по фотографии Оксану, о которой ты спрашивала. Во время вручения паспортов в зале было много народа. Просмотрела все свои фото с того репортажа, она ни разу не попала в кадр. Но ребятам из Донецка, чьи координаты у меня были, написала с просьбой, чтобы выяснили, кто она и что».

Второе послание пришло от Лары, она обещала в конце рабочего дня навести справки о женщинах, список которых Дарья ей прислала два дня назад.

А третье — от подруги юности Гюльнары, с которой они вместе учились в институте. Бывшая бакинская, а ныне уже турецкая подруга прислала всего два слова со знаком вопроса: «Опять пропала?»

Леденева защелкала кнопками клавиатуры, выводя: «Прости, Гюльчатай! Не получается часто писать. Вот закончится эта клиническая эпопея, напьемся с тобой сначала на Останкинской башне, а потом на Эйфелевой».

И мгновенно получила ответ: «Идея напиться на башнях хороша. Главное чтобы нас с тобой не занесло на Пизанскую, а то мы ее окончательно свалим!»

Дарья рассмеялась. До чего же она ценила в людях чувство юмора! И как же здорово в режиме онлайн общаться с дорогим человеком, который находится за тридевять земель, но по-прежнему все так же близок.

Отправив сама себе набранные за два дня тексты, любительница детективов намеренно отправилась в «переговорную» чуть раньше времени, на которое записывалась, надеясь застать там Майю и понять, с кем она общается по телефону, может, даже подслушать обрывки разговора.

Когда Дарья поднялась по лестнице, на площадке было тихо. Она вошла в комнату, подумав, что учительница уже ушла, но та сидела в кресле, и лицо ее на этот раз было вовсе не заплаканным, скорее, радостным, и даже торжествующим.

— Привет! Не помешала?

— Нет, я уже ухожу. — Майя положила на журнальный столик сотовый телефон, поднялась и выпорхнула из помещения легкой походкой счастливого человека, получившего приятное известие. И снова в телефоне не осталось следов ее звонков.

* * *

— А что вам на полдник дают? — спросила за ужином Дарья, которая еще ни разу не была в это время в столовой.

— Когда как, — ответила Катя. Бывает, кефир с печенькой, как в пионерском лагере. Сегодня были несладкий йогурт и банан.

— Наверное, это неправильно, но я совершенно равнодушна к фруктам.

— Я тоже.

— Вспомнилась забавная история, которую рассказала мой мастер маникюра. После рождения второго ребенка она резко поправилась, и какая-то «добрая» подруга посоветовала ей целый месяц питаться исключительно арбузами, чтобы «очиститься и похудеть». И женщина готовила еду для семьи, а сама через силу ела арбузы, нервничала и срывалась на мужа и детей. В итоге она за месяц поправилась на четыре килограмма!

— Неудивительно, если она питалась чистым сахаром. — Катя подняла бокал с вином и сделала глоток.

В это время мимо их стола тяжелой походкой, слегка прихрамывая, проходила Татьяна Николаевна. Она одарила женщин таким осуждающим взглядом, что Дарья снова порадовалась тому, что они знакомы только заочно. Иначе досталось бы «неудачнице» Юльке за подругу «алкоголичку». И это еще властная мама не знает про вечерний коньячок. Словно прочтя ее мысли, Катя вдруг сказала:

— Знаешь, состояние у меня такое... Не скажу, что депрессивное, но муторное какое-то. Так хочется коньяку вмазать!

— Так давай вмажем!

— А что, у тебя есть?

— Нет, но я знаю, где взять, — заговорщически сообщила Даша и спросила: — А у тебя что-то случилось, или просто тоска по тому, непонятно чему?

— Накатило. Вот мы с тобой гуляли на днях, я тебе историю про Андрея рассказывала, с которым у меня был роман. А сейчас просто из головы не идет продолжение. Все вспоминаю, и так себя жалко.

— А у этой истории есть продолжение?

— Ага! Я решила дать ему второй шанс, — с грустью призналась Катя, отодвигая в сторону пустую тарелку.

— Это то же самое, что человеку, который не попал в тебя с первого раза, дать вторую пулю.

— Увы, мы это поздно понимаем.

— Ладно, не расстраивайся, мой Любимый мужчина тоже уходит и возвращается. Так что я ему дала уже тысячу шансов. Но в принципе, я изначально знала, на что шла. До нашей встречи он четырежды женился на собственной жене.

— О! Да это признак постоянства.

— Скорее, дискретности, — ответила Дарья и, заметив недоуменный взгляд собеседницы, пояснила: — Прерывистости.

Они вернулись в корпус, и Леденева со всеми мерами предосторожности сбегав в комнату отдыха, наполнила из пятилитровой фляги пластиковую пол-литровую бутылочку из-под кока-колы. Потом забрала из холодильника шоколадку и упаковку с нарезанным голландским сыром. Спрятав все эти сокровища под объемным джемпером, она переложила их в своей комнате в целлофановый пакет и постучалась в Катину дверь.

По пути к самой дальней на территории базы скамейке женщины заглянули в спортивный комплекс и с удивлением отметили, что к четверем постоянным участницам «Шоу толстухек» присоединилась и Нина. Возможно, ее вдохновило то, что женщины каждое утро взвешивались, и две Алены горделиво рапортовали о своих успехах. С их слов выходило, что вес они теряют быстрее остальных пациенток клиники.

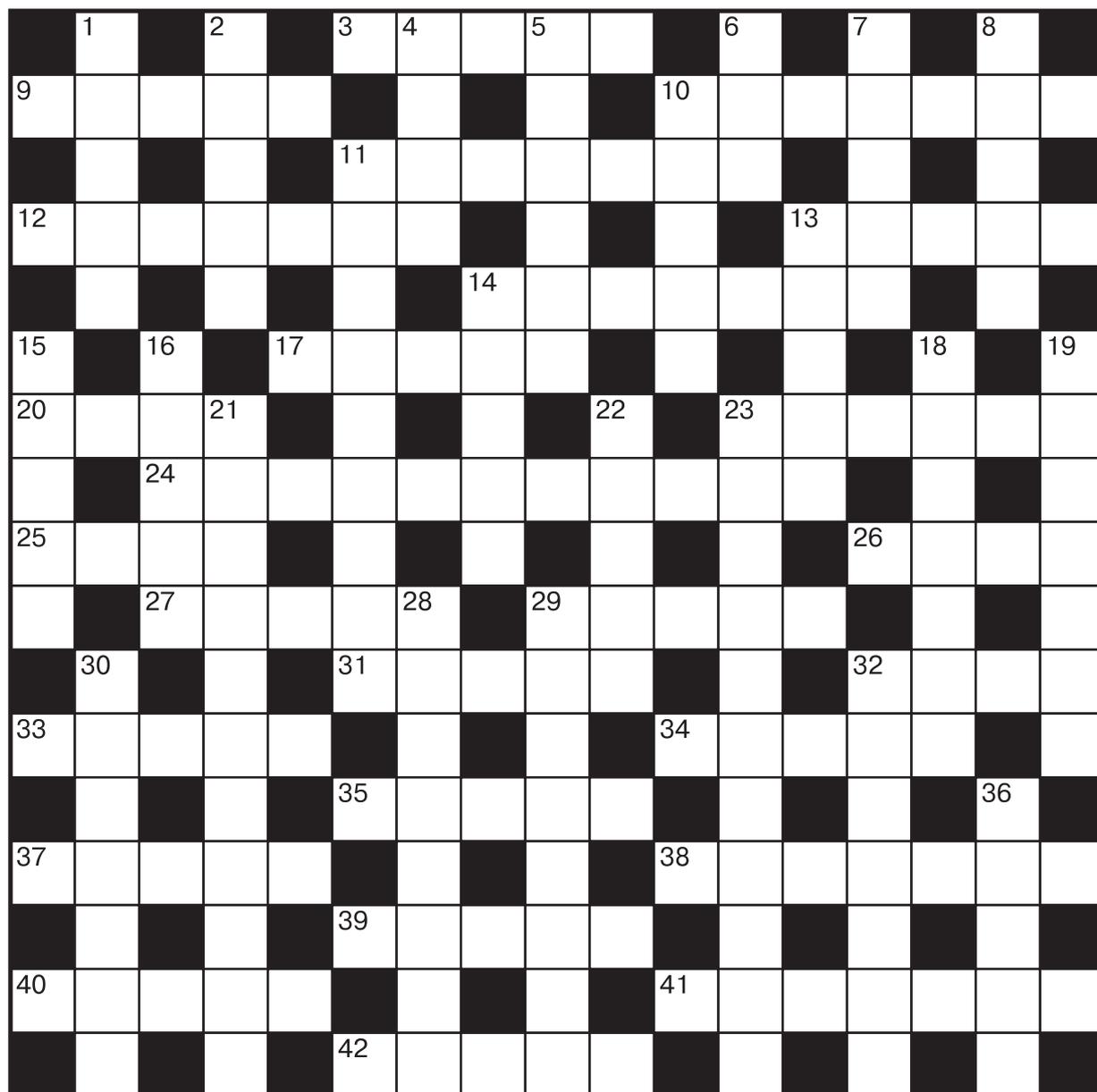
Скрытые от посторонних глаз зарослями кустарника, Катя и Даша подняли пластиковые стаканчики, чокнулись и, не сговариваясь, хором провозгласили:

— За нас!

— Ну, давай, рассказывай про свой «второй шанс», — предложила любительница женских историй, незаметно включив на браслете диктофон.

И Катя рассказывала и рассказывала... Она даже не заметила, как буквально в нескольких шагах от них прошла Жанна, чье лицо в отдаленном неярком свете фонаря казалось синеватым и озабоченным. Она, конечно, услышала доносящиеся из кустов голоса, но не остановилась, а, напротив, ускорила шаг. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Бульварная писанина». **9.** Что собой представляла «кошка», которой прежде на английском флоте наказывали провинившихся моряков? **10.** «Грибной отравитель». **11.** Чья голова оказалась на золотом блюде из романа «Мастер и Маргарита»? **12.** С каким

французским городом связана история «пленения пап»? **13.** Произведение «каменной живописи». **14.** «Мясная медуза» в русской кухне. **17.** Барщина «в натуре». **20.** «Радиоактивная планета». **23.** Живописный гений, нарисовавший «Оплакивание Христа» для своего же надгробия. **24.** Клиент

«биржи труда». **25.** Детское просто-душие. **26.** Чары дамы. **27.** Какой ягодой славится Крым? **29.** Какое блюдо первыми приготовили венгерские пастухи? **31.** Кого сыграла Алисия Викандер в триллере «Из машины»? **32.** Снижение без тормозов. **33.** Букет без цветов. **34.** Головной убор для десантника. **35.** «Его налево не отдашь» из комедии «Нейлон 100%». **37.** Черный ... из казацкой песни. **38.** Кто выше всех? **39.** Кто из репрессированных и сосланных в Сибирь будущих народных артистов СССР позже получил пять Сталинских премий и в их числе две за роль самого «вождя всех времен и народов»? **40.** Строевой экзамен. **41.** Якутский город, где отбывал ссылку писатель Николай Чернышевский. **42.** Кров сезонников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** На какой фрукт может быть похож нос? **2.** Присаживать ... на работе. **4.** «Ничто так не

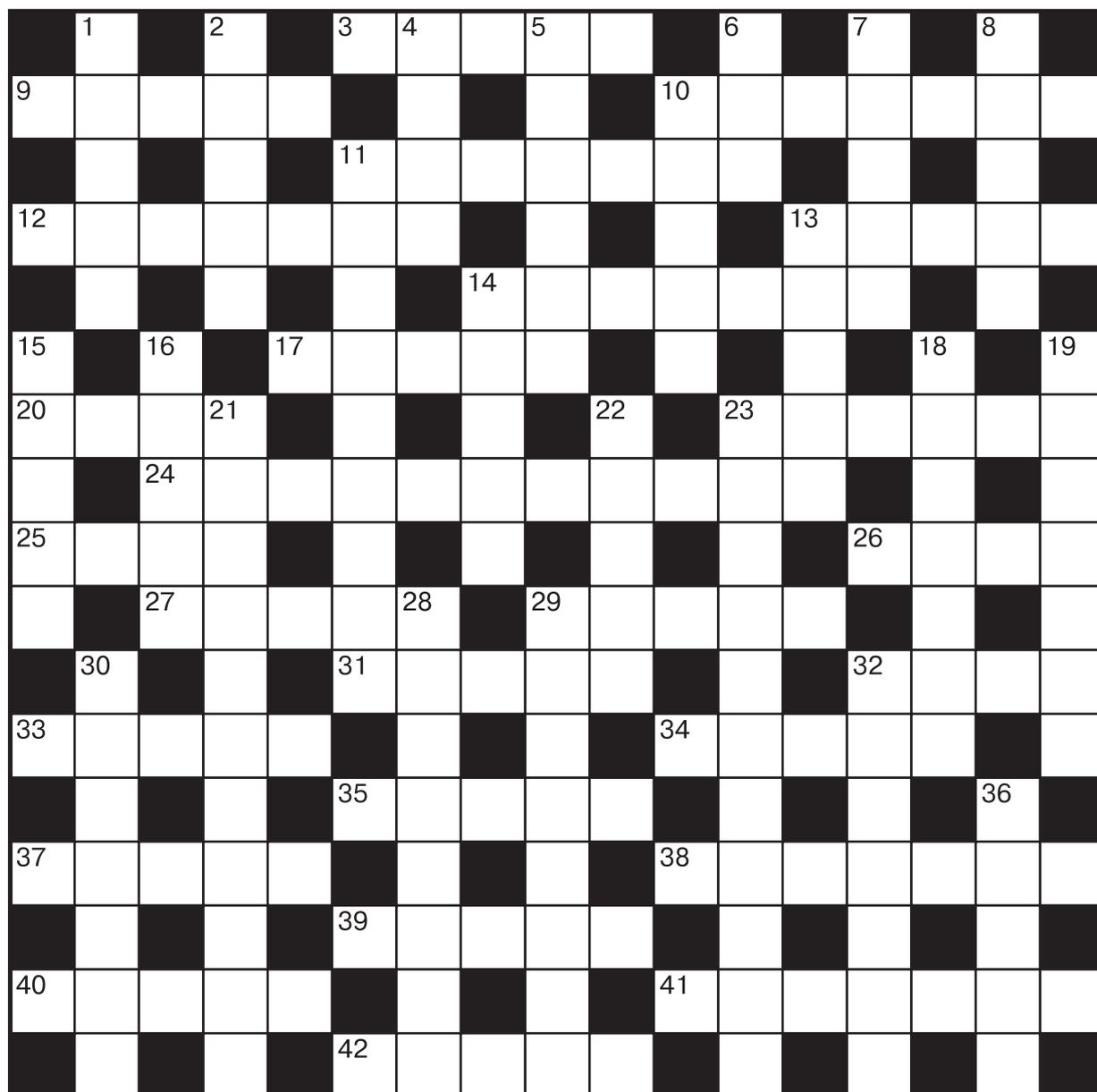
нуждается в исправлении, как чужие привычки» (американский классик). **5.** Раскрученная игрушка. **6.** Глава масти. **7.** Стародавний курьер. **8.** Железное правило. **10.** Зимний «убийца». **11.** Критик вратарей. **13.** Газ из благородного семейства. **14.** Увлечение в часы досуга. **15.** Единственный город Подмосковья, расположенный на Волге. **16.** Дудочка охотника для подманивания зверей. **18.** Шашка подрывника. **19.** Воспоминания пациента при постановке диагноза. **21.** Что обрел некий мистер Гриффин благодаря воображению Герберта Уэллса? **22.** Американский мастер детектива, происходивший из квакерской семьи. **23.** Какой дате крещения Руси художник Илья Глазунов посвятил картину «Вечная Россия»? **28.** Кто родил первенца Петру Великому? **29.** Какое мясо свое уже отмычало? **30.** За что радикал ратует? **32.** «Обязательный уход» под босоножки. **36.** Обувная паста.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Гафт. **6.** Заклад. **10.** Синатра. **11.** Бамбук. **12.** Вагнер. **13.** Заигрыш. **14.** Вальс. **17.** Хам. **18.** Жандармерия. **21.** Атлантида. **22.** Стрелка. **25.** Гоген. **26.** Диссидент. **27.** Раут. **29.** Педиатр. **30.** Архив. **31.** Шариат. **33.** Флорариум. **36.** Нагиев. **38.** Мачо. **39.** Толкунова. **40.** Опал. **41.** Очки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Губа. **2.** Фимиама. **3.** Лик. **4.** Сарабанда. **5.** Бригада. **7.** Апаш. **8.** Лена. **9.** Дыра. **10.** Судья. **12.** Выкрутасы. **14.** Вахта. **15.** Легендариум. **16.** Висконсин. **19.** Фагот. **20.** Стрепет. **23.** Викторина. **24.** Ярошенко. **25.** Гуррагча. **28.** Диалект. **29.** Пакет. **32.** Дрова. **34.** Матч. **35.** Сочи. **37.** Вор.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой самоцвет стал символом Техаса? **9.** Головной платоку арабов. **10.** Татарская домашняя колбаса. **11.** Какое вещество придает особенный вкус кофе сорта Корі Luwak — одного из самых дорогих в мире? **12.** «Восьмой цвет» спектра Плоского мира. **13.** Трава для

похудения. **14.** Прыжок циркового акробата с ноги на ногу, усиливающий толчок от земли. **17.** Освящаемый хлеб в Византии. **20.** Бог царства теней у славян. **23.** «Фестиваль огня» у итальянцев. **24.** Солдат при метательной машине античных времен. **25.** Триллер об Антихристе.

26. Одежда иконы. **27.** Первенец Оскара Уайльда. **29.** Венгерская шаурма. **31.** Хвост и грива у лошади. **32.** Снежный человек. **33.** Одежда таитянок с полотен Поля Гогена. **34.** Винный сосуд из античных времен. **35.** Жухала в виртуальной игре. **37.** Кто придумал шкалу сексуальной ориентации? **38.** Кто разрушил шумерскую цивилизацию Ура? **39.** Кто разработал «генератор нулевого времени»? **40.** «Морской салат», богатый железом и кальцием. **41.** Половина бильярдного кия. **42.** Китайский город с конечной точкой «Шелкового пути».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Рогатина римских воинов. **2.** Пресноводная черепаха. **4.** Концовка птичьего пера. **5.** Меч из средневековой Европы. **6.** Из какого океана в мифах древних египтян возникла земля и жизнь на ней? **7.** Приправа к лепешкам у удмуртов. **8.** Золотая монета из Афганис-

тана. **10.** Декоративная бумага. **11.** Аминокислота, необходимая иммунной системе. **13.** Великий творец Земноморья. **14.** Какой датский археолог ввел в научный оборот понятие «эпоха викингов»? **15.** Английская деревушка с коттеджем, где провела последние годы жизни мировая романистка Джейн Остин. **16.** «Спортивный кубок» у древних греков. **18.** Митрополит в духовниках Ивана Грозного. **19.** Кто основал первую в России бактериологическую станцию? **21.** Какому учению «отдал дань» святой Августин до своего обращения в христианство? **22.** Шелковые нитки для вышивания. **23.** Наука определения растений по внешнему виду. **28.** Основатель католического ордена «Белые отцы». **29.** Великий Данте по своей партийной принадлежности в зрелые годы. **30.** Этаж Мирового океана. **32.** Храм культа, бывшего когда-то «основным конкурентом» христианства. **36.** Спутница игр Персефоны.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Токе. **6.** Экстер. **10.** Куботан. **11.** Менхеп. **12.** Вулкан. **13.** Годегет. **14.** Дикти. **17.** Лот. **18.** Зоммерштерн. **21.** «Антихрист». **22.** Оксалат. **25.** Солод. **26.** Кальдония. **27.** Рекк. **29.** Бабетта. **30.** Миних. **31.** Куртаг. **33.** Лалохезия. **36.** Диббук. **38.** Ясак. **39.** Карабачча. **40.** Лейх. **41.** Фифи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Тамм. **2.** Конвит. **3.** Луп. **4.** Сорокоуст. **5.** Маремма. **7.** Кнут. **8.** Токи. **9.** Рене. **10.** Кенте. **12.** Веррокью. **14.** Дойна. **15.** Стеатопигия. **16.** Эркафилия. **19.** Щиток. **20.** Ареопаг. **23.** Гастроман. **24.** «Крокодил». **25.** Скарабей. **28.** Легавая. **29.** Бабук. **32.** Сенча. **34.** Ясли. **35.** Акки. **37.** Кап.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется
в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №10-2025**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

25009

СМЕНА

« Пятнадцатилетие великой княжны Екатерины Павловны едва не обернулось замужеством с Наполеоном Бонапартом. Граф Коленкур, посол Франции в России, получил из Парижа депешу, прочитав которую, император Александр только ахнул. В ней говорилось, что Наполеон готовится развестись с Жозефиной и рассчитывает на сестру русского императора. Александру предстоял нелегкий выбор...

Светлана Леонтьева «Как не стать женой Наполеона»

« Женщин, вдохновлявших художников, очень много: и Лаура, и Беатриче, и Галя, и многие другие. Но в этом ряду особняком стоит Лидия Делекторская, женщина, которая всю жизнь старалась быть максимально незаметной, подчеркивая, что лишь служит великому таланту. Этому она посвятила всю свою жизнь. После смерти Матисса картины, оказавшиеся в ее распоряжении, Лидия подарила Эрмитажу и Музею изобразительных искусств, отдельно отметив, что не нужно упоминать ее имя — пусть дар будет анонимным. А итог своей жизни она подвела одной фразой: «Я подарила России Матисса, а Франции — Паустовского».

Евгения Гордиенко «Русская муза Матисса»

« Писатель Джозеф Конрад — поляк по происхождению, но признание получил как английский писатель. Он написал около тридцати книг о своих морских путешествиях и приключениях. Море было его стихией. Сам он говорил: «Морю суждено было стать моим миром на многие годы». Романтик, мастер психологической прозы, он, можно сказать, «пересоздал» приключенческий жанр и оказал огромное влияние на литературу XX века.

Юрий Осипов «Певец моря»

« Осенью этого года Академический хор русской песни отмечает свое 80-летие. Художественный руководитель и главный дирижер коллектива Николай Азаров в своем интервью «Смене» говорит о том, что смысл их работы неизменен: это сохранение, преумножение и развитие традиционной русской культуры.

Окончание детектива Ларисы Королевой «Шоу толстушек»

№9 сентябрь 2025